Сура

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

5 (129)

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

Литература — язык, выражающий всё,
что страна думает, чего желает,
что она знает и чего хочет и должна знать.

Иван Гончаров

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Поэзия ДНР. Не трогайте Донбасс! Стихи 3
Николай БУЯНОВ. Умная Эльза. Кинороман.
Начало. Продолжение в № 6 за 2015 г. 9
Константин РАССАДИН. Березовое небо. Стихи 88
Вера ДОРОШИНА. И сорвутся слова… Стихи 93
Марина СТРУКОВА. Здравствуй, бабушка! Рассказы 98
Геннадий ЁМКИН. Ужели поздно песни петь? Стихи 108
Елена ЧЕБАЛИНА. Веретено. Стихи 113
Арсений АЛЕКСЕЕВ. В кружеве листопада. Стихи 119

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Елена РОДИНА. Уроки Тамары Мельниковой 123
Александр ТИХОНОВ. О главном. Стихи 132

ПАМЯТЬ

Валерий СУХОВ. «На мотив Сережи я складываю песни».
К 120-летию со дня рождения С.А. Есенина 138
Ибрагим ГУРКИН, Павел ФЕЛЬДМАН. Классик татарской литературы.
К 145-летию со дня рождения Захира Бигеева 151
Виталий СОКОЛОВ. Самый жизнелюбивый человек.
Памяти Николая Никифоровича Шевкуненко 159
Александр МАРЫНОВ. Возвращение на родину.
К выходу книги Н. Степного «Записки ополченца» 166

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Мария БЕЛКОВА. Чудеса с ошибками. Сказочка 171

ДЕБЮТ

Марина СТАВСКАЯ. Смерть-гора.
Почти подлинная история, похожая на сказку 175

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. Золото и медь.
Интонация стихотворений Геннадия Ёмкина 187
Олег ПУГАЧЁВ. «Лермонтов. Московские страницы
жизни и творчества». Рецензия на книгу С.А. Бойко 195
Эдуард АНАШКИН. Слова, подаренные ветру.
О новой книге В. Дорошиной 198
Александр ЕРЁМЕНКО. Шестой день шестого лунного месяца в Пензе 202

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

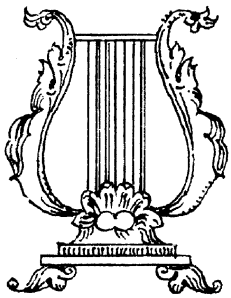
Песни Анны СКОРОБОГАТЬКО 206
Роман ДАВЫДОВ. Песенная Пенза. Рыцарский романс 214

Об авторах 217

© Редакция журнала «Сура»

Поэзия ДНР

НЕ ТРОГАЙТЕ ДОНБАСС!



Стихи

Журнал «Пять стихий» появился в ноябре 2010 года в городе Горловке в виде альманаха под эгидой издательства «Донбасс» (Донецк). А уже в конце 2011 года был зарегистрирован как самостоятельный донбасский литературный журнал. За это время на страницах журнала гостили авторы со всей Украины, России, Белоруссии, Австралии, Германии, Израиля и Канады. Но основной костяк авторов — это литераторы Центрального района Донбасса, для которых этот журнал в данный момент остался единственной печатной трибуной, т. к. многие издания в основном перестали выходить в свет с июня-июля прошлого года. Помимо основных номеров, коллективом журнала под эгидой «Библиотеки «Пяти стихий» выпускаются литературно-художественные приложения, как коллективные сборники, так и авторские. К 5-летнему юбилею в ноябре этого года коллектив готовится выпустить уже 17-й номер.

Иван ВОЛОСЮК

* * *

От полыни воздух горче,
спи, окраинная Русь.
Я во сне неразговорчив —
проболтаться не боюсь.

Разорвётся, как ни штопай,
наливай себе да пей.
Спит российский Севастополь
и Луганск — пока ничей.

* * *

Максиму Щербакову

Почти одинаковы: род, рать,
деревьями в белых шарфах спать.

Добро с кулаками: под дых, влёт,
нескладного времени кровь, пот.

Потом устаканится: рвань, хлябь,
а в Киеве весело — гробь, грабь.

А если зацепит (февраль — лют),
Затянется рана, как льдом пруд.

Виктория ПОЛЯКОВА

В НОЧЬ НА 16 ЯНВАРЯ

Подвала нет (в проекте был упущен)…
Какую из трёх стен считать несущей?..
Куда упасть?.. Удар взрывной волны…
О Господи, пошли нам тишины!..

Дом — ходуном: разрывы где-то рядом…
Теперь от нас: по звуку — запуск «Града»…
Вновь валидол положен под язык…
О Господи, как хочется мне жить!..

Мне всё равно: «укроп» то или «ватник»…
Но пятый час дрожит сервиз в серванте…
Хорошего и в эту ночь не ждать…
Свет вырубили… кончилась вода…

Нас с двух сторон подталкивают к бунту.
Одни кричат: «мир нарушает «хунта»,
Другие: «вас сливают, как всегда…»
Шесть месяцев не ходят поезда…

И блокпосты на выездах и въездах…
Нет, никогда страна не будет прежней! —

Ей жители Донбасса не нужны:
Мы террористы для своей страны!..

Под взрыв снарядов и осколков визг
Здесь отмывают «баксы» на крови
И делят бизнес-сферы — интересы,
Но выдает прикормленная пресса:

«Ату — Россия!.. Украина — браво!..»
Чеканит шаг брусчаткой «сектор правый» —

Джинн вырвался — попробуй загони...
О Господи, спаси и сохрани!..

День ТИШИНЫ! — насмешка, не иначе...
Мать над ребёнком годовалым плачет...
В Полтаву, Киев, Львов везут гробы —
Такая вот «ирония судьбы»...

...Курганка, Бессарабка, Комсомолец...
Я в позе эмбриона в коридоре
Сижу, нательный крестик крепко сжав...
О Господи, прости...
Моя душа
Всё дальше отлетает с каждым взрывом...
(Хочу заметить, я не из пугливых),

Но этого не выдержит никто:
Подпрыгивает трехподъездный дом,
А вместе с ним и мой район, и город...
Пожаром близким обагрило шторы...

Как с этим жить, скажи мне, Бог-Отец?!.
Молю я о смягченье злых сердец
И имена святых перебираю...
Кому еще молиться, я не знаю...

Шестнадцатое.
Утро.
Тишина.

Сама себе не верю, что война...

* * *

Смерть поневоле соберет своё
(Второй автобус миной распанахан).
Очнитесь, украинцы: «Я — Майорск!»
(Немного северней, чем Волноваха…)

Вы линию раздела провели —
Черту убийства и голодомора.
Весь мир кричал, смотрите: «Я — Шарли!..»
Сейчас молчит, глаза потупив долу…

…И в бахмутскую степь людской поток
(Вы ж говорите всем, что мы едины)
В обход укреп-районов, блок-постов,
Подобно вешним водам, бурно хлынул…

Единожды солгавшим веры нет,
И стал Иудой старший брат мой — Киев!
Я — Горловка, Дебальцево, Донецк!..

Расстрига-поп отслужит литургию!

Иван НЕЧИПОРУК

ГУЛЛИВЕРОПАД

Без надежды, без любви, без веры,
Одурев в предчувствии войны,
Лилипуты валят гулливеров
С постаментов гибнущей страны.

Изолгав историю и даты,
Малорослый озверел народ,
Словно гулливеры виноваты
В том, что лилипутам не везёт.

И летят, раскалываясь, туши,
Массой содрогая города…
И мельчают нищенские души,
Оскверняясь, раз и навсегда.

* * *

В такие ночи люди умирают.
Зачем же я, дурак, ещё живу?
Б. Чичибабин

В такие ночи люди погибают
Под яростным предательским огнём.

Людские жизни, словно свечи, тают…
А мы, счастливцы, надо же, живём!

Мы просыпаемся. Шатаясь, на работу
Идём и оживляем города,
И снова дышат шахты и заводы…
А кто-то в Лету канул. Навсегда!

Мы будем жить назло друзьям вчерашним!
Снарядами летят сомненья прочь.
Обязаны, как ни было б нам страшно,
Жить за себя и за ушедших в ночь!

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Тают в облаках лучи…
Ветер свищет, как нагайка,
Воздух сладостно горчит.
Надо мной не плачут чайки,
Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты…
На ветру трепещет осень,
Сквер, осунувшись, простыл.
И октябрь с собой уносит
Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной…
И друзья считают чаек
Над холодною Невой.
И, по Родине скучая,
Не торопятся домой…

* * *

В хитросплетеньях цифр и дат
Перемешались все события.
Дома, осколками побитые,
Безглазо выстроились в ряд.

А под ногой хрустит стекло,
Деревья с вырванными удами…
Мой город, преданный иудами,
Ещё в строю в борьбе со злом.

Мы верим завтрашнему дню:
Мы город исцелим, отстроим,
Мы наречём его героем,
Назло
и смерти,
и огню.

Оксана ЕГОРЦЕВА

СВИДЕТЕЛЬ АГРЕССИИ

Почти ушла. Почти что убежала.
Но оглянулась… Встала — не смогла!
Домой — пешком с бурлящего вокзала…
Толпа же «штурмовала» поезда.
Я не смогла уехать и оставить
Любимый город в сумраке войны.
И не уйти от участи печальной
Свидетеля агрессии страны,
Когда-то мирной…
Город мой, держись!
Ведь ты — солдат, достойный предков славы.
Для них — АТО, для нас — война за жизнь,
И мы сдаваться не имеем права!

НЕ ТРОГАЙТЕ ДОНБАСС

Донбасс свой выбор сделал, господа!
А вы скачите, коль остались силы.
Извечная борьба добра и зла
Закончится нежданно — у могилы,
Когда всех сыновей схоронит мать,
Когда отец семейства не вернётся…
Я не устану это повторять:
«Очнитесь, люди! Сколько крови льётся…»
Не трогайте Донбасс — мы будем жить
И вопреки досужим разговорам!

Чтоб власть смирилась со своим позором,
Скольких ещё вам надо схоронить?

Николай БУЯНОВ

УМНАЯ ЭЛЬЗА

Кинороман

Изначально это был сценарий военно-приключенческого фильма — его заказала московская киностудия одному моему приятелю, журналисту и драматургу, а он в свою очередь неожиданно предложил мне соавторство. Предложение меня, признаться, слегка шокировало: «киношного» опыта у меня не было никакого. Однако Андрей — так зовут приятеля — как-то сумел меня убедить, то есть попросту вызвал *(вызвонил,* как выражаются в их среде) в Москву, к себе домой, провел на кухню, разлил «Старый Кенигсберг» на две рюмки и хлопнул меня по плечу: не менжуйся, мол, старик, не боги горшки обжигают. Ты писать романы тоже начал не с рождения, а теперь! Сколько у тебя изданных книг?

«Девять», — вяло признался я (насчет писательской деятельности я бы еще согласился, писателей нынче много хороших и разных, но по поводу горшков... *Нет, горшки обжигают все-таки боги).*

Андрей тем временем, не давая мне опомниться, разлил по второй — и рассказал историю, которая, по его замыслу, должна была лечь в основу сценария.

История, надо сказать, показалась мне абсолютно неправдоподобной. Ни одна здравомыслящая киностудия с ней бы нас и на порог не пустила — так я и заявил своему другу. «Хочешь доказательств? — спросил он без обиды. — Ладно, будут тебе доказательства». И следующим вечером познакомил меня с человеком, который оказался живым участником тех событий (он присутствует в сценарии — на второстепенных ролях, с другой внешностью и под измененной фамилией). Тогда же, в Москве, я удостоился чести не только услышать эту историю из первых уст, но и увидеть его крошечный домашний музей в старенькой квартире на Коннозаводской: ломкие документы на русском и немецком, пожелтевшие фотографии, письма с едва проступающими следами химического карандаша — так наши деды и прадеды писали с фронта...

И это избавило от последних сомнений.

Мы с Андреем принялись за работу. Проштудировали специальную литературу, потолкались на съемках (посторонних туда обычно не пускали, но приятель *нашел концы),* пообщались с режиссером и артистами — словом, *въезжали в процесс* (снова фраза из Андреева лексикона). Ну а затем — писали, вырывая друг у друга бумагу и ручку, то бишь компьютерную «клаву», точно Ильф и Петров в пору создания «Золотого теленка». Трудно описать наш энтузиазм: ведь скоро, совсем скоро наш труд обещал обернуться... Даже не изданной книгой, а чем-то большим — *воплощенным на экране действием.* Привычным московским двориком и разведгруппой в маскхалатах, замершей под лучом прожектора на ничейной полосе. Ярко-оранжевыми парашютными куполами в небе (это уже в наше время) и таинственной личностью графа Брюса из восемнадцатого столетия — российского аналога графа Калиостро, гениального (а может, просто сумасшедшего, кто знает) исследователя, намного опередившего свое время...

Через два месяца сценарий был готов и одобрен руководством студии — почти неслыханное дело для двух начинающих кинопрозаиков. Еще месяц ушел на подготовку — со дня на день должны были начаться собственно съемки...

И вот тут страну, как всегда неожиданно, потряс очередной кризис. Финансирование проекта было прекращено, группу распустили на неопределенный срок, уже готовые к съемкам павильоны (где благодаря современным технологиям можно воспроизвести хоть нападение парочки годзилл на Нью-Йорк) спешно отдали в аренду вещевому рынку. Наша надежда сменилась отчаянием. Единственным плюсом было лишь то, что руководство студии разрешило мне использовать уже готовый сценарий для написания художественного романа. Чем я через некоторое — довольно продолжительное — время и занялся.

Вот так красочно и подробно я объясняю читателю, почему в результате получился не роман, а кинороман — модный нынче жанр на стыке кино и литературы. Сюжет кое-где пришлось дорабатывать: уплотнить действие, чтобы не растекаться мыслью по древу (но при этом сохранить и описания природы, и характеры героев, и их внутренний мир), чересчур театральные сцены убрать (то есть не приукрасить, как обычно, а наоборот, слегка приземлить) и перенести место действия из Москвы в некий абстрактный провинциальный город. Признаться, не люблю Москву — сосредоточие власти, шальных денег, апломба и амбиций. Всего-то и хорошего, что Красная площадь, Измайловский парк и ЦУМ... Да и на сюжет этот перенос никак не повлиял. К слову, оттого, что сценарий писался еще до последнего кризиса, главы романа с пометкой «Наше время» следует принимать не буквально, а с некоторой поправкой: тогда полиция называлась милицией, мобильные телефоны были менее навороченные, а герои — на несколько лет моложе.

Вообще же талантливых писателей, работающих на поприще кинолитературы, сейчас хватает: Себастьян Жапризо, Елена Толстая, создательница удивительной истории любви адмирала Колчака к Анне Тимиревой (к слову, сыгравшей второстепенную рольку в комедии Гайдая «Бриллиантовая рука», — помните не-

приметную дамочку, которая всюду сопровождала монументальную Нонну Мордюкову?), взлетевший ныне на пик славы Борис Акунин…

Так что, уважаемый Читатель, вряд ли сам по себе кинороман станет для Вас большим открытием. Разве что для меня, поскольку это первый мой опыт — очень надеюсь, что удачный.

Впрочем, не мне судить.

Любительская видеозапись.

Источник: в/кассета TDK VHS 12,5 мм. Качество записи — ниже среднего, что объясняется «запиленностью» пленки, к тому же камера при передвижении прыгает вверх-вниз, в такт шагам.

В видоискателе приветливая березовая рощица, раннее утро, вторая половина мая. Тропинка меж деревьев — самый короткий путь от автобусной остановки к спортивному аэродрому к юго-востоку от города. Во времена оные аэродром принадлежал ДОСААФу, об этом напоминают кое-где сохранившиеся плакатики с комсомольцами в летных шлемах. Комсомольцы независимо от пола похожи на клонов Юрия Гагарина: широкий разворот ключиц, белозубая улыбка, решимость и преданность партии ВКП(б) в васильковых глазах… О партии и комсомоле нынешнее поколение, взращенное на чипсах и интернетовских блогах, имеет весьма смутное представление, однако страстно «болеющие» небом — самолетами, планерами, парашютами — отнюдь не перевелись, просто подрастеряли идеологический базис. Самый многочисленный их подвид — парашютисты, для них небо давно стало чем-то вроде тяжелого наркотика.

Девушка лет семнадцати, с черной косой, в спортивных брючках, яркой ветровке, с молодежным рюкзачком, — камера показывает ее со спины. Периодически она оборачивается и что-то говорит спутнику (или спутнице), у которого находится камера. Сам спутник не виден, лишь на секунду его рука случайно закрывает объектив — судя по манжету, он одет в старый вылинявший комбинезон наподобие тех, в которых щеголяют комсомольцы на плакатах. Чувствуется, что они давно знакомы, поэтому девушка не опасается: а чего опасаться? Она здесь своя — не совсем хозяйка, но точно аборигенка: вполне заслуженная КМС, три сотни прыжков в активе, недавняя победа на России, прошлогодняя поездка в Пльзень, место в профессиональной четверке воздушной акробатики… Гораздо больше ее беспокоит состояние неба: она озабоченно смотрит вверх, в прогал в листве, и очаровательно морщит лобик.

— Тучки, однако. Дождик не пойдет, как думаешь? Отменит Палыч прыжки или вертушка забастовку объявит — получится, зря торопились.

Спутник меж тем слегка приотстает: объектив разворачивается влево, захватывая тускло блестящее меж деревьев водяное зеркало. Это небольшой, почти идеально круглый лесной прудик, в котором в хорошую погоду так и тянет искупаться. Девушка тоже не прочь окунуться — жаль, прохладно и время поджимает, о чем она и извещает своего спутника.

— А наши дурочки боятся, представляешь? Выдумали себе «городскую легенду» — ну, страшилку, будто здесь видели этого... Разбившегося Парашютиста. Лет пятнадцать назад, еще при ДОСААФе, во время прыжков разбился один парень. То ли ранец не так уложил, то ли «медуза» не сработала... Или тогда еще не было «медуз»? Ну вот, а потом он ожил и превратился в вампира. Подкарауливает жертву у пруда, режет горло и сосет кровь... Если погода хорошая, то он обычно в синем летнем комбинезоне, такие уж сто лет не носят, а если дождь — то в плаще с капюшоном (смотрит в небо, откуда падают первые капли). Похоже, накаркала. Пошли быстрее, а то вымокнем... А почему ты так смотришь? Глупости болтаю, да?

Только сейчас она оборачивается — как раз в тот миг, когда ее спутник делает короткий, почти незаметный взмах рукой и тут же отскакивает назад: ему вовсе «не улыбается» забрызгать объектив кровью, которая так и бьет фонтаном. Потом снова подходит, стараясь не выпускать девушку из кадра. К тому времени она уже лежит на траве, лицо спокойное, лишь чуточку удивленное — смерть его нисколько не портит, наоборот, делает еще прекраснее. Тонкие брови вразлет, восточные глаза, притянутые к вискам, черная коса распадается — и волосы стремительно намокают от крови и воды, эти две жидкости смешиваются, образуя весьма причудливую гамму...

Гамма незнакомца не интересует. Мертвая девушка тоже: он равнодушно перешагивает через тело и, не торопясь, идет прочь. Не к аэродрому и не к автобусу: его путь лежит к кромке пруда, ему необходимо отмыть нож. Нож у незнакомца особенный: с изогнутым и зазубренным, как у пилы, лезвием. Без подобного атрибута ни один уважающий себя парашютист даже к самолету не подойдет. Бывает, от него зависит жизнь — если ветер отнесет парашютиста на деревья.

Нож называется «стропорез».

Смена кадра и эпохи. Титры на экране: Год 1725. Ноябрь, Двинская губа, каторжный острог близ Архангельска.

Угрюмая, черная от влаги тайга — тайга, которая, подобно океану, не ведает границ. Полузаросший тракт, еле угадываемый в темноте, прошлепины двух сопок впереди, точно макушки начинающих лысеть великанов, и призрачные контуры некой деревеньки слева, на фоне холодно-серой воды, похожей на разлившуюся ртуть.

Когда-то деревенька была справной. Обитатели ее, лесные карелы, ловили таймень в устье (знатный был таймень, такой и к царскому столу не стыд было подать), бортничали, били пушного зверя, собирали по склонам сопок ягоды и иные таежные дары. Кое-кто мыл золото, скитаясь от ручья к ручью и доходя в своих поисках аж до Большого Камня...

Словом, живи — не хочу.

Теперь той деревни не было. Торчали ввалившиеся внутрь останки изб, зарастала бурьяном когда-то хоженная и езженная дорога, и только рассохшееся

водяное колесо едва ворочалось в обмелевшем ручье. И кузни, и мельницы давно уж и след потерялся, а колесо еще скрипело на ржавой оси, точно в насмешку.

Люди здесь не селились уже три века. И даже не заходили сюда — ни для охоты, ни за грибами-ягодами, считая эти места проклятыми.

Капитан Алексей Изместьев, начальник каторжного острога, несколько раз проезжал неподалеку вместе с казачьим пограничным отрядом и всякий раз потихоньку крестил грудь слева направо (матушка-покойница была лютеранкой). Ныне он креститься не стал и даже не взглянул в сторону мертвой деревни — не до того было.

В «рывок» ушли трое. Это обнаружилось, когда каторжников, отработавших смену в медном руднике, вывели наружу, чтобы отвести назад в крепость. Недосчитались осужденного за разбой Федьки Рваного, бывшего атамана бандитской шайки Степки Цыгана и одиннадцатилетнего Ивашки Глуздырева, угодившего в острог вместе с папашей-казнокрадом. Папаша, Антип Глуздырев, услыхав о побеге отпрыска, вывалился из строя и рухнул мордой в грязь перед начальником конвоя Семеном Новгородцевым.

— Господин урядник! Отец родной, не погуби! Со мной что хошь делай: плетьми бей, из-под земли вовсе не выпускай — только Ивашку живого верни… Прикажи не стрелять, когда догоните! На коленях молю!!!

Семен Новгородцев — широкий в плечах, в насквозь мокром плаще-накидке — выпростал руку и коротко ткнул Антипку в зубы — так, что тот отлетел на сажень и харкнул кровью.

— Следить надо было за своим щенком. А теперь уж как Бог даст.

Неожиданно ловко для своей комплекции взмыл в седло и крикнул молодому поручику:

— Никита! Отведешь этих в крепость. А мы с Матвейчуком попробуем беглецов по-быстрому сыскать.

Тот, кого назвали Никитой — совсем юный, не старше семнадцати, с едва пробивающейся ниточкой усов, — удивленно посмотрел на собеседника.

— Как же ты их сыщешь? Тайга-то большая.

— Тайга большая, да дорог в ней мало, — нехотя отозвался Семен. — На юге вдоль тракта казачьи заставы, на севере сплошные топи — значит, пойдут на восток. Упрутся в реку, станут искать, где переправиться, — там их и возьмем.

— Постой-ка, — Никита тронул коня пятками. — Я с тобой. А колодников вон Матвейчук доставит.

Семен Новгородцев грозно шевельнул бровями:

— Вам повторить приказ, поручик?

— Я вот батюшке пожалуюсь, он тебе покажет приказ, — пренебрежительно фыркнул Никита. — Ты за беглыми колодниками поскачешь, а мне в крепости сидеть, как красной девице? Не дождешься. Ефимка! Где ты, черт узкоглазый? Веди собак, пусть след берут.

Семен отвернулся и вполголоса, чтобы не слышали подчиненные, выпустил в пространство витиеватую фразу. «Стащить бы щенка с лошади, — мелькнула

мысль, — да оттаскать за уши…» Нельзя. Начальский сынок, мать его через день. Ничего. Порыскает по тайге, под дождем пару-тройку часов — авось охолонет.

Пожилой, с обвислыми усами прапорщик Матвейчук поднял на ротмистра слезящиеся глаза.

— Будьте осторожней, господин урядник. Федька Рваный — зверь, каких поискать. Пять лет назад двум архангельским купцам головы отрезал, прежде чем мошну обчистить. Мальчонку, я думаю, они с Цыганом «коровой» взяли.

— Знаю, — буркнул Семен и вытянул коня плетью. «Коровой» на языке каторжников называли заключенного, которого сотоварищи берут в побег, чтобы убить и съесть по дороге: проще и легче, чем тащить харч на своем горбу.

Это случилось накануне вечером. К следующему же утру, когда стало ясно, что след беглецов потерян, у воеводской избы прочавкали по грязи копыта и торопливо стукнула входная дверь. Капитан, прикорнувший прямо за столом, поднял голову и увидел измотанного до последней степени, облепленного грязью подчиненного.

— Ну? — коротко спросил Изместьев. — Нашли?

— Нашли, Алексей Илларьевич. Они в пещеру забрались, аккурат вот здесь, возле излучины, — Семен подошел к карте и ткнул в нее пальцем. — Мы предложили добром выйти, но пока не выходят, терпят. Только вот сынок ваш, то есть поручик Изместьев…

— Что?! — рявкнул капитан, опрокидывая стул. — Да рожай ты уже, сукин сын!!!

— С ними он, ваше благородие. Они, ироды, его заложником взяли.

Проливной дождь. В тайге дожди совсем непохожи на те, что скачут ради забавы по деревянным московским мостовым и поят разнотравье на лугах под Волгой или Клязьмой. Здесь однажды зарядивший дождь вполне может идти и неделю, и месяц — его монотонность внушает животный ужас даже самым закоренелым преступникам. Не тяжесть рудничных работ, не жестокость надзирателей, не сорокаградусные зимние морозы и не летний гнус, а вот эта бесконечность — во времени, в пространстве, в мыслях, а затем в их отсутствии, в отупении, за которым неизбежно следует смерть, — именно этим каторга и страшна.

На то она и каторга.

Последние полверсты шли пешком: кони спотыкались на размокшей глине и пятились, едва не обрывая уздечки. Пришлось оставить с обозным солдатиком.

— Сюда, ваше благородие, — указал Семен направление. — Сопку видите? Слева по склону кривобокая сосенка, под ней пещера и есть. Может, раньше медведь жил, может, еще какой зверь… — он покряхтел и стряхнул воду с усов. — Сынок ваш сунулся ко входу: мол, сам на всех троих кандалы надену — и в крепость. Они его и утянули.

— Кто перекличку делал?

— Матвейчук. Он колодников вчера из забоя выводил.

— Разжалую стервеца, — сквозь зубы проговорил капитан. — Плетьми отхожу. Самого в забой отправлю.

— Никак невозможно, ваше благородие, — сухим голосом возразил Новгородцев.

— Это еще почему?

— Убили Матвейчука. Он, как услыхал, что Никита из пещеры голосит, рванул за ним, тут его и подрезали. Может, Федька, может, Степка Цыган... Штуцер забрали и патроны. Сполна расплатился, стало быть, — Семен снял фуражку и перекрестил лоб: — Упокой, Господи...

От дождя уже никто не прятался. Река свинцово блестела внизу, под глинистым обрывом («вот они и не сумели спуститься, — мелькнуло в голове, — пришлось лезть под землю...»), и казалась странно неживой, точно заколдованной. Совсем рядом громыхнуло, сверкнула из-за туч молния, и Изместьев разглядел солдат — те призрачными изваяниями засели за деревьями, нацелив ружья в сторону пещерного чрева. Лаз был совсем узкий, вряд ли даже медвежий, скорее для крупного барсука. И там, внутри, чувствовалось, так же застыли беглецы: оборванные, злобные, доведенные до отчаяния — уже и не вполне люди.

— Сынок! — закричал капитан в голос. — Жив? Отзовись, коли можешь!

— Батюшка!!! — услышал он в ответ, и сердце пропустило удар.

— Слышал, вашброд? — хрипло пролаяли следом. — Цел твой щенок, связанный лежит, как куль. Так что скажи своим псам: полезут штурмовать — ты его первого и получишь. По частям.

— А может, рискнуть? — тихо спросил Семен Новгородцев. — Подберемся поближе, пока темень, навалимся разом. Их там всего-то двое.

— Ивашку со счетов не сбрасывай, — так же вполголоса отозвался капитан. — Он, конечно, малец, но много ли сил надо, чтобы связанного по горлу чиркнуть... — и крикнул в сторону пещеры: — Чего вы хотите?

— Лодку, — послышался ответ. — Порох, провиант, теплую одежду. И чтоб никто следом не совался, иначе...

— Через Двину переправитесь. А дальше что?

Пещера изнутри и впрямь напоминает горизонтальный шурф в руднике: передвигаться здесь можно только ползком. В страшной тесноте, прижавшись друг к другу, четверо. Один, у входа, со штуцером в руках — Федька Рваный, лет пятидесяти, бородатый и изможденный, в порванной арестантской робе. Напротив него — Степка Цыган, помоложе и бритый наголо. Его состояние еще хуже: кабы не темнота в пещере, стали бы заметны помутневшие белки глаз и когтистые пальцы, без сил вцепившиеся в грудь. Дальше, у задней стены, свернулся в комочек мальчик лет одиннадцати, Ивашка Глуздырев, взятый «коровой». Он еле слышно поскуливает от страха: стылый барак, куда их загоняли

после смены в шахте, сейчас кажется ему чуть ли не раем земным. Да и папаша всегда был рядом. Бывало, отдубасит, если попадешься под горячую руку, но и защитит в случае чего. А теперь...

На шее у него висит маленький, в пол-ладони, льняной мешочек: подарок монахинь из монастыря. Федька Рваный поначалу отобрал, сунул туда нос, но обнаружил лишь какую-то пыль. Попробовал на вкус: вдруг дурманный порошок, но нет, пыль была самая обычная. Хорош подарочек, ничего не скажешь. На полу — связанный и обезоруженный Никита Изместьев. Заслышав голос отца снаружи, он делает попытку приподняться, но Степка, ожив на мгновение, презрительно наступает ему пяткой на горло.

Зарядов в штуцере осталось два. Было три, но один Федька бездарно истратил на собаку, которая сорвалась у преследователей с поводка и с заполошным лаем кинулась к пещере. Федька, не разобрав за пеленой дождя, нажал на курок. Шавка разом ухнула в свой собачий рай, но толку-то. Заряд назад не вернешь.

— Может, сдадимся, а? — прошептал Ивашка. — Феденька, родненький, ведь не убьют, если мы сами выйдем, а?

— Заткнись, ублюдок, — зло процедил Федька. — Слышь, Цыган, давай рванем до реки. А поручиком прикроемся. Не станет ихнее благородие по своему щенку палить.

Степан не ответил. Федька несильно толкнул его в плечо — Цыган деревянно завалился на бок и остался лежать, неестественно вывернув ступни.

— Ах ты ж... — пробормотал Федька. — Одного меня оставил, пес поганый...

Ивашка шмыгнул носом.

— Это Малка его убила. Дочь шамана, мне батяня рассказывал. Она деревенского кузнеца полюбила и решила увести от жены, а тот ни в какую. Тогда в один год вся скотина пала и рыба из реки ушла. Жители дознались, кто им беды чинит, поймали Малку и забили камнями до смерти. Завернули в мешок и кинули в пещеру. А наутро приходят — Малка сидит снаружи на дереве, страшная, вся в крови, кости наружу торчат... Голыми ногами болтает и смеется. Зря, говорит, пришли. Я это место прокляла: теперь кто сюда забредет — умрет страшной смертью. Сказала — и пропала, а деревня вскорости обезлюдела: стоит посреди тайги, избы мертвые, травой зарастают... — мальчонка заплакал. — Убьет нас Малка. Всех убьет...

Федька наотмашь ударил мальчонку по лицу. Высунулся наружу и заорал:

— Эй, вашбродь! А коли и впрямь сдадимся? Вешать поведешь?

— Вешать не стану, — твердо сказал Изместьев. — Отведу назад в острог. Плетьми велю бить, в карцер посажу. Но это лучше, чем в тайге сгнить. Подумайте.

Молнии били теперь непрерывно — будто шаманка и впрямь осерчала на никчемных людишек, вторгшихся в ее владения.

Молчали долго. Потом у пещерного зева обозначилось некое шевеление.

— Выхожу, — сказал Федька. — Не стреляйте.

Изместьев сделал знак, и солдаты опустили оружие. Федька Рваный покачался, угрюмо оглядываясь вокруг, и вдруг вытащил из пещеры связанного Никиту. Тут же выставил перед собой, как щит, и приставил нож к горлу.

— В карцер, говоришь? — он гортанно рассмеялся, будто взлаял. — Ну уж нет. Ныне по-твоему не будет. Отойди, не то щенку глотку перережу!

Изместьев молча шагнул вперед, медленно снял с себя плащ и стащил через голову перевязь со шпагой.

— Слушай меня. Тебе дадут все, но с одним условием. Отпусти поручика и возьми меня вместо него. Хочешь — свяжи мне руки. Слово дворянина: сопротивляться не буду. И скажу своим людям, чтобы не преследовали. Вместе в тайгу уйдем. Поручик болен, еле на ногах стоит. Что ты с ним делать будешь? На себе потащишь?

Рваный стоял, покачиваясь, как дерево под ураганом. Вот он сплюнул сгустком крови и хрипло расхохотался:

— Дурак ты, ваше благородие. Федьку Рваного думал взять? Подавишься! На, бери своего ублюдка, — и взмахнул ножом.

— Никита!!! — страшно закричал Изместьев.

А дальше случилось страшное и диковинное.

Молния сверкнула даже не рядом, а, почудилось, прямо над головой. Оглушительно ахнуло, голубовато-белый зигзаг прочертил небо и вдруг свернулся у земли в ослепительный огненный шар.

Он был примерно с кочан капусты. И казался живым: вот он завис в воздухе, на уровне человеческой груди, покачался, точно раздумывая, куда направиться…

— Господи, сохрани, — прошептал Семен Новгородцев, силясь осенить себя крестным знамением. Однако рука не слушалась, висела, как плеть.

Шар повисел над землей еще секунду — и взорвался. Белая вспышка ослепила, воздушная волна, неожиданно холодная, с дьявольской силой толкнула в грудь…

Изместьев качнулся, но устоял, только припав на колено. А когда зрение вновь согласилось служить, капитан увидел, что обрыв пуст.

Они были там, под обрывом, на узкой каменистой полоске. Оба лежали неподвижно. Капитан Изместьев прикинул на глаз высоту: сажени три-четыре, никак не меньше.

— Веревку, — коротко приказал он.

Веревка нашлась. Семен Новгородцев обернул ее вокруг талии и пошире расставил ноги. Молча кивнул. Капитан обвязал себя противоположным концом, откинулся назад и сделал шаг в пустоту за спиной.

Федьке Рваному не повезло. Острый сук, на который он налетел при падении, проткнул его насквозь и торчал из спины в черном кровавом пятне. Даже

сейчас, после смерти, беглец не выпустил свою жертву. Изместьев попытался разъединить его руки, чтобы высвободить сына, напрягся — и правая Федькина кисть сломалась с отвратительным сухим хрустом. Изместьев распустил узел веревки, обвязал Никиту поперек груди и крикнул вверх:

— Тяни!

Он не стал ждать, пока веревку освободят и спустят за ним. Сам, почти вслепую, выбрался на склон.

— Живо носилки, — распорядился капитан.

Никто, однако, не двинулся с места. Несколько человек сняли шляпы. Кто-то, опираясь на ружье, как на посох, потихоньку перекрестился и пробормотал в сторону:

— Кажись, отмучился парень.

— Вы что… — с хриплой яростью выдохнул Изместьев. — Вы что удумали, стервецы? Да я вас…

— Батюшка, — услышал он позади себя слабый голос.

Никита, приподнявшись на локте, осторожно щупал голову.

— Живой, — пробормотал капитан. И с силой провел рукой по лицу — стереть дождевые капли. А может, и не только капли. — Никитушка… Живой, черт бы тебя побрал!

Семен Новгородцев меж тем нырнул в пещеру и выволок на свет дрожащего от холода и страха Ивашку Глуздырева. Приподнял, как кутенка, за шиворот и толкнул под ноги Изместьеву.

— Еще один живой. И вроде невредимый. А тот, третий, кончился.

Двое солдат вытащили наружу тело Степки Цыгана. Изместьев скользнул по нему равнодушным взглядом и снова обернулся к сыну.

— В седле удержишься? Или, может, все же на носилках?..

— Удержусь, — неуверенно отозвался поручик. — А что, лошадь мою отыскали?

Следующий день, ближе к вечеру.

Офицерская казарма, где собрался едва ли не весь гарнизон. Дощатые столы, выставленные на середину, заставлены всякой снедью, бутылками с вином, можжевеловой водкой и ядреным корельским самогоном. Собравшиеся чувствуют себя вольготнее обычного: начальство в лице капитана с утра заседают в воеводском тереме.

О причинах последнего вслух не говорили, однако и так всем было известно: из столицы нагрянули их сиятельство граф Яков Вилимович Брюс. Наверняка с высочайшей проверкой от государыни, хотя сами утверждают, будто единственной целью визита является составление карты полезных ископаемых по обоим берегам Двины. Графу не верили: и в Москве, и по всей России-матушке он возымел весьма дурную репутацию (которую, к слову, сам же и поддерживал). Говаривали, будто царица благоволит ему за то, что тот отыскал-таки Философ-

ский камень — это-де позволило Петру завершить викторией Прусский поход, хотя государственная казна к тому времени обескровлена была до последней степени; что в Сухаревской башне Брюс ставит чернокнижные опыты на живых людях, а в замке ему прислуживает прекрасная юная девушка, которую его сиятельство вырастил в пробирке. Так это или не так, но в одном собравшиеся были едины: от визита графа добра ждать не стоило.

Помолчали, помянув покойного Матвейчука, поздравили Никиту с освобождением и с тем, что остался жив в столь нешуточной передряге.

— А пацаненок-то, который третий беглый, живой? — поинтересовался кто-то.

— Ивашка? Живой, — подтвердил урядник. Пользуясь отсутствием начальства, он сидел за столом без мундира, в одной нательной рубахе, и почесывал волосатую грудь. — Диву даюсь, мужики: Степка Цыган, здоровенный бугай, концы отдал. Федька Рваный, кабы огненный шар его не убил, через пару часов сам бы свалился. А мальчишка — хоть бы хны. Отощал, конечно, и грязный, однако невредимый.

— Где же он сейчас? Небось, в карцере?

Новгородцев покачал головой.

— Алексей Илларьевич не велели. Мол, мальчишка и так страху натерпелся, незачем еще наказывать. Вот вас, господин поручик, «холодная» точно ожидает.

Тот встревоженно захлопал ресницами.

— Чего это?

— Как чего? — удивился Семен. — А нарушение приказа? Дисциплиной изволили пренебречь, поручик. За такое розгами секут перед строем.

— Да ну, — неуверенно проговорил Никита. — Станет меня батюшка сечь после всех моих мытарств.

— Факт, — солидно произнес ротмистр. — Господин капитан так и сказал: мол, отдохнет поручик, подкрепится малость, а там уж наказания не избежать.

Никита внимательно оглядел собравшихся, заметил веселые огоньки в глазах и сердито сказал:

— Ну вас.

Внезапно накатила тошнота. Он мучительно позеленел лицом и стал судорожно протискиваться к выходу. До двери, однако, не добрался: та отворилась, вошел капитан (подчиненные инстинктивно подобрались), оглядел пиршество и повелительно шевельнул бровью.

— Чтоб через минуту все было чисто, — помолчал и добавил: — Сами знаете, какие у нас гости. О происшествии никому не болтать. Надо будет — сам доложу.

Воеводский терем. Два сводчатых окна, масляные светильники на бревенчатых стенах, протыканных мхом, — стены самые обычные, без расписных узоров, коими обычно пестрят княжеские или боярские терема, на полу новенький ковер ручной работы — его стелют лишь в особых случаях, в остальное время

пол просто посыпают опилками. Видно, что обитает здесь человек военный. Добротный дубовый стол посередине, у стола трое: капитан Изместьев, его сын Никита и его сиятельство граф Брюс.

Их сиятельство не блистали ни гренадерским ростом, ни могучим телосложением. Самую малость повыше Изместьева, с намечающимся брюшком и кривоватыми ногами. Белоснежный парик; тонкий, чуть загнутый книзу нос, рождающий мысль о некоей хищной птице — грифе или беркуте; живые внимательные глаза под строго очерченными бровями… Вряд ли его внешность можно было назвать притягательной, иное дело — явственное ощущение исходящей от него силы. По крайней мере, именно это чувство возникло у Изместьева, едва граф ступил на порог комнаты.

— Наслышан о вас, капитан, — проговорил Брюс. — Отзывы о вас, надо сказать, самые лестные. Чтобы не возникло недомолвок: я прибыл в ваши края отнюдь не с целью инспекции. Мой интерес чисто научный. И еще. Кроме комнат для меня и моего помощника (он кивнул в сторону неприметного черноволосого юноши в длинном сюртуке) мне понадобится помещение под лабораторию. Достаточно обширное и непременно с каменными стенами.

Изместьев коротко кивнул.

— Будет исполнено, ваше сиятельство. Осмелюсь заметить: вам понадобится охрана на случаи выезда из крепости. Мои люди к вашим услугам.

Граф равнодушно пожал плечами.

— Что ж, раз вы так считаете… Вот этому молодцу, — он вдруг кивнул на Никиту, — я бы доверил свою безопасность.

— Ваше сиятельство, — поспешно произнес капитан, — поручик Изместьев недавно пострадал при поимке беглых каторжников. Я собирался дать ему отдых…

— Батюшка, — напряженным шепотом произнес Никита, — я совершенно здоров…

— Побег? — переспросил Брюс. — Надеюсь, нехристей поймали? И где они сейчас?

— Один возвращен в крепость. Другой умер — должно быть, от болезни. Третий… — Изместьев помедлил. — Не знаю, как выразиться… Не иначе как Божья десница покарала. Огненный шар с небес.

— Огненный шар? — граф покачал головой. — Слыхал я о подобном явлении — они в ваших северных краях не так уж редки… Значит, ваш сын участвовал в поимке? Похвально. Впрочем, такой отец и не мог воспитать сына трусом, — граф еще раз взглянул на Никиту. — А вы, юноша, и впрямь бледны. Считайте, что приказом капитана вы временно освобождены от несения службы. Отдыхайте.

— Но я… — начал было Никита.

Граф остановил его движением бровей.

— Это все, господа. А сейчас покажите мне мои апартаменты.

Тот же терем, часом позже.

В Никитиных глазах, как в глубоких озерах, плескалась нешуточная обида.

— Кто тебя просил? — сквозь зубы выговаривал он, наматывая круги вокруг стола. — Сам граф Брюс, столичная знаменитость, решил доверить мне свою охрану! А ты… «Ах, простите, ваше сиятельство, поручик не вполне оправился…» Я, между прочим, окончил военную, мать ее, школу! И целый год в Петербурге прослужил!..

— И успел вляпаться в скандальную историю с княжеской дочкой, — сухо вставил Изместьев.

— И что с того? Кто ж знал, что эта дура втюрится в меня и наглотается каких-то там порошков?

— А кто сделал ее беременной? И кого она застала в своей постели со своей собственной горничной? — Изместьев поплотнее затворил дверь и проговорил уже на полтона ниже: — А касаемо его сиятельства — мой тебе совет: держись от него подальше.

— Это еще почему?

— Потому что люди, подобные графу, опасны, как… как неразорвавшееся ядро. Сегодня он тебе благоволит, завтра раздавит одним пальцем — просто так, не заметив.

Никита вдруг встал напротив отца, задумчиво посмотрел на него и спокойно выдал:

— А мне сдается, батюшка, ты другого боишься: как бы меня граф и в самом деле с собой не увез — в Петербург, в Москву или вовсе за границу, из-под твоего крылышка. Ты-то мне другую судьбу уготовил: всю жизнь стоять в башне на карауле да колодников гонять на рудник. Так вот, знай: позовет меня его сиятельство — уеду и тебя не спрошу.

— Значит, плох тебе отец, — сумрачно сказал капитан. — Когда сидел в пещере, помнится, иные речи вел.

Напоминание о пещере, кажется, вывело Никиту из равновесия. Он вдруг покачнулся, протянул руку, чтобы схватиться за что-нибудь, да не успел. Колени подогнулись, и он молча, ничком рухнул на пол.

Изместьев на миг остолбенел, потом кинулся к сыну.

— Эй, — заорал он во все горло. — Эй, кто-нибудь! Поручику Изместьеву плохо! Лекаря, живо!!!

Глубокая ночь. Помещение, отведенное капитаном под лабораторию: как и требовалось, довольно обширное и с низкими каменными сводами. Длинный стол, заставленный ретортами, колбами и пузырьками с какими-то субстанциями. Масляный светильник — единственное освещенное пятно во тьме, под ним раскрытая тетрадь с записями на латыни, прямо на тетради, положив голову на скрещенные руки, спит худощавый черноволосый юноша в сорочке и накинутой

поверх теплой жилетке. Добраться до узкой койки в углу каземата ему, видимо, сил не хватило.

Юноше снится сон. В нем Королевская набережная в Амстердаме, городе купцов, мореплавателей и ученых. Над парапетом стелется легкий туман, за которым угадываются верхушки мачт, — кораблей тут великое множество, со всех концов света. По вечерам на набережной обычно не протолкнуться из-за пестрого вавилонского столпотворения, но сейчас, судя по всему, раннее утро, и в нем по булыжной мостовой стучат копыта.

На площадь въезжает кэб. Юноша, не дожидаясь, пока тот остановится, выскакивает наружу (возница недовольно бурчит что-то под нос, но кто его здесь слушает) — в распахнутом сюртуке, волосы взлохмачены, в руке скромный букетик цветов. Он бежит через площадь, по направлению к пристани. Там его ждет юная девушка. Она утонченно красива: правильные черты лица, живые светлые глаза и волосы золотисто-медового цвета. В руке зонтик — веяние последней парижской моды. Завидев юношу, бросается ему навстречу.

— Прости, я опоздал, — он едва успел перевести дыхание.

Их руки сплелись: ее — тонкие, в ажурных белых перчатках, его — с длинными музыкальными пальцами, но довольно сильные, кое-где в желтых пятнышках от химической кислоты. Девушка считает его руки самыми красивыми в мире.

— Этот несносный Фриш, декан факультета, мурыжил меня в кабинете целый час…

— Что он сказал?

— Он предложил мне поездку в Россию.

Девушка опустила голову. Медленно подошла к парапету и проговорила ровным голосом:

— В Россию? Иоганн, а как же наша помолвка? Мы собирались объявить о ней в конце лета. Или… ты разлюбил меня? Если так, скажи прямо.

Он ласково и чуть снисходительно улыбнулся, борясь с желанием дунуть девушке в затылок.

— Как можно разлюбить то, чем дышишь?

— Зачем же ты едешь?

— Мне трудно объяснить, — признался юноша. — Я просто чувствую, что должен… Это ненадолго, клянусь. Самое большее — на год.

Над водой надсадно кричали чайки. Рыбы здесь тоже было великое множество — она кормилась объедками, которые выбрасывали служки из портовых кабаков, а чайки кормились рыбой.

— Я слышала, что русские совершенно дикие, — тихо произнесла девушка. — Дикие люди в дикой стране, покрытой сплошь лесами и болотами. Они не знают письменности, не ведают, что такое культура, и ненавидят иностранцев…

Иоганн отмахнулся.

— Это в прошлом. Сейчас другие времена. Царь Петр приглашает к себе ученых из Европы. Врачей, инженеров, кораблестроителей… И многие едут —

те, кто понимает, что только в России можно сделать что-то стоящее. А здесь... Ну что меня здесь ждет? Просиживание штанов за никчемными ретортами, препарирование лягушек да сочинение статеек для ежемесячного журнала. (После паузы.) Сам господин Фриш провел в Петербурге...

— Где?

— Это русская столица... Господин Фриш провел там полтора года. И познакомился с неким графом Брюсом. Фриш рассказывал, что это потрясающий человек. Настоящий волшебник во всем, что касается врачевания. Кто-то даже называет его вторым Парацельсом. У меня есть шанс стать его помощником. Представляешь, что это означает?

Девушка недоверчиво наморщила носик.

— Второй Парацельс — родом из Азии?

— Ну, Россия — не совсем Азия. Точнее, она наполовину Азия, наполовину Европа. А граф Брюс... Может, он не такой уж и страшный? И еще... Понимаешь, я ведь не богат и не знатен. Кое-кто говорит, что я тебе не пара...

— Вот уж глупости!

— Возможно. Но я хочу быть достойным тебя.

В тумане раздалось лошадиное пофыркивание. Во сне (а может, и наяву) это означало конец свидания. Иоганн оглянулся, не выпуская рук девушки из своих.

— Я вернусь. Даю слово, вернусь...

Их касание длилось долго — упоительно долго, его прервало лишь некое вторжение извне: кто-то тряс юношу за плечо.

— Я не сплю, — виновато произнес он.

— Вижу, — коротко отозвался Брюс. — Вставай, нужно осмотреть больного в лазарете. И захвати мою сумку, может понадобиться.

— Он ранен, господин учитель? — спросил Иоганн уже в коридоре.

— Нет. Но, судя по словам капитана, побывал в пещере.

— В какой пещере? — спросонья не сообразил юноша.

Граф раздраженно обернулся.

— Не глупи, Иоганн. В *той самой пещере.* И он, скорее всего, обречен.

Цепочкой идут по узкому сводчатому коридору. Входят в помещение лазарета. На нескольких кроватях лежат больные. Брюс не обращает на них внимания. Подходит к кровати Никиты Изместьева. Склоняется над ним. Капитан поднимает масляный светильник. В его тусклом свете видно, что Никита плох. Черты лица заострены, в уголках губ пена, глаза закрыты.

Брюс. Что с ним произошло?

Капитан Изместьев. Упал с обрыва.

Брюс (помощнику). Разденьте его.

Иоганн с помощью санитара снимает с Никиты нательную рубаху. Осторожно переворачивают на спину. Граф Брюс внимательно оглядывает раненого со всех сторон.

Граф Брюс (обращаясь к Иоганну). Что скажете, юноша?

Иоганн (робко). Видимых повреждений нет, господин учитель. Ни ран, ни даже крупных ссадин.

Брюс (обращается к капитану). Ваш сын не ранен. Он чем-то болен — причем заболел он явно до падения с обрыва. Скажите-ка, что с ним произошло за истекшие сутки?

Капитан Изместьев (откашлявшись и инстинктивно встав по стойке смирно). Мы преследовали сбежавших колодников, ваше сиятельство. Поручик вырвался вперед погони... Его взяли в заложники. Почти сутки держали в пещере, связанного, с приставленным к горлу ножом.

Граф Брюс (хмурясь). В пещере? Где она находится?

Капитан. Верстах в двадцати отсюда к востоку. Недалеко от берега реки, в склоне сопки. Ваше сиятельство, про вас говорят: вы можете сотворить чудо... Скажите, что с Никитой?

Граф Брюс (задумчиво). Вот что, капитан. Распорядитесь доставить поручика ко мне в лабораторию. Там ему будет удобнее. Да и мне тоже.

Следующий кадр.

Помещение, отведенное графу Брюсу под лабораторию. На кровати лежит Никита Изместьев. Иоганн Дорман вглядывается в его лицо. Переводит взгляд на Брюса. Тот задумчиво прохаживается из угла в угол. Вид его весьма мрачен.

Иоганн Дорман. Вам что-то известно, господин учитель. Но с господином капитаном вы не поделились... (Кивает на больного.) Он умрет?

Брюс. Эта пещера... Я слышал о ней от жителей одной рыбацкой деревни. Давно, лет триста назад, в ней похоронили дочь местного шамана. И не просто похоронили... Можно сказать, там спрятали ее тело — подальше от посторонних глаз. Ее заподозрили в том, что она насылает порчу на жителей деревни. Тот год как раз был неурожайным. Скот падал, рыба ушла в верховья реки... Словом, шаманку изловили и забили до смерти. Тело бросили в пещеру и завалили камнями. А когда стали уходить, вдруг услышали из пещеры голос.

Иоганн (вздрагивая). И что он сказал, этот голос?

Брюс. Он проклинал. Всех, кто придет к этому месту. Понимаешь, Иоганн, шаманка предрекла гибель всякому, кто нарушит ее покой. Каторжники, что решили спрятаться в пещере, погибли. Поручик был с ними, пусть и не по своей воле... И, возможно, его ждет та же участь.

Иоганн. Но я слышал, один из беглецов жив.

Брюс. Да, я знаю. Мальчишка. Только это и вселяет надежду. (После паузы.) Узнать бы, почему он выжил...

Иоганн. Шаманка сжалилась?

Брюс (рассеянно). Шаманка здесь ни при чем. Нет, мальчик мой, причина здесь в другом. Нам с тобой нужно найти ее. Обязательно нужно...

Смена кадра.

Наше время. Середина мая, суббота, раннее утро.

Квартира в обычном пятиэтажном доме. Длинный коридор с черным допотопным телефоном на тумбочке (бабушка Эльза Германовна не разрешила менять: память о каких-то давних, милых сердцу временах и событиях). Слегка старомодная обстановка в гостиной: стулья с изогнутыми спинками, круглый стол, пузатый комод, на котором семь традиционных слоников, приносящих счастье. Комната внучки Кати совсем другая: молодежный хай-тек, минимализм и некоторая безалаберность в одном флаконе. Навороченный комп соседствует с выводком плюшевых медведей, используемых обычно в качестве подушек, велотренажер — с россыпью учебников и конспектов (Катя учится на третьем курсе политеха, где вяло бодается с прикладной математикой), громадные цветные постеры на стенах — с индейским томагавком, и то и другое — подарки давнего Катиного поклонника Жени Ильченко по прозвищу Джонни. Катя относится к нему добродушно-снисходительно: не Ален Делон, конечно, полноватый и слегка неуклюжий, зато влюблен, прощает любые выходки, к тому же почти профессиональный фотограф-любитель и регулярно подбрасывает девушку до политеха на своем мотороллере.

Комната Катиного отца Эдуарда — это мастерская таксидермиста: Эдуард делает чучела животных на продажу. Он с юности прикован к инвалидному креслу, что привнесло в его характер изрядную долю желчи. Выглядит он старше своего возраста. Впечатление усиливает небритый подбородок и некоторая неопрятность в одежде: клетчатая ковбойка не застегнута, рукава небрежно подвернуты, волосы не слишком аккуратно стянуты в хвостик на затылке. Катина мама умерла при родах, поэтому Катю воспитывали вдвоем отец и бабушка. Хотя влияние бабушки всегда было более весомо.

С понедельника по пятницу по утрам внучку было не добудиться. Эльза даже подарила Катеньке будильник — ушастый «Луч», который когда-то поднимал на службу ее саму. Однако вскоре подарок был заменен на некую электронную приблуду с набором из восемнадцати мелодий. Любую из этих мелодий — от «Лунной сонаты» до ласковой украинской «Засвістали казачіньки» — можно было смело использовать как психоделическую колыбельную, чтобы вздремнуть после обеда. Поэтому первую пару Катя регулярно пропускала — как ее не отчислили за систематические опоздания, оставалось тайной. Впрочем, сама она уверяла, что с утра в институт ходят лишь прыщавые первокурсники, старшие же игнорируют первые пары принципиально, иначе есть риск быть осмеянными.

Зато в субботу и воскресенье девушка вскакивала ровно в половине седьмого как солдат по тревоге. Резво бежала в ванную, завтракала на кухне чем холодильник пошлет, умело подкрашивалась перед зеркалом и, чмокнув бабушку в щеку (бабушка к тому моменту тоже просыпалась), выскальзывала за дверь. Дорожный рюкзачок она собирала еще с вечера. В половине восьмого с ближайшей остановки отходил первый автобус в сторону небольшого аэродрома

за городом. Аэродромом, когда-то принадлежавшим ДОСААФу, теперь владела чета Каюровых — Виктор Павлович и Аглая Федоровна, создатели и руководители спортивного клуба «Аист.RU». Катя прыгала там с парашютом.

Парашютами она «заболела» еще в десятом классе, после просмотра «Падающих ангелов» с Чарли Шином. У Эльзы было особое отношение к парашютам. Как и к некоторым другим вещам: ночному лесу, глубокому снегу, фильмам про разведчиков... Не то чтобы она испытывала к ним неприязнь, просто... Утешало лишь то, что до восемнадцатилетия до прыжков все равно никто не допустит, а за это время, она надеялась, внучка сто раз пересмотрит систему жизненных ценностей. И желание прыгать уступит другому такому же сильному желанию. Выучиться на парикмахера, к примеру. Или завести скаковую лошадь.

Однако случилось по-иному. Катька отметила восемнадцатую днюху «перворазным» прыжком, через положенное время перешла с «дуба» на «крыло», полетала на скоростном «овале», а потом увлеклась групповой акробатикой — да так успешно, что через три года была приглашена в профессиональную команду «Аистята», тренировавшуюся под эгидой спортивной фирмы «Аист.RU».

Сегодня была суббота. Эльза поняла это по настойчивости, с которой Катя теребила ее за плечо.

— Бабуль, подъем! Автобус на аэродром через полчаса, а нам бы еще пожевать чего-нибудь.

Она оторвала голову от подушки и для проформы спросила:

— Может, не стоит, а, Катюш?

— Ба, — строго сказала Катя.

— Все, молчу.

Она вздохнула и принялась собираться. В конце концов, Катя права: уж коли отказываться — то надо было делать это еще в четверг, когда внучка остановилась в прихожей, взяла бабушку за руку и сказала: «Послушай, у меня к тебе дело...»

— Какое? — спросила Эльза, гадая про себя, что попросит внучка: новые кроссовки, новые сапожки, новую дубленку, автомобиль (последнее отпадало: ее пенсии вряд ли бы хватило даже на бампер к «запорожцу»)...

— Понимаешь, в воскресенье большой спортивный праздник: пять лет нашему клубу. Приглашены телевидение (говорят, даже парочка центральных каналов), спорткомитет, мэрия — в общем, все очень представительно... Короче, тебе нужно прыгнуть с парашютом.

Некоторое время Эльзе понадобилось, чтобы осознать суть сказанного. Затем она осторожно сказала:

— Милая, мне ведь в прошлом году восемьдесят четыре стукнуло. Ты сама в прошлом году свечки в торт втыкала.

— Так в том вся и соль! Представляешь, какая это реклама будет нашему клубу!

— Ага, — грустно возмутилась Эльза. — И ради рекламы ты готова родную бабушку...

— Да ведь не с самолета же. С вышки, там высоты всего ничего. И парашют на тросе — тебя на нем аккуратненько спустят, а купол только так, для антуража. Ну соглашайся же. У тебя прыжков — считать устанешь, больше, наверно, только у нашей Аглаи.

— Когда прыгать-то? — вздохнула Эльза, уже внутренне уступая, — она всегда уступала внучке.

Та это моментально почувствовала и просияла.

— В субботу генеральная репетиция. А в воскресенье — парад-алле. Ну все, я побежала, а то Джонни уже сигналить замучился (снизу, со двора, и вправду раздавалось периодическое бибикание).

Это случилось в четверг. Сегодня была суббота, Катя прихватила рюкзачок и строго погрозила пальцем: «Ба, не вздумай отлынить. Я жду во дворе, тебе пять минут на сборы, время пошло». Эльза закрыла за внучкой входную дверь и прошла на кухню: хоть термос с кофе надо было взять в дорогу. Через порог вкатился в своем кресле Эдуард, зевнул и осведомился:

— Что это Катюха умчалась такая счастливая? Ты ей пообещала новенький кадиллак или тур на Мальдивы?

— Ну, не все так радикально. Всего-то прыгнуть разочек с парашютом. У Кати завтра спортивный праздник, а я, насколько поняла, нужна в качестве рекламы.

— С парашютом? — Эдуард хмыкнул. — И правда всего-навсего (услышал звонок в дверь и взглянул на часы). О, наш Айболит пожаловал. Хоть бы раз опоздал...

Эльза прошла в прихожую и открыла дверь. На пороге стояла женщина лет тридцати — довольно симпатичная и с неплохой фигурой, но нацепившая на себя маску этакого «синего чулка»: уродливые очки в роговой оправе, чересчур строгий костюм чуть ли не из солдатского сукна и суровый «учительский» пучок на затылке — все словно подчеркивало, что женщина пришла отнюдь не развлекаться.

— Здравствуйте, Эльза Германовна, — вполне приветливо произнесла она. — Как сегодня наш пациент?

— Как обычно, Оленька, — отозвалась та. — Эдик, встречай!

Ольга Ивина работала медсестрой в клинике доктора Долгоносика. Долгоносик лично наблюдал Эдуарда уже много лет и много лет божился, что поставит пациента на ноги. Ольга ежедневно приходила делать Эдику уколы и массаж. И Ольга, и ее шеф Долгоносик Эдуарду активно не нравились.

— Ну? — неприязненно спросил он, выкатываясь в коридор. — Что наш садист новенького выдумал?

— Николай Олегович назначил новые уколы и дополнительный курс массажа, — сдержанно отозвалась Ольга. — И он вовсе не садист. Он хирург божьей милостью.

— Каждый хирург божьей милостью в душе садист. В детстве, поди, стрекоз ловил и крылья им обрывал. Из научного интереса…

Смена кадра.

Комната Эдуарда — она же кабинет, она же мастерская. Обстановка спартанская: кожаный диван вдоль стены, по стенам расположились головы кабанов, лисиц, оленей и прочей убитой фауны. Есть даже голова льва: хозяин, глава фирмы по торговле башенными кранами, привез ее из Кении. Правда, местные охотники предварительно усыпили животное, привязали к дереву, а потом уже позволили расстрелять из «калашникова». Посреди комнаты столверстак, на нем почти готовое чучело волка. При жизни волк был великаном: раза в полтора выше нормы в холке, черный, как ночь, с таинственным желтым блеском в глазах.

— Куда это Эльза Германовна ни свет ни заря? — поинтересовалась Ольга, ловко перекладывая пациента с кресла на диван, ягодицами вверх.

— Ну куда ходят люди в ее возрасте, — с ласковой снисходительностью отозвался Эдуард. — В американский футбол сыграть, из автомата пострелять, на крайняк с парашютом сигануть… Обычный распорядок. Ты принесла, что я просил?

— Принесла, — она вынула из саквояжа маленький пакетик с некими прозрачными нитками внутри. Подошла к волку, заглянула ему в глаза — и вдруг отшатнулась: показалось, будто зрачки вспыхнули живым ярким огнем. — Почему у него глаза желтые?

— Не знаю. Какой-то свотоотражающий пигмент, чтобы лучше видеть в темноте, — он, поморщившись, вынес экзекуцию в виде двух уколов, дождался, когда Ольга приступит к массажу и неожиданно, хоть и с усилием, перевернулся на спину. — А твой Николай Олегович никакой не врач от бога. И даже не садист, просто дурак. Ты с ним спишь?

— Наглец! — фыркнула Ольга и попробовала вскочить с дивана, однако Эдуард быстро схватил ее за запястья. Хватка у него была железная. Ольга попыталась вырваться, потом вдруг обмякла и прижалась к своему пациенту. Тот вынул из ее волос заколку — волосы с готовностью обрушились вниз темно-каштановой чащей, другой рукой он снял с нее очки и небрежно швырнул на тумбочку. На щеках Ольги вспыхнул румянец.

— Значит, спишь, — сказал Эдуард без всякого выражения.

— Я сплю с тобой. Интересно, твоя мама об этом догадывается?

— А твой хирург? О том, что ты даешь мне не то, что он прописал, а свой собственный препарат?

— Так ведь мой препарат тоже не действует. Мне нужно самую малость…

— Ну да, — кивнул Эдуард. — Экстракт Пелагеиного камня. Того, что мой предок Иоганн Дорман обнаружил во время экспедиции под Архангельск… (После паузы.) Милая, да это же наверняка просто семейная байка. А на самом

деле окажется, что не было никакого Иоганна Дормана, — он вздохнул с притворным сожалением. — И все твои старания псу под хвост.

Спортивный аэродром к юго-востоку от города. Приблизительно 9 утра. Влажная от росы трава, которую стригут аж две газонокосилки. Техники в фирменных комбинезонах осматривают перед завтрашним днем летное хозяйство: две «аннушки» и десантного «мишку» с контуром аиста на борту. Свежепокрашенные ангары для хранения парашютов, свежепокрашенные трейлеры, обновленные тренажеры: колесо, турник, скамейка, чтобы качать пресс, — физическая подготовка парашютисту необходима. Недавно отштукатуренная казарма, перед которой (вот чудо-то!) разбиты две клумбы.

С Аглаей Федоровной — эффектной шатенкой лет тридцати пяти — Эльза познакомиться не успела: та о чем-то спорила с помятым мужиком в фуражке и кителе. Мужик печально разводил руками, а Аглая энергично тыкала пальцем то в тучу на горизонте, то в стоящий на поле вертолет, то в собственные наручные часы. Зато ее супруг, Виктор Павлович — дочерна загорелый, сухощавый, явно косящий под Бельмондо эпохи «Профессионала», — подошел, по-свойски приобнял за талию и увлек Эльзу к парашютной вышке: перед войной такие конструкции были непременным атрибутом любого парка культуры. «Метров двадцать, — подумала Эльза, запрокинув голову. — Ох, грехи наши...»

— Не боитесь? — спросил Виктор Павлович.

— Прыгать — нет, — ответила она кроткой улыбкой. — Залезть туда будет трудновато...

— Ничего, вдвоем справимся.

Наверху он помог Эльзе надеть систему и показал спусковую лебедку: катушку с электроприводом и намотанным на нее тросом.

— Делать ничего не придется. Перед приземлением я замедлю скорость, чтобы вы не ушибли стопы. Это легко.

Она кивнула, отчаянно желая про себя, чтобы заботливый партнер не слишком замедлил ее перед землей — иначе будет висеть, как лягушка, дрыгая коленками...

Однако Палыч сделал все как надо. Трава мягко спружинила под ногами, Эльза чуть прянула в сторону, чтобы не накрыл парашют, и вдруг услышала нестройные аплодисменты. «Аистята» — вся Катина команда, Джонни с видеокамерой и незнакомый загорелый парень в тельняшке и со шкиперской бородкой — стояли полукругом и усердно хлопали в ладоши. Бородач фамильярно положил Кате ладонь на плечо:

— А бабулечка-то твоя грамотно приземлилась. Признайся, вчера со скамейки прыгали ради репетиции?

— Болван ты, Лаперуз, — Катя непринужденным движением скинула руку. — У моей бабушки, чтоб ты знал, прыжков больше, чем у всей нашей компании, вместе взятой. И в условиях, которые тебе и не снились. А вот тебе, кстати, не

мешало бы с вышкой потренироваться. А то точность в последнее время начала хромать.

— У меня? — тотчас оскорбился Сергей. — Да я с трехсот метров свою задницу точно на табуретку смогу посадить, на спор!

— Ой, Сержик, ну что за срамное выражение: с трехсот метров, — пропела Светочка Аникеева. — Ты с метра сначала попади.

— Да это я из сериала по телеку подцепил — «Боги войны», кажется, там американцы наших десантников изображают и пытаются говорить по-русски. Вроде «Красной жары» со Шварценеггером, только тупее. Виктор Палыч, а вы этот фильм смотрели?

— Вы молодчина, Эльза Германовна, — Виктор Палыч подтянуто спустился по лестнице. — Видели грамотное приземление, «перворазники» несчастные? А по поводу телика, компьютера и прочих *мозгозасорителей* — так мне на них время тратить жалко. Ну-ка, марш на поле, сейчас «вертушка» подкатит.

Вертолет, однако, запаздывал. Парашютисты постояли у кромки поля и разбрелись кто куда. Кто-то расстелил на траве покрывало и улегся загорать, кто-то вяло осматривал ранец, кто-то вытаскивал бутерброды из сумки…

Она отыскала внучку на опушке небольшого лесочка у края аэродрома. Там, под тремя юными березками, расположилась вся компания: Катя с подругами-«аистятами», Лаперуз, слушающий плеер через наушники, и Джонни с неразлучной видеокамерой. Камера, не отрываясь, следила за Катей, фиксируя разные ее ипостаси: Катя и бутерброд с тунцом, Катя и вероломно отобранные у Лаперуза наушники, Катя, дующая на одуванчик, Катя, показывающая кулак в объектив…

Эльза деликатно кашлянула. Ребята обернулись и неуловимо подобрались, как это делают дети в присутствии взрослого. Одна из девушек, тоненькая, с роскошной иссиня-черной косой, быстро накрыла ветровкой пластиковую емкость из-под «Белого медведя».

— Садись, бабуль, — Катя с готовностью расстелила на траве полотенце.

— Спасибо, — искренне сказала Эльза (ноги с непривычки ощутимо гудели). — А почему вы здесь?

— Вертолет ждем, — отозвалась вторая девушка, голубоглазая, светловолосая и пухленькая, словно свежая булочка. — А вертолет-то еще когда будет…

— Не боись, — Лаперуз лениво потянулся. — Палыч сказал: полетите — значит, полетите. Кстати, — он повернулся к Эльзе, — аплодировал вашему прыжку. Я-то по наивности думал, что он у вас первый, но Катька утверждает…

— Катя преувеличивает, — мягко сказала Эльза. — Знаменитая у вас фамилия — Лаперуз.

Вокруг засмеялись.

— Это меня наши неграмотные дамочки так прозвали, — пояснил Лаперуз, — из-за тельняшки.

— Почему неграмотные? — возмутилась беленькая-пухленькая.

— Так тельняшка не морская, а десантная. Старший брат служил в «беретах», вот и оставил в наследство. А вообще-то я Сергей, — он протянул Эльзе широкую ладонь.

— Эльза Германовна, — ответила Эльза на рукопожатие.

— Аля, — представилась девушка с черной восточной косой.

— Светик, — назвалась «пышка».

— Ну, с Джонни ты знакома, — сказала Катя.

— Ага, — хихикнула Светик. — Наш монах-летописец. Мы зачем тебя привели на аэродром? Чтобы ты наши прыжки снимал. А ты что снимаешь? Как Катька загорает без ничего и бутерброды хавает.

— Завидно?

Светик фыркнула.

— Ну, мне-то, положим, не завидно, а вот Ирка, поди, всю девичью подушку слезами омыла. Кстати, где она?

Катя приподнялась на локте.

— Вон чешет, — и добавила с непонятной интонацией: — А волосы, по-моему, мокрые.

Долговязая мускулистая девушка, коротко стриженная, в спортивных брюках и зеленой солдатской майке, вышла на полянку, на ходу вытирая волосы полотенцем. Все почему-то посмотрели на нее с неодобрением, только Серега Лаперуз вскинул вверх два растопыренных пальца и приветственно рявкнул:

— Хэви металл форэва!

— Воистину форэва, — хрипловатым голосом отозвалась девушка. — Давно загораете?

— Ты где была? — сухо спросил Женя.

— Купалась, — ответила Ира с независимым видом. — Водичка класс, рекомендую.

— Договаривались же: поодиночке в лес не углубляться.

— А почему не углубляться? — спросила Эльза.

Зеленые глаза Ирины затуманились.

— В этом лесу, — проговорила она замогильным голосом опереточной злодейки, — живет Разбившийся Парашютист. Много лет назад его парашют не раскрылся, и он умер. А теперь его неуспокоенный дух подкарауливает одиноких девушек возле пруда, подходит к ним и ласково говорит... «ОТДАЙ МНЕ СВОЕ СЕРДЦЕ!!!» — гаркнула она во всю мочь. И сатанински расхохоталась.

Шутка успеха не имела. Кто-то осуждающе кашлянул, прочие отвернулись, а пухленькая Светочка надула губки.

— Дура ты, Ирка.

Неловкое положение разрядил усиленный микрофоном голос Аглаи Каюровой:

— Команда групповой акробатики, приготовиться к вылету.

«Аистята» живо снялись с места и заспешили к взлетной полосе. Евгений, подхватив камеру, двинулся следом.

— Вы никогда не видели групповые прыжки? — спросил он у Эльзы. — Пойдемте посмотрим. Это интересно.

Тот же аэродром спустя полчаса.

Десантный «мишка» уже в воздухе, на высоте примерно четырех тысяч. Делает круг над полем и зависает в точности над его серединой, отмеченной белой окружностью с точкой в центре. Виктор Палыч возле трейлера, на пластиковом стульчике, с термосом в одной руке и с подзорной трубой в другой. Поясняет подошедшей Эльзе: «Они должны сделать восемь фигур в свободном падении и еще две, когда раскроют парашюты. Кофе хотите?»

— Нет, — отозвалась Эльза. — Мне бы в трубу поглядеть.

— Берите.

Эльза прильнула к окуляру. Теперь вертолет приблизился на расстояние вытянутой руки. Дверца открылась, девушки оранжевой гроздью постояли снаружи мгновение — и канули вниз. Собрались вместе, образовав кольцо, разлетелись в стороны, снова слетелись… Эльза попыталась найти свою внучку, но «аистята» выглядели абсолютными близняшками в ярких костюмах и шлемах, лишь в одном, что парил чуть сбоку, можно было угадать Аглаю, выполняющую роль видеооператора.

Наконец купола раскрылись. Величаво подплыли друг к другу и принялись строить «этажерку»: один встал на купол второго, второй — на купол третьего…

— Сапожники, мать их, — вдруг выругался Палыч, глядя в небо из-под ладони.

«Этажерка» развалилась, не построившись. Одна из парашютисток, что была в центре, не устояла на куполе «нижнего» и завалилась вбок.

— Не пойму, что случилось, — нервно проговорил Джонни. — Они эту фигуру сто раз отрабатывали. Может, боковой ветер не учли?

— Ага, — флегматично отозвался Лаперуз. — Сейчас приземлятся — Аглая им устроит боковой ветер, юбки у всех снесет. Она у нас дама строгая.

«Аистята» приземлились. И теперь понуро тащили парашюты к месту сбора. Аглая, держа в руке миниатюрную японскую видеокамеру, исподлобья наблюдала за воспитанницами. Взгляд ее и вправду не предвещал ничего хорошего.

— Аглая Федоровна, чес-слово, я не виновата, — зачастила пухленькая Светочка. — Ветер ка-ак дунет…

— А ты на жареную картошку посильнее налегай, — бросила та. — Скоро щеки со спины будет видать. Быстро уложили парашюты и — в просмотровый зал, на разбор прыжка.

Евгений, до того момента стоявший подле «аистят», бочком-бочком отошел прочь, на безопасное расстояние.

— Сейчас дщерей своих воспитывать будет, — озабоченно сообщил он Эльзе. — Это, скорее всего, надолго... Знаете, не ждите Катю, езжайте на автобусе. А Катю я привезу на мотороллере. Хотите, я вас до остановки провожу?

— Проводите, раз уж вы такой галантный, — согласилась Эльза, поняв, что Женя хочет остаться с ее внучкой наедине. — А кто такой Разбившийся Парашютист?

— Да ерунда. Очередная «городская легенда». То есть он и правда разбился — давно, когда здесь еще действовала секция ДОСААФ. Девчонки сочинили, теперь ею «перворазников» пугают.

— Ну, по-моему, не только их. Они и сами в нее верят. На Ирину-то всерьез рассердились.

Джонни помолчал. И проговорил с явной досадой:

— Прошлым летом в лесу, километрах в полутора от аэродрома, убили девушку. Перерезали горло. Убийцу так и не нашли — то есть арестовали какого-то бомжа с перочинным ножиком, тот дрых под кустом неподалеку. Но один мой приятель — он работает в уголовке — рассказывал под большим секретом: ножик у бомжа был совсем тупой и ржавый, а горло девушке перерезали чем-то очень острым, с характерной режущей кромкой.

— Что значит «с характерной кромкой»?

— Кромкой с зазубринами.

— Стропорезом? — вырвалось у Эльзы.

— А вы разбираетесь?

— Да не особо, — она пожала плечами. — Просто слышала где-то.

Тот же аэродром. Воскресенье, около 10 утра.

«Воскресный» аэродром отличается от «субботнего», как мертвый сезон на Черном море отличается от фиесты. Жарко по-летнему, упруго трепещут флаги на высоких флагштоках, вызывая мысль о рыцарском турнире, и повсюду пестреют разноцветные щиты спонсоров. Центральная трибуна отдана, конечно, на откуп мэрии в полном составе и кое-кому из столичных гостей, время от времени мелькающих на канале ОРТ. Множество телекамер, множество журналистов, волчьим кольцом окруживших чету Каюровых, — сегодня их день, недаром они не по-детски вложились в рекламную кампанию...

С Эльзой все здороваются на равных, как со старой знакомой, и даже выдают форменный оранжевый костюм — она облачается в него в одном из трейлеров. Выходит наружу, рассеянно прогуливается вдоль трибун, пока не началось действие, и внезапно слышит немецкую речь.

Два типичнейших бюргера — пузатые, красномордые, в коротких клетчатых штанах и тирольских шляпах с перьями — наблюдали за ней через глазок видеокамеры.

— Dir scheint nicht, Hans, was diese Frau trifft sich mit dem Fallschirm zu springen? — осведомился один.

— Also, dass du Dietrich, plötzlich bei Ihr fällt Zahnersatz[1], — с готовностью отозвался второй, и оба расхохотались.

Эльза медленно повернула голову и мягко произнесла — на чистом немецком, с берлинским акцентом:

— Sagen Sie Ihrem Freund, nicht zu vergessen die Abdeckung mit Linse. Sonst wird der Tag verschwendet.[2]

Подбежала Катя — запыхавшаяся, в мило растрепанных рыжих кудряшках, держа в кильватере верного рыцаря с неразлучной камерой.

— Ух ты, ба! Что ты этой немчуре выдала — они будто разом сосиской подавились?

— Ничего, — отозвалась Эльза. — Просто поздоровалась. Пойдемте, помоему, построение вот-вот начнется.

Смена кадра.

Трейлер четы Каюровых. Внутри тесновато, как в любом домике на колесах, но по-домашнему уютно — надо думать, стараниями хозяйки. Букет незабудок в крошечной вазочке на столе, ситцевые занавески на окошке, чистый половичок возле входной двери. Небольшое зеркальце на стене — перед ним Аглая в оранжевом комбинезоне, буйные волосы цвета опавшей листвы стянуты на затылке бирюзовой ленточкой, открывая сбоку стройную загорелую шею. Пахнет «Житаном».

— Сегодня прыгаю в последний раз, — задумчиво произнесла она.

— Крайний, — автоматически поправил Палыч и нахмурился. — Что это значит? Откуда такое настроение?

— Я так решила, — она улыбнулась уголками губ. — Устала. И тяги к прыжкам больше нет, а без этого спортсмен не спортсмен. Видела ночью сон: лечу вниз, дергаю кольцо, а оно ни с места. Будто примерзло.

— Тебе и в самом деле сегодня лучше не прыгать, — озабоченно сказал Палыч.

— А кто снимать будет? Ладно, иди, — она легонько подтолкнула его в спину. — Я через пять минут буду готова.

Он помедлил, нерешительно толкнул дверь — дверь стукнулась обо что-то твердое, и снаружи ойкнули. Палыч выглянул, увидел Катю, потирающую ушибленный лоб, и поинтересовался:

— Ты что тут делаешь?

— Я случайно, — торопливо сказала Катя. — Шла мимо, а дверь была приоткрыта… Аглая Федоровна, может, дядя Витя прав? А хотите — поменяемся парашютами? У нас и комплекция одинаковая, лямки не придется подгонять…

---

[1] — Неужели, Ганс, эта фрау тоже будет прыгать с парашютом?

— Что ты, Дитрих, она же потеряет зубной протез (нем.)

[2] — Скажите вашему другу, чтобы не забыл снять крышку с объектива. Иначе день пройдет впустую (нем.)

Аглая вспыхнула. Однако тут же взяла себя в руки и почти спокойно спросила:

— Тебя родители не научили, что подслушивать чужие разговоры нехорошо? Это во-первых. Во-вторых, общее построение через десять минут. И если хоть на секунду опоздаешь — вылетишь из команды белым лебедем. Все поняла? Тогда — марш переодеваться.

Катя спиной вперед отступила от трейлера. И тут же наткнулась на Ирину Сырникову — та икнула от неожиданности и уронила в траву плеер. Обе подруги синхронно присели, чтобы поднять его.

— Ты чего на людей кидаешься? — осведомилась Ирина.

— Это не я кидаюсь, — хмуро отозвалась Катя. — Что с Аглаей — не пойму. Шлея, что ли, под хвост попала? Случайно услышала их разговор с дядей Витей... Аглая вроде видела плохой сон — ну, что у нее в воздухе парашют не раскрылся...

— Примета — хреновее не бывает, — согласилась Ирина. — Все равно что вместо «крайний» сказать «последний»...

— И я о том же. Говорю ей: давайте поменяемся парашютами. Все равно они все одинаковые... А она... Посмотрела так, будто меня с дядей Витей в койке застала.

Ирина философски пожала плечами.

— Запоздалый климакс, наверно. Я бы на твоем месте пригрозила уехать домой. И бабульку свою заодно увезти, пусть сами на пару с Витюшей с вышки сигают. Или правда парашюты потихоньку подменила бы, а потом об этом сказала — после приземления, я имею в виду.

— Программу выступления, — меж тем провозгласил ведущий, — начинает необычный прыжок. На парашютную вышку поднимается старейший курсант, участница Великой Отечественной войны, человек, грудью защитивший нашу Родину от фашизма, орденоносец и просто очаровательная женщина... ЭЛЬЗА ДОРМАН!!!

«Насчет орденоносца — это они преувеличили», — рассеянно подумала Эльза, облачаясь в систему на краю площадки. Никому из них орденов положено не было, единственная награда, на которую они, семнадцатилетние девчата, могли рассчитывать, называлась в их среде «МСНР»: «может, сегодня не расстреляют?»

— Все в порядке? — спросил Палыч.

Стылый заснеженный лес. Мороз и мрачные ели, рождающие мысль о кладбище. Сугроб, наметенный ветром вокруг одной из них, в нем неподвижная изломанная фигура в белом маскхалате. Рядом ранец с нераскрывшимся парашютом: человек выпал из самолета. Лицо, искаженное последней судорогой, немногим отличается по цвету от снега, лишь по подбородку изо рта густо течет кровь, кажущаяся в темноте черной. Тишина. Громадная волчица, припадая

к земле, осторожно приближается к человеку. Обнюхивает руку, выпростанную из сугроба. Внезапно рука слабо шевелится.

— Кажется, да.

— Тогда — один, два, три... Вперед!

...Она благополучно приземлилась, сняла шлем и услышала аплодисменты — гораздо более громкие, чем в первый раз. Виктор Палыч спустился с вышки и по-хозяйски обнял Эльзу за талию.

— Можете остаться здесь и посмотреть на Катю. Ее команда взлетает через полчаса.

— А подзорная труба? — спросила Эльза.

Палыч улыбнулся и указал на громадные плоские экраны, установленные над зрительскими трибунами.

— Труба не понадобится. Аглая будет снимать девочек на камеру, а сигнал с нее транслируется на мониторы.

...Их выпустили под занавес, предварительно разогрев публику прыжками на точность приземления (тут блеснул мастерством Серега Лаперуз) и имитацией военного десанта: бравые парни в камуфляже и голубых беретах лихо ссыпались с неба под треск автоматов, разметали к разэтакой матери условного противника и проворно исчезли, сорвав свою порцию аплодисментов.

«Аистята» к тому времени уже выстроились в линеечку у кромки поля, напоминая персонажей подросткового фильма «Москва — Кассиопея». Одна из девушек (очевидно, внучка) помахала Эльзе рукой, прежде чем скрыться в вертолетном брюхе. А потом «вертушка», застрекотав винтами, грузно оторвалась от бетона и стала набирать высоту.

Смена кадра.

Борт вертолета. Громко стрекочет несущий винт, четыре девушки сидят на жесткой скамье вдоль стены.

Аглая Каюрова подходит к Кате, наклоняется и трогает ее за плечо.

— Прости. Что-то я накричала на тебя не по делу. Сорвалась, со мной такое бывает.

Катя удивлена и смущена.

— Да ладно, Аглая Федоровна. Проехали.

Аглая выпрямляется и машет рукой, призывая всех к вниманию.

— После выступлений приглашаю всех в бар! Форма одежды — любая!

Слышатся возгласы: «Класс!»; «Ну, если форма любая, то я, чур, в павлиньих перьях!»; «Ага! С кого ты их сдерешь? С Лаперуза, что ли?»

— Светочка, для тебя — особое меню. Без пива и жареной картошки! (Аглая слышит резкий зуммер и хлопает в ладоши.) Все. Аллюр, девочки!

...Они прыгнули. И Эльза — вместе со зрителями на трибунах — замерла от восхищения. Даже комментатор, вещавший без остановки через динамик на крыше трейлера, наконец заткнулся.

Там, на экранах мониторов, девочки смотрелись совсем иначе, чем сквозь узкий окуляр Палычевой трубы. Под включенную на полную громкость мелодию из «Профессионала» они улеглись в свободном падении аккуратным кольцом. Через несколько секунд перестроились, потом — еще и еще… Эльза насчитала восемь фигур. Аглая держалась на пару метров выше и продолжала снимать.

Наконец «аистята» встали в пике и ринулись в стороны, чтобы не задеть друг друга при открытии парашютов. Еще минута — и оранжевые купола взметнулись, озарив и без того яркое небо…

— Хотите кофе, Эльза Германовна?

Эльза благодарно кивнула. Палыч скрылся в трейлере и вернулся с дымящимся пластиковым стаканчиком.

И в эту секунду над аэродромом раздался крик. Настолько громкий и отчаянный, что перекрыл музыку Морриконе. Стакан в руке Палыча наклонился, кофе пролился на траву — он не заметил этого.

Парашютов в небе было четыре. Четыре — вместо пяти.

Пятая фигура — не фигура, а точка, едва видимая с такого расстояния, — неслась к земле, набирая скорость. Быстрее, чем камень из пращи. Чем пушечный снаряд. Чем смертельно раненный истребитель, идущий на таран.

Она еще продолжала полет, а воздушный ас Виктор Палыч Каюров уже сорвался с места. И Джонни, безалаберно выронив на ходу свою камеру, и Серега Лаперуз, и другие люди — и сама Эльза, подхваченная общим обезумевшим потоком.

Она опоздала. Ей удалось пробежать лишь десяток метров, потом она была вынуждена перейти на шаг. Поэтому, когда Эльза наконец достигла места падения парашютиста, вокруг уже образовалось плотное кольцо из чужих спин.

Она с трудом протиснулась внутрь круга. И увидела Палыча, застывшего на коленях, в молитвенной позе. Медленно, с величайшей осторожностью, он снял шлем с головы парашютиста. Копна рыжеватых волос с готовностью бросилась Эльзе в глаза: волосы цвета опавшей листвы, выпачканные алой кровью.

— Катя… — прошептала Эльза.

Ноги ее вдруг подкосились, трава и небо поменялись местами, и свет померк.

Неизвестно, сколько времени Эльза пробыла без сознания. Но, видимо, достаточно, чтобы ее успели перенести с летного поля в трейлер и уложить на узкую откидную койку. Потом она почувствовала несильное жжение выше локтя: худой бородатый мужчина в белом халате сделал ей укол.

— Катя, — снова пробормотала Эльза.

— Я здесь, ба, — внучка проскользнула под рукой доктора и опустилась на корточки в изголовье кровати.

Эльза порывисто села, прижав внучку к себе и чувствуя, что сердце вот-вот выскочит наружу.

— Катюша… А я вообразила, будто… — она сглотнула слюну. — Но кто же тогда…

— Аглая, — глухо произнесла Катя. — Аглая Федоровна разбилась.

Трейлер четы Каюровых, двадцатью минутами позже.

— Прошу прощения, если помешал…

Эльза с Катей обернулись на голос. В дверном проеме показался мужчина — чуть за пятьдесят, с сединой в волосах и мягким подбородком земского доктора — по крайней мере, Катя с лету приняла его именно за врача, махнув рукой:

— Не беспокойтесь, бабушке сделали укол, ей уже лучше.

— Вот и замечательно. Вы, видимо, Екатерина Дорман? У меня к вам просьба, Катюша. Мне нужно поговорить с вашей бабушкой наедине.

Катя сердито фыркнула, но подчинилась. Эльза проводила внучку взглядом и вопросительно посмотрела на вошедшего.

— Колчин, Николай Николаевич, — представился тот. — Следователь по особо важным делам. Я, признаться, принял вас за обычного зрителя. Но Виктор Каюров сказал, что вы участвовали в выступлениях. Поразительно. Я бы на вашем месте не рискнул… Впрочем, я вообще высоты боюсь. Давайте-ка начнем с вашего вчерашнего визита на аэродром. Чем вы занимались после того, как прыгнули с вышки?

— Ничем особенным. Побродила по полю, зашла в лесочек… Потом меня позвали смотреть прыжок Катюшиной команды. Между прочим, Катин друг, Женя, снимал его на свою камеру. Вы можете попросить запись — думаю, он вам не откажет…

— С Евгением Ильченко я уже беседовал. А вот с записью вышла накладка.

Смена кадра.

Девушки-«аистята» сидят на траве, не глядя друг на друга. На лицах у всех растерянность, страх и непонимание. Через летное поле идет Женя Ильченко. Подходит к остальным, упорно глядя в сторону.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Светик.

— Ничего. Где стояли, что делали, что заметили необычного?.. Ни черта не было необычного. Все как всегда.

— Ну да,— хмыкнул Лаперуз, — за исключением того, что у Аглаи почему-то парашют не раскрылся… Ты прыжок-то снял?

— Снял, — Джонни хмуро усмехнулся. — Вот только камеру у меня какая-то сволочь умыкнула.

— То есть?

— Ну, когда все побежали, я ее в траву уронил. Думал, потом подберу. Подобрал, как же.

— Последнюю фигуру девочки «скомкали», за что получили нагоняй от тренера. До девятнадцати ноль-ноль просматривали то, что было отснято в возду-

хе. Затем все вместе вышли на автобусную остановку. Ваша внучка с Евгением Ильченко отбыла чуть раньше: он отвез ее на мотороллере... Вы не в курсе, они не возвращались на аэродром?

— Вряд ли. Катюша приехала домой раньше меня.

— Кто это может подтвердить?

— Эдик. Эдуард Иванович, Катин отец.

— Вот как? А почему он не поехал сегодня на аэродром вместе с вами?

— Эдик инвалид, — сдержанно пояснила Эльза. — Он прикован к креслу: последствия детского церебрального паралича.

— Простите, не знал. А Катина мама...

— Она оставила ее еще в роддоме, — Эльза почувствовала внезапное раздражение. — Вы скажете, наконец, к чему эти расспросы?

Колчин испытующе посмотрел на собеседницу. Потом запустил руку во внутренний карман и извлек оттуда маленький прозрачный пакетик, который Эльза поначалу приняла за пустой. Однако в пакетике что-то лежало: что-то, похожее на очень тонкую рыболовную леску.

— Этим были перетянуты шпильки обоих парашютов: основного и запасного. Наш эксперт взял образец на анализ: не сумел с ходу определить материал.

Эльза помолчала, переваривая новость. Потом утвердительно спросила:

— Значит, это не несчастный случай?

— Увы, — мрачно отозвался Колчин. — Странно. Парашют можно испортить гораздо проще. Подрезать вытяжной фал. Подрезать стропы, чтобы было похоже на несчастный случай, — он побарабанил пальцами по столику. — Однако убийца и не попытался его инсценировать. Он явно хотел, чтобы Аглая разбилась у всех на глазах, при большом скоплении народа.

Эльзе стало зябко. Она обхватила плечи руками и тихонько проговорила:

— Вы случайно не поинтересовались, сколько ключей было от трейлера?

— Случайно поинтересовался. Ключей было два: один в вещах покойной, другой на связке у ее супруга — вместе с ключами от квартиры и машины. Значит, скорее всего, убийца проник в Аглаин трейлер, где та хранила парашют, вчера вечером, после того, как аэродром опустел... — Колчин покачал головой. — Видите, что получается? Преступник знал, как проникнуть на аэродром незамеченным. Знал, где Аглая Каюрова хранит парашют. Знал, как эффективно вывести его из строя. И, наконец, он имел вескую причину для ненависти.

Эльза удивленно подняла глаза на собеседника (впрочем, чему удивляться) и утвердительно сказала:

— Убил кто-то свой. Вы это имеете в виду?

— Совершенно верно, — легко согласился следователь. — То, что называется, ближний круг.

Она удивилась.

— Послушайте, но ведь вы не подозреваете кого-то из «аистят»? Им же еще и двадцати нет!

— Ну, это не показатель, — справедливо возразил Николай Николаевич. — Кстати, вам знакомо устройство парашютных систем?

— А почему вы спрашиваете?

— Так... Я сказал вам, что убийца вывел парашют из строя, перетянув шпильку прочной нитью. А вы не поинтересовались, что такое шпилька.

Квартира семьи Дорман. Старомодная гостиная, которую бабушка Эльза ненавязчиво декорировала на свой вкус. Разложенный диван-кровать у стены — он достался Эльзе с незапамятных времен: оттуда было удобно проскальзывать в детскую. Катька в маленьком возрасте очень боялась темноты и плакала по ночам. Тогда Эльза брала внучку на руки и тихонько нашептывала на ушко песенки советских композиторов — все, какие знала. А когда их запас иссякал — сочиняла свои на ходу.

Вчерашний разговор со следователем крутился в голове, как закольцованная магнитофонная пленка. Поняв, что уснуть не удастся, Эльза приподнялась на подушке и открыла ящичек тумбочки в изголовье. Пошарила там — и нащупала тоненькую металлическую цепочку. На конце цепочки висел почерневший цветок из пистолетной гильзы — тот самый, что привлек внимание следователя Николая Николаевича Колчина.

Она всегда звала цветок Подарком. Именно так, с большой буквы. Все живые существа имеют имя, а Подарок был, безусловно, живым — то, что он, подобно настоящему цветку, не требовал ежедневного полива, ровным счетом ничего не означало. Она получила его в канун Нового года, 31 декабря, много лет назад. Тогда за окошками казармы валил снег, а посередине нее, в деревянной крестовине, стояла самая настоящая новогодняя елка — в гирляндах из старых газет, бумажных звездах, стреляных гильзах, человечках из подобранных в лесу шишек — фантазия обитательниц казармы нынче не знала границ. Девушка лет семнадцати — примерно столько же тогда было и самой Эльзе — присела напротив и протянула раскрытую ладонь.

— С Новым годом, подруга. Это тебе.

Эльза слегка растерялась.

— С Новым годом. А мне и отдариться нечем. Был медальон, да Дыриха отобрала при обыске. Папа мне на шею повесил перед самым арестом.

— А папа у тебя кто?

— Ученый. Работал в клинике в Москве.

— Москва... — Эльзина собеседница мечтательно потягивается. — Всегда хотела побывать. В Кремль сходить, Царь-пушку поглядеть. На трамвае покататься...

— Побываешь. После войны. Приедешь в гости — я тебя и на трамвае покатаю, и покажу все, что захочешь...

— Правда? Не обманешь?

— Когда я тебя обманывала?

Эти полувидения-полувоспоминания, периодически посещавшие Эльзу, отнюдь не походили на сон — скорее, на старую черно-белую хронику, которую крутят в обшарпанном кинозале с продавленными спинками сидений; современного зрителя, избалованного попкорном и эффектами 3D, туда калачом не заманишь. Ветхая пленка рвется каждые полторы минуты, свет гаснет, однако криков «Сапожник!!!» в адрес механика не слышно, поскольку кричать некому.

Эльза в зале одна. И фильм идет персонально для нее — лента немая, к ней подошла бы какая-нибудь тревожно-патриотическая рапсодия либо звук метронома в полной тишине, но тапер, по странной прихоти, расцвечивает ее игрой на губной гармошке.

Черно-белая кинохроника, снятая трофейной кинокамерой.

Пленка «Ernemann» пр-ва Германии, 16 мм. Качество записи — любительское. Оцифровка невозможна из-за низкой сохранности исходного материала.

Бегущая строка (на фоне проступающей сквозь радиошумы торопливой морзянки).

«Радиограмма.

Центр — Эстонцу.

Сообщаем, что интересующий нас объект 11 ноября с.г. был арестован органами НКВД и вскоре будет этапирован на север, на одну из «дач» в район Двинской губы. В связи с этим приказываем:

1. Войти в контакт с объектом и установить за ним круглосуточное наблюдение.

2. Активизировать внедренного на «дачу» агента Акустик и в дальнейшем действовать в тандеме с ним. Пароль к нему: «Звезды нынче будто волчьи глаза». Отзыв: «У волка в темноте глаза желтые».

3. Подготовить благоприятные условия для высадки в район «дачи» парашютного десанта с целью захвата объекта и переправки его в рейх».

«Радиограмма.

Эстонец — Центру.

Задание получено, приступаю к выполнению. Прошу уточнить, какова роль Акустика в проводимой операции?»

«Радиограмма.

Центр — Эстонцу.

Агента Акустика использовать только на вторых ролях, в случае опасности вашего провала — как свое прикрытие. В завершающей стадии Акустик подлежит ликвидации. Постарайтесь инсценировать его гибель при нападении десанта».

Морзянка смолкает. Титры: «Москва, ноябрь 1943 г., кабинет следователя на Лубянке».

Обшарпанные стены в облупившейся темно-зеленой краске, зарешеченное окно, старый письменный стол с безликой пепельницей, кипой бумаг и казенной настольной лампой. За столом — белобрысый молодой человек в военной форме. Это лейтенант Беспалый. Напротив него, на табуретке, шестнадцатилетняя Эльза Дорман.

Эльза. Почему вы так разговариваете?!

Беспалый. А как прикажешь с тобой разговаривать? Ты — враг. Так что миндальничать с тобой я не собираюсь.

Эльза (недоуменно). Я — враг? Слушайте, это ошибка. Честное комсомольское! Я работаю на заводе, по две смены, а по вечерам еще хожу на медицинские курсы, хочу стать медсестрой…

Беспалый. Заткнись. (Открывает картонную папку, читает бумаги.) С кем из соотечественников поддерживаешь отношения?

Эльза. Ни с кем. Я и с папой-то неделями не вижусь, он днями и ночами на службе.

Беспалый. Неделями, говоришь? Тогда могу тебя обрадовать: теперь ты со своими родственничками не скоро увидишься. Твой брат и папаша арестованы по обвинению во вредительстве. Они провалили важное государственное задание. За это и в мирное время можно яиц лишиться как дважды два, а уж сейчас… Короче, вот тебе карандаш и бумага, пиши.

Эльза. Что писать?

Беспалый. Все, что знаешь. От кого твой отец получал инструкции. Кому из немецкой разведки передавал секретные сведения о работе клиники. С кем и при каких обстоятельствах вел антисоветские разговоры. Дашь чистосердечные показания — отделаешься лагерем. Нет — поставлю к стенке. Согласно закону военного времени.

Эльза (берет в руку карандаш, долго сидит, глядя на чистый лист, и кладет карандаш на место). Не буду.

Беспалый (удивленно). Что?

Эльза. А если бы вам предложили написать донос на собственного отца, вы бы согласились?

Беспалый (тихо произносит: «ну, ну». Подходит к Эльзе и внезапно бьет ее по лицу). Мой отец погиб в ополчении под Москвой зимой сорок первого. Я написал четыре рапорта. Я в ногах валялся у военкома, умолял отправить меня на передовую, драться с фашистами. Мне отказали. Объяснили, что мой фронт — здесь, в этом кабинете. И воевать я должен со всякой швалью вроде тебя и твоего папаши. Так что даю две минуты, сука. Или пишешь правду, или…

Внезапно дверь в кабинет открывается. Звучит начальственный голос: «Отставить, лейтенант». Входит мужчина лет сорока пяти, в военной форме, плотный, невысокий, кряжистый, с крупными чертами лица. Это подполковник Лежава.

Беспалый (вставая по стойке смирно). Товарищ подполковник, лейтенант Беспалый ведет допрос…

Подполковник Лежава. Выйди, покури с полчасика. Нам с девушкой посекретничать надо. Может, перестанет упрямиться.

Некоторое время Беспалый нерешительно топчется на месте. Потом резко поворачивается и выходит из кабинета. Видно, что он недоволен. Подполковник прикрывает за ним дверь, садится на край стола, сдвинув папки, и протягивает Эльзе платок.

Лежава. У вас кровь.

Эльза (после паузы). Скажите, это правда? Насчет папы…

Лежава. Что правда? Что вредитель или что арестован? (Закуривает, выпускает дым и разгоняет его рукой). Твой отец не просто не выполнил задание, данное ему партией, — он отказался его выполнять. Заявил, что это попросту невозможно.

Эльза. Может, так и есть? Папа никогда не врал, даже мне, когда я разбивала коленку в детстве. Доставал зеленку, говорил, что сейчас будет больно, так что терпи…

Лежава (качает головой). Ты, Дорман, неправильно ставишь вопрос. Для коммуниста не существует слова «невозможно». У лейтенанта Беспалого отец погиб в ополчении…

Эльза (тихо). Да, он рассказал…

Лежава. В тот период нам было очень тяжело. Всего не хватало: пушек, танков, даже винтовок с патронами. У ополченцев была одна винтовка на четверых. И все же немцы драпанули от Москвы — так, что пятки засверкали. И любой историк, любой вшивый аналитик ответственно заявит тебе, что такое попросту невозможно. Разве может политрук с оторванной рукой поднимать бойцов в атаку? Горящий летчик пикировать на вражескую колонну? Смертельно раненный, ослепший, бросаться под танк, на шум мотора? А теперь представь, что все эти люди вдруг сказали бы: нет, это нельзя сделать. Отрицательный результат — тоже результат, поэтому найдем вариант попроще и подешевле: например, сдаться. А что? Немцы придут, накормят, оденут, дадут каждому работу… Только где бы мы с тобой тогда были? Где были бы Москва, Ленинград, другие города? Молчишь? (Подходит к Эльзе, берет за плечо.) Хорошие мышцы. Спортсменка?

Эльза. В клубе занималась, при Осоавиахиме.

Лежава. Какими видами?

Эльза. Парашют, немножко планер. Стрельба, кросс.

Подполковник. Сколько прыжков на счету?

Эльза. Двадцать шесть.

Лежава (после короткого раздумья). Негусто. Слушай меня внимательно. Сейчас на востоке нашей страны формируются специальные подразделения из молодых ребят и девушек, в основном спортсменов, для диверсионной работы в тылу врага. Готовят их в специальных школах, потом отправляют на фронт. Я хочу предложить тебе этот вариант. Дело, конечно, опасное, обучение жесткое, даже жестокое… Но и выбор у тебя невелик.

Эльза. А что будет с моим папой и Игорем?

Лежава (с усмешкой). А ты мне нравишься. Для себя ничего не просишь... Отцу уже ничем не поможешь, а для брата я попытаюсь что-нибудь сделать. (После паузы.) Вот такой расклад. Времени на раздумье дать, извини, не могу. Решай сейчас.

Эльза. Я должна что-то подписать?

Древний монастырь на севере страны, искусно спрятанный в подвздошье Двинской губы. В центре обширного двора — главный собор, напоминающий иссеченного в боях витязя: массивный, широкогрудый, без привычной невесомой устремленности в небесные выси. Толстые стены в облупившейся штукатурке, местами в выбоинах растет голубоватый лишайник. Вокруг собора прилепились строения рангом помельче: кельи для монахов, трапезная, полуразрушенная звонница, ангары более поздней постройки — возле них останавливаются два трехосных «студебеккера». Солдаты с винтовками откидывают брезентовый полог, кто-то командует: «Выгружайтесь». Девушки — в ватниках, валенках, куцых шапках-ушанках, с вещмешками — прыгают через борт. Неуверенно оглядываются по сторонам. Неподалеку от них, на перевернутой бочке, сидит мужчина лет сорока пяти, в видавшей виды телогрейке и пилотке. Мужчина почти виртуозно играет на губной гармошке. Это старшина Федотыч. Из кабины одного из грузовиков прыгает военный с погонами капитана и подходит ближе.

Военный. Здоров, Федотыч. Как нога?

Федотыч. Ноет, собака. Видать, к оттепели. Кого привезли?

Военный. Очередную партию. Так что принимай товар, старшина. Как говорится, получите и распишитесь... О, товарищ старший майор идет. Давай, строй девок по-быстрому.

Федотыч (поднимается, кряхтя). Слушаюсь, товарищ капитан... А ну, стройся!

Девушки подхватывают вещи — у кого-то это вещмешки, у кого-то — фанерные чемоданы, перевязанные бечевкой. Неумело образовывают нечто вроде шеренги. Из дверей двухэтажного дома с надписью «Комендатура» появляется высокий статный военный — в идеально сидящей шинели, начищенных до блеска сапогах и фуражке с синим околышем. Это старший майор НКВД Семен Дьяченко. Девушки в шеренге моментально леденеют: у каждой из них уже есть опыт общения с людьми в таких фуражках. Вряд ли у кого-нибудь повернулся бы язык назвать этот опыт удачным.

Федотыч. Товарищ старший майор, «литерная» партия 36/991 по вашему приказанию построена.

Дьяченко. Вольно. (Проходит вдоль строя, глядя на девушек и держа руки за спиной.) Вы прибыли на объект, носящий название «Дача-6». Это означает, что Родина дает вам шанс искупить свою вину перед ней. Там, на фронтах, каждую минуту гибнут люди, гораздо достойнее вас. Гибнут, чтобы вы здесь успели хоть

чему-то научиться. И вы будете учиться — круглые сутки, без отдыха, в условиях, максимально приближенных к боевым. Распорядок дня простой. Подъем в пять утра. Кросс, зарядка, водные процедуры, завтрак. Далее — занятия до двадцати одного часа. В 21.30 ужин, в 22.00 — отбой. Любые нарушения дисциплины приравниваются к саботажу и караются по всей строгости закона военного времени. Каждой из вас будет присвоена кличка. Настоящие имена советую забыть.

Голос из строя. Клички? Как у собак?

Дьяченко (невозмутимо). Именно. Потому что вы — не люди. Вы враги народа. И обращаться с вами здесь будут соответствующе. И еще. Хочу сказать, что не завидую вам. И уж тем более не сочувствую. Командуйте, старшина.

Федотыч. Так, девчата. Сейчас в баню, на дезинфекцию и на врачебный осмотр. И живее, не у свекрови за чаем...

Кабинет врача. Маленькое казенное помещение с металлическим сейфом, письменным столом и яркой настольной лампой на нем. За столом — женщина лет тридцати, в белом халате поверх ватника, сухопарая, с большим тонкогубым ртом, холодными глазами и тусклыми волосами, стянутыми сзади в пучок. Женщину зовут Нина Зарубина. По другую сторону стола стоит полностью обнаженная Эльза. Она дрожит от холода и инстинктивно пытается прикрыть ладонями грудь.

Нина. Встань прямо. Покажи зубы. Повернись спиной. Нагнись, раздвинь ягодицы. Целка?

Эльза (растерянно). Что?

Нина. С мужиком спала, дура?

Эльза. Нет.

Нина (с усмешкой). Не сподобилась, значит. Ничего, наши бабы из обслуги любят таких распечатывать.

Федотыч (входя в кабинет). Чего девку пугаешь раньше времени? (Усаживается на стул возле стены и смотрит на обнаженную Эльзу без всякого интереса.)

Нина (обращаясь к Эльзе). Ладно, свободна. Оденешься в коридоре... Стой! Живо повернулась ко мне. Руки от груди убрала. (Замечает на груди Эльзы медальон в форме чаши. Подходит, разглядывает.) Что это? Крестик? Нет, непохоже. Почему охрана не отобрала?

Эльза. Это медальон. Память об отце.

Нина (презрительно). Семейная реликвия, значит. Дай-ка сюда (снимает с Эльзы цепочку, бросает в сейф и запирает на ключ). Тебе все равно без надобности. (Молчит, пристально смотрит Эльзе в глаза.) Чую, наши дорожки еще пересекутся.

Эльза. Что я вам сделала?

Нина (с затаенной злобой). Ненавижу таких, как ты. Интеллигентных, умных, породистых. Как раньше говорили, *из бывших.* Своими руками стреляла бы...

Федотыч. Нинка, уймись. (Обращается к Эльзе.) Мне товарищ майор велел вам выдумать клички к завтрашнему утру. А тебе и выдумывать не надо. Будешь Умной.

Смена кадра.

Посреди заснеженного поля хлопает учебная граната. Дым, грохот и автоматные очереди — их кладет инструктор поверх голов курсанток, размеренно шагая вдоль полосы препятствий. Эльза ползет по-пластунски под низко натянутой колючей проволокой. Бежит по бревну, поднятому над землей, прыгает в узенький окопчик. На бруствере разложены детали оружия. Крупным планом — распухшие покрасневшие руки, вслепую соединяющие части разобранного оружия...

Эльза (громко). Пистолет «Вальтер Р-38», калибр 9 миллиметров, прицельная дальность 50 метров, емкость магазина 8 патронов... (Нащупывает следующую группу деталей.) Автомат «Шмайссер» МП-40, калибр девять миллиметров, емкость магазина тридцать патронов, скорострельность двести выстрелов в минуту, прицельная дальность...

Резкий голос инструктора. На огневой рубеж бегом марш! Поясная фигура, дистанция двести метров... Живее, Умная, живее!

Смена кадра. Хмурое утро, в полусон-полузабытье безбожно врывается яркий свет зарешеченной лампочки и оглушительный вопль: «Подъем!» Заполошное десантирование с нар, суета с одеванием, построение на обледенелом плацу и торопливая перекличка.

— Оса!
— Я!
— Нитка!
— Я!
— Ластик!
— Я!
— Умная!
— Я!
— Нале-во! За мной бегом марш!

Смена кадра.

Инструктор — коренастый подтянутый мужчина в военном френче — прохаживается вдоль рядов, держа руки за спиной. Курсантки сидят за партами.

Инструктор (продолжая лекцию). ...И запомните: применение физических методов на допросе — это наука. Если вас просто бьют — считайте, вам повезло, боль можно вытерпеть. Если же с вами работают квалифицированно — то в первую очередь будут пытаться нащупать ваш самый сильный врожденный страх. Бывает, что человек в состоянии вынести любые побои, но тут же сломается, если посадить ему на грудь большого паука. Другому достаточно побыть

несколько суток в тесной камере без окон. Многие — особенно мужчины — боятся ослепнуть или лишиться половых органов. Остается только понять, какой из страхов у человека наиболее сильный, и воздействовать на него. Вам предстоит освоить эту науку, чтобы при необходимости провести экстренный допрос пленного. Или, наоборот, выстоять, если попадетесь сами…

Смена кадра.

Учебный класс. Занятия ведет женщина-преподаватель. Безукоризненно одетая и причесанная, строгая, немного желчная, в твидовом пиджаке и юбке. Подходит к Осе и задает вопрос на беглом немецком.

Преподавательница. Кто вы и где родились?

Оса (по-немецки). Я не имею права отвечать на подобные вопросы.

Преподавательница. У вас неплохая фигура. Занимались каким-нибудь видом спорта?

Оса. Несколько лет играла в волейбол. Была членом областного спортивного клуба.

Преподавательница. Чем же вас привлекает волейбол?

Оса. Командным духом. Тем, что ты — член коллектива и отвечаешь за его успех.

Преподавательница подходит к высокой, немного нескладной девушке на задней парте. Это курсантка по кличке Цапля. Цапля быстро встает по стойке смирно.

Преподавательница. Вы любите классическую музыку?

Цапля. Да.

Преподавательница. Ваш любимый немецкий композитор?

Цапля (с заминкой). Я любить… то есть люблю… (делает ошибку, используя неправильную временную форму глагола).

Преподавательница без предупреждения резко бьет Цаплю по лицу. Когда та вскидывает руки, чтобы защититься, наносит удар в живот. Цапля вскрикивает и сгибается пополам, падает на колени.

Преподавательница (спокойно разворачивается к Цапле спиной). Продолжаем урок…

Смена кадра.

Казарма, ночь. Цапля тихонько плачет, уткнувшись лицом в подушку. Эльза на соседней койке просыпается, несколько секунд лежит, прислушиваясь, потом поднимается, подходит к Цапле и садится на краешек ее кровати.

Эльза (шепотом). Ты что, Цапелька? Из-за немки?

Цапля (после паузы). Меня, наверно, скоро пустят в расход.

Эльза. С чего ты взяла?

Цапля (горько). Я не справляюсь с программой. А с такими разговор короткий: пуля в затылок — якобы при попытке к бегству. Я слышала, так было с одной девчонкой из третьего отряда.

Эльза. Прекрати. Ты сможешь. Просто нужно собраться. Сцепить зубы и пообещать себе, что выживешь.

Цапля еле заметно улыбается. Отыскивает в полутьме ладонь подруги и легонько сжимает ее. Молча отворачивается к стене.

Миловидная девушка с большими голубыми глазами и ямочками на щеках просыпается, недовольно морщится и переворачивается на другой бок. Это Зайка.

Зайка. И чего ты возишься с этим недоразумением? Ты да Ластик, два сапога пара, всем подряд готовы сопли вытирать. Кстати, давно хотела спросить: ты немка?

Эльза (осторожно). Допустим.

Зайка. Вот тебя первую в расход и пустят. Как неблагонадежную. Тем более что кое-кто на тебя большой зуб имеет.

Эльза (удивленно). На меня? За что?

Зайка. За то, что майор на тебя глаз положил.

Следующий день — не в пример нескольким предыдущим, яркий, солнечный, искрящийся морозным инеем. Впрочем, мороз по северным меркам и не мороз вовсе: градусов пятнадцать, не больше. Опушка леса в окрестностях школы. Скованная льдом неширокая речушка, во льду примерно в десяти шагах друг от друга прорублены две полыньи. Возле одной стоит группа курсанток. С ними майор Дьяченко, старшина Федотыч и двое охранников.

Дьяченко. Задание простое. Между полыньями под водой протянут страховочный трос. Ваша задача: держась за него, проплыть подо льдом и вынырнуть на противоположном конце. Советую особо не задерживаться: больше тридцати секунд при такой температуре в воде не выживете.

Курсантки одна за другой раздеваются, дрожа от холода, осторожно спускаются в полынью и исчезают под водой. Выныривают в другой полынье, их тут же подхватывают подруги, растирают полотенцами, помогают одеться и ведут к костру на берегу. Подходит очередь Цапли. Она внешне спокойно снимает одежду, подходит к полынье и, прежде чем опуститься в воду, печально и едва заметно улыбается Эльзе. Ныряет и медленно плывет, перебирая руками канат. Останавливается на середине пути и несколько секунд парит в толще серовато-зеленой воды, как в невесомости. Разжимает руки и открывает рот — оттуда вырывается большой пузырь воздуха. Цапля медленно и плавно опускается на дно...

Наверху переполох. Курсантки тревожно переговариваются, майор Дьяченко хмуро смотрит на наручные часы. Двое его помощников начинают снимать с себя одежду, чтобы лезть под воду. Дьяченко досадливым жестом останавливает их и раздевается сам.

Берег реки некоторое время спустя. Цапля — очень спокойная, даже умиротворенная — лежит на снегу. На губах, под едва заметной корочкой льда,

словно под дорогой губной помадой, навсегда застыла легкая улыбка. Вокруг тела неподвижно стоят курсантки. У некоторых на глазах слезы, но никто не вытирает их. Не слышно всхлипов или плача — стоит мертвая тишина.

Столовая для курсанток, время ужина.

Девушки сидят за длинными столами. Некоторые стоят в очереди, раздатчица кладет в миски жидкую кашу. Когда подходит очередь Осы, та протягивает раздатчице две миски. Раздатчица вопросительно смотрит на Осу.

Оса (глухо). Это не мне.

Раздатчица молча наполняет обе миски. Оса идет к столу. Одну миску ставит перед собой, другую — на свободное место, и кладет рядом краюшку хлеба. Все прекращают есть, взгляды устремлены на незанятое место за столом.

Оса (тихо). Земля тебе пухом, Цапелька.

Девушки (Нитка, Ромашка, Ластик и остальные — полушепотом, вразнобой). Земля тебе пухом... Спи спокойно...

Напротив Эльзы сидит девушка лет восемнадцати, с простоватым лицом, усыпанным веснушками. Это Ромашка.

Зайка (беспечно уплетая кашу за обе щеки). Добренькие нашлись. Когда моего отца в лагерь отправляли как липового шпиона, меня, небось, никто не пожалел. Поминки копеечные устроили. Дьяченко или Дыриха узнают — устроят вам поминки...

Оса с яростью хватает Зайку за ворот. Та пытается вырваться, полузадушенно хватает ртом воздух, Оса с явным сожалением отпускает соперницу, презрительно отворачивается и идет к своему месту за столом.

Следующий день. Двор монастыря напротив центрального собора.

Во дворе стоят два крытых брезентом грузовика. Несколько охранников с собаками на поводках образуют живой коридор. Из машин выгружаются заключенные — бритые мужчины разного возраста, одетые в телогрейки и сапоги. Их ведут в барак.

У противоположной стены, на завалинке, сидит старшина Федотыч. К нему подходит Эльза.

Эльза. Федотыч, кто это?

Федотыч. «Куклы». Заключенные с расстрельными статьями из соседнего лагеря. Те, кто по каким-то причинам не попал в штрафбат.

Эльза (недоуменно). Зачем они вам?

Федотыч. Не нам, а вам. Надо же вам на ком-то практиковаться.

Эльза. В чем практиковаться?

Федотыч. Убивать (лезет в карман за кисетом, сворачивает самокрутку, так же медленно закуривает). Этому научиться, девонька, никакие тренировки на тренажерах не помогут. Только люди. Пока живую кровь не вкусишь, ты не боец.

Появляется Зайка. А, «куколок» привезли. Хорошее дело.

Эльза (тихо). Что же хорошего — своих убивать?

Зайка. Какие же это свои? Фашистские отродья — вот они кто. А может, ты крови боишься? Я вот от запаха крови кайф ловлю, честное слово.

Смена кадра.

Ночь, большой добротный дом на окраине деревни. Вдоль забора прохаживается патруль в немецкой форме. В окнах дома горит свет и видны какие-то перемещения. В полуметре от тропинки, протоптанной охранниками, «оживают» два снежных сугроба. Абсолютно бесшумно преодолевают забор и разделяются: один открывает калитку, другой взлетает на крыльцо и замирает сбоку от двери. Во двор вбегают еще несколько человек в белых маскхалатах. Окружают дом, беря под прицел окна. Оса показывает подругам один палец, потом второй, потом третий. Это сигнал: дверь выбивается ударом, диверсантки бросаются внутрь. Через несколько минут они выходят наружу, настороженно поводя вокруг стволами автоматов. Эльза выводит пленного офицера с кляпом во рту и со связанными руками. Внезапно офицер опрокидывает ее и устремляется к лесу.

Эльза (с трудом поднимаясь на ноги). Черт, уйдет!

Зайка (азартно). Я догоню.

Некоторое время спустя. Двор перед домом.

На снегу лежит мертвый беглец. Возле него стоит Зайка, в руке — десантный нож со следами крови. Во двор выходят курсантки, останавливаются возле трупа. К ним подходит майор Дьяченко. Треплет Зайку по щеке, та рдеет от удовольствия.

Дьяченко. Молодец. Если бы он добежал до казармы, обе ваши тройки считались бы уничтоженными. Умная, что произошло?

Эльза (хмуро). Отвлеклась, виновата. Федотыч, а… кто это?

Федотыч (переворачивает труп на спину). Сипягин из десятого отряда. Кличка Штукарь, статья пятьдесят восьмая — бис. На фронт просился, целыми ящиками письма писал товарищу наркому, хотел кровью искупить… Вот и искупил. (Обращаясь к Зайке.) Могла бы живьем взять, куда бы он делся — со связанными руками-то. Ну да победителей не судят.

Бросает окурок и медленно ковыляет в сторону, где гурьбой стоят молчаливые «куклы», уже переодетые в арестантские бушлаты. Все смотрят на убитого Штукаря. Один из заключенных — молодой парень с ярко-синими глазами и веснушками на щеках — пристально смотрит на труп. Потом переводит взгляд на Зайку — будто мысленно фотографирует. Зрачки его неожиданно меняют цвет — с синих на желтые, какие бывают у матерых волков.

Следующий вечер. Круглая утоптанная площадка на задворках монастыря. По обеим ее сторонам — курсантки и «куклы», шеренга против шеренги. Идут

занятия по рукопашному бою в полный контакт: Дьяченко вызывает на середину девушек по очереди, а потом указывает на кого-нибудь из мужчин-зэков:

— Ты. Выходи.

«Куклы» реагируют по-разному. Кое-кто по неопытности скалится гнилыми зубами, не принимая соперниц всерьез. Однако большинство уже знает: щуплые с виду спарринг-партнерши натасканы на человеческую плоть не хуже цепных собак.

В кругу — Зайка. Она белозубо улыбается Дьяченко и чуть пританцовывает от возбуждения. Майор громко, чтобы слышали все, объявляет:

— Заключительный бой! Победителю — приз: пачка махорки.

Голос из шеренги. Гражданин начальник! Дозвольте мне!

Дьяченко. Кто это такой прыткий?

Молодой парень с ярко-синими глазами (делая шаг вперед). Осужденный Устюжанин Дмитрий Фомич, десятый отряд. Статья пятьдесят восемь, десять лет.

Дьяченко (усмехается уголком рта). Ну что ж, Дмитрий Устюжанин из десятого отряда, выходи. Правила тебе известны.

Устюжанин. Так точно, известны, гражданин начальник. Насчет махорочки не обманите.

Идет к Зайке — спокойно, даже беспечно, будто заприметив на танцульках симпатичную девчушку, второй час подпирающую спиной стену. Приближается и берет соперницу за рукав.

Зайка отвечает молниеносно: проводит контрзахват и отточенным движением подсекает парню ноги. Тот неловко, плашмя, падает на спину. Девушка, торжествуя победу, наседает сверху, занося руку для удара: поверженного противника следует добить. Парень по идее должен отшатнуться, однако неожиданно делает прямо противоположное: привстает Зайке навстречу, обнимает — и тут же отпускает.

Зайка удивленно замирает. Заваливается набок и остается лежать, широко распахнув мертвые глаза. Из ее горла, в быстро расплывающемся алом пятне, торчит черная, остро отточенная щепка.

Устюжанин (поднимаясь с земли). Это тебе за Штукаря.

Двое охранников заворачивают ему руки за спину. Один, особо ретивый, исподтишка бьет коленом в лицо.

Устюжанин. Что же это вы, гражданин начальник? Слово ведь нарушаете.

Дьяченко. Отставить.

Старшина Федотыч (разглядывает палочку, вынутую из горла Зайки). Вот, стало быть, чем. Что ж, правильно: «перо» бы он сюда не пронес, а так… Подобрал щепочку, заострил… У него, кстати, судя по личному делу, и кличка подходящая: Щепка.

Устюжанин. Штукарь меня спас прошлой зимой, на лесоповале. Меня сосной чуть не придавило, а он оттолкнул… У него жена и трое ребятишек остались на поселении. Теперь без отца ребятишки-то…

Дьяченко подходит к зэку вплотную. Молча берет парня за руку, поворачивает ладонью вверх и кладет туда пачку махорки.

Смена кадра.

Ночь, казарма. Никто из ее обитательниц не спит, хотя давно прозвучала команда «отбой».

Курсантка Нитка. Странно. О покойниках надо или хорошо говорить, или никак. А я сейчас хочу сказать о Зайке доброе слово — и в голову ничего не идет.

Оса. Мне тоже. Я только теперь поняла, что ее не любила. И причины не могу понять... А ты, Ластик, что задумалась?

Верочка Задорожная по кличке Ластик. Детдом вспомнила. Мы там тоже ночью сидели перед свечкой, когда не спалось. А один мальчик, Шишок звали, нам сказки рассказывал. Одна нам больше всех нравилась...

Ромашка. Расскажи.

Верочка. Да я не все запомнила. Сколько лет прошло.

Нитка. Ничего, мы простим. А что забыла — по-своему сочинишь.

Верочка. Ладно, слушайте. Давно, а может, недавно, в одной стране жила злая правительница-колдунья. Народ у нее голодал, хотя работал от зари до зари. А все оттого, что все деньги правительница тратила на свою армию. Мечтала покорить всех соседей, от моря и до моря. Однажды отдала она приказ: отобрать у родителей детей и воспитывать их отдельно, в казармах, чтобы выросли потом преданными солдатами. А родителей согнала на подземные заводы — оружие ковать день и ночь. Родители работать отказываются: верните, мол, нам детей, иначе и с места не тронемся. А правительница думает: что за беда? Я детишек так заколдую, что они собственных родителей возненавидят. Будут врагами считать. И заколдовала. Приходит на завод, говорит людям: хотите своих детей увидеть? Ну, глядите. Открывает двери — а там толпа детишек. Только смотрят они на собственных пап и мам, точно злые волчата. У родителей и руки опустились: зачем протестовать, коли родные дети от тебя отказываются?

Только на одну девочку злое колдовство не подействовало. Должно быть, оттого, что у нее не было родителей: умерли, когда та была совсем крохой. Идет однажды девочка по лесу, кутается в пальтишко (дело зимой было). Вдруг видит — яма, а в яме черная волчица с желтыми глазами. Пожалела девочка зверя, помогла выбраться, а та ей говорит человеческим голосом: спасибо тебе, девочка. Спасла ты меня, ну и я тебе помогу детишек от злого колдовства избавить. Только трудно это будет. Нужно дождаться морозной ночи, пойти в лес, взять в ладонь снежинку и подождать, пока она растает.

Только и всего, обрадовалась девочка. А волчица качает головой: подожди, мол. Снежинка растет быстро. Сначала в комок превратится, потом в здоровенный ком. Не успеешь вовремя растопить — накроет тебя и раздавит. Нужно, чтобы тепла твоих рук хватило. Сказала — и пропала. Девочка взяла снежинку, хочет, чтобы та в капельку воды превратилась, а снежинка знай растет — вот уже это снежок размером с мячик, вот с кадушку, а вот чуть ли не с нее саму... Чувствует

девочка: еще немного — и раздавит ее снежинка. Можно ее бросить, да только злое волшебство уже никогда не разрушишь. Ну нет, думает. Лучше умереть, чем жить под злой властью. Зажмурилась, готовясь к смерти. И вдруг чувствует — будто помогают ей чьи-то руки. Смотрит — а это незнакомый мальчик. Потом еще один подошел. Потом — незнакомая девочка. И все ладони подставляют под снежный ком. И начал тот наконец таять.

«Стойте!» — закричала с башни правительница. Метнула в ребят огненный посох, но не тут-то было. Снежный ком превратился в поток воды, зашипел огонь, да и потух. Сгинула злая колдунья. Отворились двери подземных заводов, вышли оттуда рабочие, обняли своих сыновей и дочерей, а те — их. Только та самая девочка-сирота стоит одна в сторонке, никто ее не встречает. Тут все наперебой стали звать ее к себе: пойдем, мол, к нам жить! Будет у тебя семья, все станут любить тебя, как родную.

«Спасибо, добрые люди, — отвечает девочка. — Вы уже нашли свое счастье, а мой удел — помогать тем, кто нуждается в помощи». Попрощалась со всеми, положила руку на спину волчице — и ушли они вдвоем из города и из страны, туда, где они нужнее…

Ромашка (тихонько). Хорошая сказка. Будто про нас…

Оса. Хорошая-то хорошая, только за такие басенки, знаешь…

Нитка. Что, думаешь, дальше фронта пошлют?

Верочка. Вот странно. У меня такое ощущение, будто Шишок где-то тут, рядом. Хотя как я его могла узнать? Я его видела-то совсем мальчишкой…

Той же ночью, кабинет Нины Зарубиной. В кабинете, в тусклом свете керосиновой лампы, двое: сама Нина и курсантка Ромашка.

Нина. Значит, о Зайке особенно никто не скорбел. А по Цапле целые поминки устроили…

Ромашка (робко глядя в пол). Зайка злая была. Над всеми посмеивалась. Может, поэтому и…

Нина. А может, потому, что она была лучшей? *(Жестко берет Ромашку за подбородок.)* Я тебя от фронта не за тем спасаю, чтобы ты передо мной глазками хлопала, а чтобы настроение подружек своих освещала. Не нравится — только скажи.

Ромашка (испуганно). Нет, нет, я буду… Я обязательно…

Нина. Ладно, иди. За Ластиком присмотри особо.

Ромашка (уже в дверях). Сказку-то не она сочинила. Какой-то Шишок из их детдома…

Поспешно уходит. Нина некоторое время сидит неподвижно, глядя на фитилек керосиновой лампы. Потом накидывает на плечи полушубок и выходит на улицу. И неожиданно слышит совсем рядом знакомый голос:

— У волка в темноте глаза желтые.

Нина осторожно протягивает руку к кобуре.

Время настоящее.

Проектор стрекотал вхолостую. Тапер еще несколько секунд играл в полной темноте, переходя от «Катюши» на марш Люфтваффе и обратно, потом затих, и в сознание тихонько вполз приглушенный плач из соседней комнаты. Эльза проснулась окончательно. Встала, накинула халатик поверх ночной сорочки, вышла в коридор и постучалась в комнату.

В изголовье кровати горел ночник. Катя сидела, прислонившись к стене и загородившись подушкой. Широко распахнутые глаза смотрели прямо перед собой.

— Что с тобой? — спросила Эльза. — Что тебя напугало?

Внучка сглотнула ком в горле.

— Здесь была Аглая.

— Это просто сон, — успокаивающе проговорила Эльза. — Дурной сон. Тебе бы успокоиться. Аглаю Федоровну не вернешь. И уж, во всяком случае, ты тут ни при чем. Не ты виновата в ее смерти.

— Может, и виновата, — так же еле слышно отозвалась Катя, затравленно глядя в пустой угол.

— Что это значит?

— Тогда, на празднике, Аглая прыгала с моим парашютом.

— Значит, ты тайком поменяла ее парашют на свой, — медленно проговорила Эльза.

— В том-то и дело, что нет. Я только в воздухе почувствовала, что лямки по-другому сидят на плечах. Я сто раз себя спрашивала: как мы с Аглаей могли их перепутать? Мы положили их рядом, у кромки поля. Выстроились в шеренгу (ранцы были позади нас на траве), потом нам дали команду на посадку в вертолет...

— Кто еще стоял рядом в этот момент?

Катя пожала плечами.

— Кто?.. Лаперуз крутился поблизости, Джонни стоял возле трейлера, позади тебя... А почему ты спрашиваешь?

— Потому что если ты сама не перепутала ранцы, значит, кто-то незаметно переставил их местами. И это случилось уже на летном поле.

— Ну да, перед посадкой в вертолет... Получается... это кто-то из нас четверых?

Утром обе — и бабушка, и внучка — встали раньше обычного. Катя села за стол, подперла ладонью подбородок и выглянула в окно.

— Ага. Джонни должен подрулить на своем «Харлее». Обещал до универа подбросить.

— Подожди, — вскинулась Эльза. — Я тебя провожу. Прогуляюсь заодно.

Евгений ждал у подъезда. Мотороллер под ним нетерпеливо пофыркивал, напоминая маленького, но отважного пони. Эльза усомнилась было, сможет ли Боливар вынести двоих, но Катька спокойно перекинула ногу через седло и обхватила Женю за талию.

— Не волнуйся, бабуль. Все будет океюшки.

— Ага, — с готовностью подтвердил Евгений. — В случае чего я ее защищу.

— Ты? — хмыкнула Катя.

— К твоему сведению, я в школе занимался таэквондо. Целых полгода.

— О боже, — вздохнула она. — Квентин Тарантино, Шумахер и Дон Дракон Уилсон в одном флаконе. Повезло мне, дуре.

— Эльза Германовна, — жалобно проговорил Женя. — Ну хоть вы мне верите?

Эльза кивнула на ладонь внучкиного спутника.

— Верю. Судя по мозолям, ты и сейчас тренировки не бросаешь.

Джонни опустил взгляд и хмыкнул.

— Да это не от тренировок. У отчима в гараже токарный станочек, а «Харлей»-то мой старенький, с рук купленный, вот и приходится иногда лечить.

Мотор зафыркал, пукнул маленьким ядовитым облачком и скрылся со двора. Эльза бережно разгладила юбку и повернула к своему подъезду. Гулять расхотелось.

Эдуард флегматично жевал бутерброд с ветчиной.

— Я предупреждал: не стоило пускать Катьку прыгать с парашютом, — желчно проговорил он. — Знаю я этих летчиков-вертолетчиков: завалятся с ночи в казарму, затарятся самогонкой. А потом воображают себя Бэтменами...

Эльза обиженно поджала губы, взяла веник с совком и направилась в Катину комнату: саму Катьку, конечно, не заставишь убраться, но это не значит, что она должна жить среди микробов.

...Она обнаружила это на полу, почти тут же. Смела в совок, поднесла поближе к глазам... Это были комочки земли. Маленькие, ноздреватые и оставляющие на кончиках пальцев жирный налет. Эльза прислонила веник к стене, вышла в прихожую и придирчиво осмотрела Катину обувь: босоножки на высоченном каблуке, выходные замшевые туфли, «пумовские» кроссовки, пляжные тапочки...

— Непонятно, — пробормотала она озадаченно. — Откуда влажная земля? Погода все эти дни была сухая... Ты не заметил, в какой обуви Катя уехала в институт?

— Вроде в босоножках на каблуке. Ты еще удивлялась, как можно передвигаться на таких ходулях и не падать... А что?

Уже знакомый аэродром, вторая половина дня.

Летное поле. День пасмурный, полосатый флюгер возле трейлера раздувается от ветра. Чуть вдалеке, возле большого ангара, видны два самолета и десантная «вертушка». Посреди поля на вылинявшем брезенте Сергей Лаперуз — в оранжевом комбинезоне на голое тело — укладывает парашют-«крыло». Эльза направляется к нему.

— Это вы? — спросил Сергей, не отрываясь от своего занятия. — Пришли с вышки попрыгать?

— Нет, я по другому вопросу, — отозвалась Эльза, рассматривая расстеленный на брезенте парашют. — Надо же, какая интересная конструкция... Аглая прыгала именно с таким?

— Ну да. Вообще-то я уже три месяца как перешел на «овал». Это скоростной купол, он посложнее «крыла». Тут нужна смелость, расчет... Чуть зазеваешься во время приземления — пиши пропало. А самое главное — нужен драйв. Знаете, что это такое?

Эльза улыбнулась.

— В наше время говорили: вдохновение.

— Не, — отмел Лаперуз эту идею. — Вдохновение — это когда на скрипочке играют, а драйв — это драйв. Аглая, конечно, была великим мастером, но она этого не понимала. Однажды они с Иркой даже поругались из-за этого по-крупному. Аглая ее от прыжков отстранила — дядя Витя отстоял.

— Вот как? Что же Ирина натворила?

— Да так... Захотелось однажды острых ощущений. Мы с ней хлебнули «ерша» на борту — это такая...

— Знаю. Смесь водки с шампанским.

— Ага. Прыгнули с трех тысяч, решили в воздухе поцеловаться. Подлетели друг к другу, поцеловались, я смотрю на высотомер — пора парашюты раскрывать. Я кое-как руку освободил, дернул кольцо, а она в тот же момент — свое. А летели-то в обнимку — ну, стропы и перепутались. Пока расцеплялись, пока дергали «запаски»... Нет, приземлились нормально, даже не очень испугались... Но все равно — грубейшее нарушение техники безопасности.

Эльза немного помолчала.

— Сережа, скажите... В тот день, перед тем как «аистята» погрузились в вертолет, зачем вы к ним подходили?

— Зачем подходил? — Лаперуз озадаченно пожал плечами — похоже, подобный вопрос не приходил ему в голову. — Да просто так. Сказал: мол, не подведите, на вас вся страна смотрит. Катьке помог ранец надеть...

— Вы взяли тот ранец, что лежал позади Кати?

— Конечно, какой же еще? Да, собственно, она его сама взяла, я просто помог... А в чем дело?

— Ни в чем. А Ирина на аэродроме? Я как раз хотела с ней поговорить.

Лаперуз оглянулся.

— Вообще-то должна быть где-то здесь. Ее Палыч приставил к газонокосилке. А о чем поговорить-то?

— Гм… Понимаете, я очень беспокоюсь за внучку. Она считает себя виновной в смерти вашей руководительницы. Они повздорили о чем-то — прямо перед тем, как Аглая Федоровна… Как с ней случилось несчастье.

— Да фигня это все, — поморщился Сергей. — Аглае якобы привиделся сон, будто у нее не раскрылся парашют. Катька услышала и ляпнула: давайте, мол, парашютами поменяемся. А это примета — хуже не бывает. У нас тут народ суевернее, чем в сибирской тайге. Говорят «крайний» вместо «последний», пятаки подкладывают в кроссовки, в пруду не купаются…

— Ирина купается, — возразила Эльза.

Лаперуз задумчиво поскреб подбородок.

— Есть такие люди: пофигисты. Некоторые тихие, некоторые, наоборот, любят свой пофигизм напоказ выставлять. Вот Ирка как раз одна из них, — он зачем-то попинал ногой уже сложенный «купол». — Прошлым летом возле этого пруда зарезали девушку. Нашу, аэродромную…

— Знаю, Джонни рассказывал.

— Менты от безысходности замели какого-то бомжа с перочинным ножиком. Потом, правда, отпустили, но тот рассказал, что видел эту девушку за несколько минут до убийства с каким-то типом в старом летном комбинезоне и шлеме — наподобие тех, в которых ходили летчики лет тридцать-сорок назад.

— Ну и что? Мало ли таких комбинезонов.

— А вы здесь видели хоть один? В таком прикиде прыгать — все равно что на горных лыжах кататься в тренировочных штанах с обвислыми коленками. Засмеют. У наших техников комбинезоны новые, ярко-зеленые, с логотипом. У «аистят» — оранжевые… А вот на том парне, который разбился, как раз был такой — синий, из хэбэ.

— Все равно — нельзя же всерьез думать, будто девушку убил призрак.

— Никто и не думает, — отозвался Лаперуз с некоторой досадой. — Но если ее убил человек — то наш, аэродромный.

— Почему?

— Потому что, судя по ране, лезвие было особенное, с зазубринами. Такой нож называется «стропорез».

Где-то на кромке поля дурноматом взревел мотоциклетный движок. Лаперуз, нимало не удивившись, кивнул головой в ту сторону.

— Вам Ирка нужна? Вот она, траву стрижет.

Достучаться до девушки оказалось делом непростым: для этого пришлось подойти к ней вплотную и настойчиво потрясти за плечо. Ирина обернулась, увидела Эльзу и вопросительно дернула подбородком: чего надо, мол? «Поговорить», — знаками попросила та.

Девушка вздохнула и ткнула пальцем в какую-то кнопку. Мотор тут же затих.

— А Катька сегодня не приезжала.

— Да, я знаю, — сбивчиво согласилась Эльза. — Я хотела поговорить с вами. Расскажите о том случае, когда вы с Сергеем зацепились в воздухе стропами.

— При чем тут... Как зацепились, так и расцепились. А Аглая взяла и отстранила меня от прыжков. Я Аглае высказала все, что думаю. В общем, разругались насмерть.

— А вы с Сергеем похожи, — мягко проговорила Эльза. — Оба изображаете из себя... как это у вас, молодежи, называется... пофигистов. А на самом деле принимаете все очень близко к сердцу. Я бы даже сказала, *опасно близко.*

Ирина невесело усмехнулась. Сорвала травинку, счастливо избежавшую встречи с газонокосилкой, сунула в рот, пожевала и изрекла:

— А что вы хотите? Небо — оно хуже наркотика. Я подошла к Палычу. Говорю: дядя Витя, хочешь — стреляй, хочешь — ино как используй, только не дай пропасть. Он говорит: ладно, мол, замолвлю за тебя словечко. Но и ты будь добра, отработай. Я поначалу решила, что отрабатывать придется того... задним местом. А Палыч вместо этого приставил к этой херне, — она пнула кроссовкой ни в чем не повинный агрегат.

— Вы в субботу не заметили ничего необычного?

— Что там могло быть необычного? Аглая всех построила, повела к «вертушке». Джонни свою ненаглядную снимал, то есть вашу внучку. Лаперуз поблизости крутился да какой-то мужик в комбинезоне...

— Какой мужик?

— Откуда мне знать? Техник, наверное. В старом выцветшем комбинезоне. Такие уж давно никто тут не носит...

— Гм... Ирочка, а вы не путаете? Я со своего места наблюдала за «аистятами», но никакого техника рядом с ними не заметила...

— Так вам нос вертолета обзор закрывал, — небрежно отозвалась та, нимало не задумавшись о важности только что выданной на-гора информации. — А на что он вам? Что вы к нему прицепились?

— Сама не знаю, — вздохнула Эльза. — Ирочка, я вас прошу: давайте обойдем аэродром. Вдруг встретим?

Техников в ходе осмотра территории оказалось четверо. Двое культурно отдыхали под сенью потрепанной «аннушки», еще двое переливали солярку из одной канистры в другую. Все четверо с истинно буддистским спокойствием курили сигареты, стряхивая на землю пепел.

— Ну, что? — спросила Эльза, на всякий случай держась от «объектов» на почтительном расстоянии (попади искра от сигареты внутрь канистры — набирать Виктору Палычу новый персонал, взамен сгоревшего на работе).

Собеседница пожала плечами.

— Может, любой из них, а может, и никто. Говорю же, я не разглядела. А комбинезоны-то на них другие: зеленые, без рукавов и сравнительно новые. Выцвести не успели...

Городское кладбище, центральная аллея, закат того же дня. По обеим сторонам, точно дорогие особняки на легендарной Рублевке, — мраморные, гранитные, базальтовые памятники, огороженные массивными корабельными цепями, цепи считаются в среде нынешних новоруссов последним кладбищенским брендом.

Эльза медленно идет по аллее, оглядываясь по сторонам, и неожиданно ловит себя на том, что не бывала на кладбище много лет. В отличие от своих сверстниц — обладательниц целого сонма усопших родственников. За родственниками полагалось ухаживать, как за живыми: выпалывать сорняки, поливать цветы, менять воду, заодно мысленно определяя себе место рядышком: поди уж, недолго осталось небо коптить...

Эльза была лишена подобных привилегий. Ее подруги-одногодки, большинство из которых она знала только по кличкам, лежали кто где: кому повезло — под фанерными и жестяными звездочками, остальные — просто так. Эльза прошла аллею, свернула под молодые березки — и уткнулась взглядом в мужскую спину, обтянутую мотоциклетной кожанкой. В первую секунду она инстинктивно отшатнулась, но тут же узнала Виктора Палыча Каюрова. Подошла ближе и невольно ахнула.

Могила Аглаи была разрыта. Повсюду валялись комья земли, обрывки траурной ленты, обломки венков. Памятник — не роскошный, но добротный — был выворочен из земли, стекло, предохраняющее цветную фотографию, разбито каким-то тяжелым орудием. Эльза поспорить была готова, что по портрету долго и исступленно долбили штыковой лопатой.

— Что вам нужно? — глухо спросил Палыч, не оборачиваясь. — Кто вы?

— Эльза Германовна, бабушка Кати Дорман. Вы учили меня прыгать с парашютной вышки, — она сглотнула слюну. — Кто это сделал?

— Не знаю. Я вчера цветы приносил, все было нормально.

— Послушайте, но надо же что-то делать! Вызвать милицию, пусть как следует допросят сторожа — у него под носом оскверняют могилу, а он...

— Не нужно, — глухо проговорил он. — И милиция здесь не поможет. Это Аглаюшкина душа не может успокоиться. Так бывает, когда человек умирает страшной смертью. Насильственной. Она ведь приходила к вам, верно? Иначе вас бы здесь не было.

— А вы...

— Я видел ее. В роще возле аэродрома, возле того самого пруда.

Аэродром. Ночь накануне.

Погода тихая и безветренная, установись такая днем — ее можно считать идеальной для прыжков на скоростном «овале». Механический треск цикад в тишине. Вдалеке, за границей территории, шепчется ночной лес, но здесь, в трейлере, его не слышно.

Виктор Палыч сидит возле окна, на откидном столике альбом с фотографиями. На фотографиях разные моменты их с Аглаей спортивной карьеры. Пара-

шюты в воздухе, парашюты, снятые с земли, групповые снимки на поле, моменты награждения, снова парашюты... Внезапно в трейлере гаснет освещение. Виктор Палыч тяжело поднимается и выходит наружу. Нужно дойти до будки охранника, выяснить, в чем там дело...

Шагах в пятнадцати от трейлера стоит женщина. Знакомые до боли рыжие волосы, оранжевый комбинезон, лица не видно, скрыто в тени, но — странное дело — Виктор Палыч узнает тонкую золотую цепочку на стройной шее. Эту цепочку он преподнес своей возлюбленной в день свадьбы двенадцать лет назад.

Точно под гипнозом, он делает шаг к женщине. Потом еще, потом переходит на бег. Однако расстояние между ними не сокращается: женщина плавно, будто не касаясь земли, идет в сторону рощи.

— Аглая, — шепотом кричит Виктор Палыч. — Аглаюшка, подожди!!!

Впереди серебристым зеркалом блестит пруд. Женщина останавливается. Медленным движением расстегивает «молнию» на комбинезоне, снимает его через голову и роняет на землю. Переступает босыми пятками и делает шаг к воде.

Виктор Палыч больше не окликает ее, боясь спугнуть, — просто идет следом, раздвигая руками ветки и испытывая странную невесомость в теле: казалось, стоит оттолкнуться ногами — и полетишь...

И он летит. Правда, не вверх, а вниз, споткнувшись о какую-то корягу. А когда выпрямляется — вокруг пусто. Виктор Палыч садится на землю. Пытается сдержать слезы, хотя его никто не видит.

Действие возвращается на прежнее место, к разоренной могиле Аглаи Каюровой.

— Вам показалось, — мягко сказала Эльза. — Вы очень любили свою жену — и вам хотелось увидеть ее снова. Вот вы и увидели... Что вы собираетесь делать дальше?

— Восстановлю могилу. Починю памятник, закажу новую фотографию. В городскую квартиру пока не вернусь, поживу на аэродроме, в трейлере, — он сделал паузу. — Вдруг Аглаюшка придет еще раз...

Он наклонился, пошарил вокруг себя в поисках бутылки, и Эльза увидела то, чего раньше не замечала.

Рисунок на изуродованном памятнике.

Грубый и настолько схематичный, что его можно было принять за потек краски, оставленный пьяным в дымину маляром. Две зеркально отраженные кривые, в совокупности напоминающие рюмку или чашу, разве что без схематичной тонкой ножки. Надпись ниже чаши недалеко ушла от качества самого рисунка: «**Верни чашу»**.

— Вы знаете, что это означает, черт возьми? — сквозь зубы осведомился вдовец.

Эльза отрицательно покачала головой.

Делать тут больше было нечего. Она кое-как выбралась назад, на центральную аллею, и присела на скамейку возле чьей-то роскошной ограды (надпись на гранитном памятнике, похожем на Тадж-Махал в миниатюре: «Спи спокойно, дорогой кореш, братва за тебя отомстит!»).

Кто-то деликатно тронул ее за плечо.

— Здравствуйте, Эльза Германовна. Не торопитесь, надо поговорить.

— Вы что, следите за мной? — холодно поинтересовалась она, увидев следователя Колчина.

— Не слежу, — поправил Колчин. — Скорее, негласно охраняю. Можно полюбопытствовать, что вас сюда привело?

— Кто-то надругался над могилой Аглаи Каюровой, — несколько невпопад отозвалась она.

— Да, но откуда *вы* узнали об этом? Не от Кати ли?

— При чем здесь Катя? — нахмурилась она.

— Пока не знаю. Я знаю только, что в последний раз Аглая Каюрова прыгала с парашютом вашей внучки. Почему вы не сказали об этом раньше?

Она помолчала. Потом вместо ответа вытащила из сумочки прозрачный пакетик с комочками земли, подобранными в спальне внучки.

— Николай Николаевич, я понимаю, что моя просьба… как это выразиться… чрезвычайно наглая, но не могли бы ваши эксперты выяснить, что это такое?

Пленка, как ей и положено быть, черно-белая. Даже, скорее, черно-желтая, вся в прорехах, с немилосердно зажеванной перфорацией, однако это — живое свидетельство ТОГО времени. И в этом ее волшебство, не поддельное, а настоящее.

Титры на экране: «Архивная запись. Диверсионная школа в районе Двинской губы, 31 декабря 1943 г.».

Большая пушистая елка посреди казармы. Ветки украшены гирляндами из старых газет, бумажными цветочками, винтовочными гильзами и смешными человечками из сосновых шишек — фантазия девушек-курсанток в этом направлении не знает границ. Эльза за столом немного рассеянно вырезает из бумаги снежинку. Верочка Задорожная, расположившись на своей койке, берет пистолетный патрон, перочинным ножом извлекает пулю из гильзы, высыпает часть пороха и чиркает спичкой. Несильно вспыхивает, гильза прыгает в угол. Верочка поднимает ее и удовлетворенно оглядывает со всех сторон: гильза теперь похожа на стилизованный цветок. Девушка подходит к Эльзе и протягивает ей готовое «изделие».

Верочка. С Новым годом, подруга.

Эльза. Спасибо. А мне и отдариться нечем. Был медальон, папа на шею повесил перед арестом. Дыриха отобрала.

Верочка. А кто у тебя папа?

Эльза. Ученый. Работал в клинике в Москве.

Верочка (мечтательно улыбается). Москва… Всегда хотела побывать. В Кремль сходить, Царь-пушку поглядеть. На трамвае покататься…

Эльза. Побываешь. После войны. Приедешь в гости — я тебя и на трамвае покатаю, и покажу все, что захочешь…

Оса. Эх, погулять бы сегодня ночью. Как до войны: с шампанским, песнями, танцами под патефон… Черт возьми, праздник у нас нынче или не праздник?

Старшина Федотыч (входит в казарму). Отставить галдеж. Будет вам и самогонка, и танцы. Только пока это — военная тайна, так что…

Неожиданно вытягивается по стойке смирно. Появляется майор Дьяченко.

Дьяченко. Болтун — находка для шпиона, старшина. Испоганил, понимаешь, мне весь сюрприз. Оса, Ромашка, бегом в хозчасть. Возьмете продукты: сало, хлеб, маргарин, тушенку, сахар. Норма на сегодня двойная. Отбой в час ноль-ноль, так что Новый год встретить успеете. Подъем завтра в восемь, утренний кросс отменяется. Вопросы есть?

Стол мигом ставится по соседству с наряженной елкой. Множество пар рук режет вкуснейший хлеб, вскрывает банки с консервами и раскладывает по жестяным мискам.

Верочка прилаживает картонную звезду на макушку елки. И вдруг теряет равновесие — несколько девушек едва успевают на помощь. Под руки доводят до койки, Верочка осторожно, словно боясь расплескать себя, опускает голову на подушку. «Может, за врачом сбегать?» — предлагает кто-то. «Не надо, — с трудом отвечает Верочка. — Уже все хорошо».

Эльза. Хочешь, посижу с тобой?

Верочка (полушепотом). Посиди… Скажи, он тебе нравится?

Эльза. Кто?

Верочка. Дьяченко. Наверняка нравится, это сразу видно.

Оса. Ластик, Умная, хорош шептаться. Глядите, Федотыч патефон приволок!

Старшина ставит патефон на табурет — старый, даже старинный деревянный ящик с кое-где сохранившейся инкрустацией. Девушки обступают его и принимаются перебирать виниловые пластинки с истертыми наклейками: танго «Кумпарсита», «Амурские волны», «Лемешев. Русские романсы»…

Смена кадра.

Крупным планом — жестяные кружки с шампанским. Крики «Девять… Десять… Одиннадцать… Двенадцать… С Новым годом! Ура!!!», смех, суета за столом. Федотыч ставит очередную пластинку, звучит вальс «На сопках Маньчжурии». Девочки распределяются по парам и в упоении кружатся по казарме. Неожиданно Эльза видит, что к ней направляется майор Дьяченко — широким военным шагом, через всю комнату, и девушки торопливо уступают ему дорогу.

Они оказываются в центре круга, будто в центре гладиаторской арены, и майор ведет партнершу властно и мягко, рождая у Эльзы ощущение, что она плывет над полом в его руках...

Наконец патефон смолкает. Дьяченко провожает Эльзу на место и, ни слова не говоря, отходит прочь. Танцы продолжаются, но Эльзе уже не хочется веселиться.

Она потихонечку одевается и выходит на улицу. Медленно бредет вдоль окон комендатуры — и внезапно слышит голоса впереди, за углом. Один из них, мужской, принадлежит Дьяченко. Второй голос — женский.

Дьяченко. С ума сошла. Если все выплывет... Меня в лучшем случае разжалуют и отправят в штрафбат. А тебя попросту ликвидируют. Отправить бы тебя поскорее на фронт. Здесь ты у меня как гиря на ноге.

Женский голос (едва слышимый). Тогда, может, решишь дело проще? Пустишь мне пулю в затылок. Я же враг народа, чего меня жалеть? Только помни: я ведь твоего ребенка ношу...

Дьяченко (с металлом в голосе). А вот об этом не только вслух — про себя произносить не смей. Если хочешь выжить. Возвращайся-ка в казарму. Не нужно, чтобы нас видели вместе.

Эльза осторожно выглядывает из-за укрытия. Недавняя собеседница майора стоит к ней спиной и плачет, сжавшись в комочек. Это Вера Задорожная — курсантка по кличке Ластик.

Осторожно, стараясь, чтобы снег не скрипел под ногами, Эльза уходит прочь. Она не догадывается, что за ними обеими следит еще один человек: Нина Зарубина, скрытая тенью, со странной усмешкой смотрит ей в спину. Затем бросает на землю окурок и нехотя возвращается в кабинет. Отпирает сейф и вынимает принадлежавший Эльзе медальон: пластину в форме чаши, на тонкой серебряной цепочке. В тусклом свете керосиновой лампы видны готические буквы: «ВЕРНИ ЧАШУ ПАНТЕЛЕЙМОНУ, НАЙДИ, КУДА ПЕРСТ УКАЖЕТ, И ОПУСТИ ВЗОР, ВОСПАРИВ».

Входная дверь еле слышно скрипит. И кто-то произносит шепотом: «У волка в темноте глаза желтые...»

Предыдущая картина словно растворяется, чтобы уступить место другой, явно из иного времени.

Титры на экране: «Архангельский острог, 1725 г., конец ноября».

Помещение лазарета. Довольно много больных — в основном с цингой, отечными ногами, грудной жабой и простудой разной тяжести: всем, чем «награждает» северная тайга и каторжан (но, естественно, этот лазарет не для них), и тех, кто охраняет их, водит на работы в рудник, ловит среди сопок, коли кто решается на «рывок», караулит на вышке... Женщин здесь нет: роль санитаров выполняют те же солдаты — в грязно-белых фартуках поверх стареньких мундиров с закатанными рукавами. Слышны стоны, кто-то просит воды, кто-то натужно кашляет...

Кровать Никиты Изместьева огорожена импровизированной ширмой из простыни. Грудь юноши тяжело, со всхлипом, вздымается, лицо не сильно отличается по цвету от сыроватой наволочки, которую по указу его сиятельства меняют каждые два часа и кипятят в воде с хлорным раствором. Худые запястья, похожие теперь на птичьи лапки, иссечены шрамами от кровопускания — ни одно из них не привело ни к малейшему облегчению.

— Что скажете, молодой человек? — спросил граф. В лазарете было душно, жарко, влажно. Его сиятельство без церемоний стянул с головы пышный парик, промокнул им взопревшую лысину и водрузил на место.

Иоганн отнял трубочку от груди пациента и признался:

— Я в недоумении, учитель. Судя по дыханию больного, это не чахотка, хотя некоторые симптомы указывают...

— Чахоточные флюиды смертельно опасны, но их легко распознать — хотя бы подвергая анализу состав крови, который я проводил, пока вы спали (это я не в укор: молодой организм должен спать, бессонница — удел стариков). Также это отнюдь не грудная жаба — поскольку основным ее признаком является излишняя сухость и желтизна кожи вследствие внутреннего разлития желчи... — граф сосредоточенно почесал кончик ястребиного носа (Иоганн давно заметил у учителя столь забавную привычку). — Великий Ибн Сина утверждал, что все органы человека относятся к какой-либо стихии: воде, ветру, огню, металлу, земле... И, как огонь можно погасить водой, так и возможно лечить один орган посредством воздействия на другие. Так вот, у меня сложилось странное впечатление, что эти связи у поручика полностью разрушены. Будто его организм перестал быть единым целым — и теперь его части пожирают друг друга, как пауки в банке.

Иоганну стало страшно.

— Но разве такое возможно?

Граф задумчиво пожевал тонкими губами.

— В трактатах некоторых ученых говорится о местах, где на поверхность выходят различного рода миазмы — обычно они скрыты на большой глубине, но вырываются из недр вследствие сдвига земной коры. Такие места считаются проклятыми и обрастают жутковатыми легендами, чтобы люди держались от них подальше. Возможно, в Малкиной пещере лет триста назад и произошла некая трагедия, но истинная причина здесь в тех самых вредных миазмах — ведь поручик провел в пещере почти сутки...

— Значит, они погубили и двух беглецов, которые взяли господина Изместьева в заложники?

— Никаких сомнений. Между прочим, подобные места притягивают атмосферное электричество, так что появление огненного шара над обрывом отнюдь не вызывает удивления.

— Не понял.

Граф удивленно поднял стрельчатую бровь.

— А вам не говорили в университете, что молнии, в том числе шарообразные, суть атмосферные разряды, собираемые вместе воздушными потоками? Да вы невежда, дорогой мой.

Иоганн сдержанно кашлянул.

— Честно говоря, я думаю сейчас об ином, учитель. Среди беглецов был мальчик. Почему миазмы не тронули его, хотя убили двух взрослых мужчин?

Некоторое время граф пребывал в раздумье. Затем покаянно произнес:

— Я был неправ, сударь, простите. Вы гений, а я, старый маразматик, совсем забыл о мальчишке. Капитана сюда, срочно! — крикнул он, высунувшись из-за ширмы.

Изместьев-старший появился тут же, будто не уходил все эти дни. Произнес с заиканием:

— Есть новости, ваше сиятельство?

— Где сейчас третий беглец, как же его, — граф щелкнул пальцами, — Иван Глуздырев, правильно?

— В бараке, — слегка удивленно ответил капитан, — вместе с папашей...

— Приведите немедля. И, пожалуй, не сюда — в мою лабораторию.

Лаборатория их сиятельства. Под низким сводчатым потолком четверо: сам Брюс, Иоганн Дорман и перепуганный до полусмерти Ивашка Глуздырев, которого крепко держит за плечи капитан Изместьев.

— Ну что же ты так трусишь? — ласково спросил Брюс. — Бить я тебя не бью, не мучаю, в рудник не отправляю... Скажи-ка, когда ты был в пещере, недомоганий не чувствовал?

— Ась? — не понял Ивашка, которому вдруг остро захотелось именно в рудник, на самый нижний его уровень.

— У тебя ничего не болело?

Мальчишка икнул.

— Как не болело... Как Федька Рваный меня внутрь толкнул, я лбом вдарился, аж искры из глаз... Ну, и спина — мы ж там скрючившись сидели, хуже, чем в забое...

— Понятно, — Яков Вилимович вздохнул. — Ложись-ка вот на эту кровать, дружочек. Мне необходимо тебя обследовать.

— Нет... — Ивашка в ужасе попятился. — Я ведь и не виноват вовсе, меня Федька заставил, а сам бы я ни в жисть... Помилуйте ради Христа, не убивайте!!!

— Да кто ж тебя убивать собирается, — пробормотал граф и легонько коснулся сонной артерии на шее мальчонки — тот мгновенно обмяк, Иоганн с капитаном Изместьевым едва успели подхватить тщедушное тельце. — На кровать его. Руки-ноги привязать, чтобы не взбрыкнул. Иоганн, малый скальпель, таз, тинктуры для исследования крови. И поторопись.

Смена кадра.

Та же лаборатория, но глубокой ночью. Где-то еле слышно поет сверчок, на высокой кровати распластан Ивашка — голый по пояс, с перевязанными запястьями, чтобы не текла кровь. Глаза закрыты, дыхание ровное: мальчишка в глубоком сне. Возле стены на полу, укрытый шинелью, спит капитан Изместьев. На длинном столе несколько колб с разными жидкостями. Раскрытая потрепанная тетрадь, испещренная четким каллиграфическим почерком, рядом тускло теплится масляный светильник.

— Ничего, — пробормотал граф, без сил откидываясь на спинку стула. — Все тинктуры дают одинаковый результат — то есть ровно никакого. Верите ли, Иоганн, впервые я огорчен, видя перед собой абсолютно здорового пациента. У вас самого есть какие-то мысли? Сейчас даже самая нелепая может оказать услугу...

Иоганн с сомнением пожал плечами.

— Ну, разве что одежда... — Иоганн запнулся и покраснел. — Могла ли его защитить какая-то особая одежда?

— Чушь, — отрезал граф. — Против природных миазмов совершенно бессилен даже плотный кожаный плащ, не говоря уж...

Он внезапно нахмурился, поводил под носом у Ивашки пузырек с пахучей жидкостью и предусмотрительно придержал за плечи, когда мальчик очнулся и дернулся от испуга.

— Тихо, тихо, дружочек. Ты в безопасности, тебя никто не тронет... Скажи, в какой одежде ты был в пещере?

— Ась?

— Одежда, — терпеливо повторил Брюс. — Какая на тебе была одежда?

— Так ента же, — растерялся Ивашка. — Кто ж мне другую-то даст?

— И батюшка никогда не дарил тебе ни оберега, ни амулета?

— Не, ваша милость, не дарил. Все больше лупцевал — но я за то не в обиде, чем хотите побожусь!

И неожиданно добавил:

— Вот сестры — те дарили о прошлой весне.

— Что?

— Монахини из обители — тут недалече, верстах в десяти. Одна никак не могла ручей перейти, так я ее на закорках перетащил. Мне-то что, только штаны подвернуть. А она мне — мешочек то ли с землей, то ли с пылью. Я попробовал на язык — горькая, я и выплюнул.

— А где он сейчас? — вкрадчиво спросил граф.

— Федька Рваный отобрал — там, в пещере. Думал, видать, что в нем съестное, лизнул, как я давеча, скривился и мне назад. Только веревку оборвал, мешочек-то у меня на шее висел...

— А в пещере, значит, он был при тебе... — Брюс поразмыслил с минуту, потом решительно подошел к Изместьеву-старшему и потряс за плечо.

Тот вскочил, правая рука по неистребимой воинской привычке метнулась к оружию.

— Вот что, капитан, — проговорил граф. — У вас в гарнизоне есть люди, свободные от службы?

— Так точно...

— Срочно соберите их, возьмите проводника, вот этого мальчишку и обыщите пещеру и местность вокруг.

— Гм... Что конкретно искать?

— Холщовый мешочек, примерно с ладонь. Внутри пыль, песок или земля — но ни в коем случае не выбрасывайте ее. Объявите: тому, кто найдет, — полтина от меня лично.

— Простите за дерзость, ваше сиятельство, — хмуро проговорил Изместьев, — но мои люди устали и промокли. Мой сын при смерти, а тут какая-то безделушка...

Глаза Брюса покрылись ледяной коркой.

— Эта безделушка, капитан, — единственное, что может спасти жизнь Никите. Поэтому будьте добры, выполняйте приказ.

Время настоящее, кабинет следователя: в отличие от подобных казенных помещений, довольно обжитой, даже с налетом некоторого уюта — по крайней мере, аспарагус на подоконнике поливают и подкармливают регулярно. На тумбочке в углу вполне приличная видеодвойка и электрический чайник с набором чашек. Традиционный телефон на письменном столе, стопка бумаг и компьютерный монитор.

— Свой парашют, — сказала Эльза, — каждый укладывает сам. Перед прыжками их выносят на поле и ставят в линеечку. Так было и во время праздника.

— И только на летном поле ранцы Аглаи Каюровой и вашей внучки могли поменять местами, — безрадостно закончил Николай Николаевич. — Но это не попало ни в один кадр, потому что все снимали *прыжки.* И никого не интересовало, что происходило на земле.

— Кроме Джонни, — понимающе кивнула Эльза. — Он всегда Катю снимает. А в тот раз, перед выступлением «аистят», наверно, случайно заснял нечто опасное для убийцы. Поэтому тот и украл камеру.

— Меня больше интересует другой вопрос, главный, — медленно проговорил Колчин. — Кого убийца намечал себе в жертву: Аглаю или вашу внучку? Напрягитесь, подумайте, кому, черт возьми, Катя перешла дорогу?

— Никому, — слегка опешила Эльза. — Катюша... Она никогда ни с кем не ссорилась. И никому не делала зла!

— Ладно, успокойтесь. Тем более что в поисках мотива мои люди тоже потерпели фиаско. У меня тут мелькнула вовсе запредельная мысль: а может быть, эта акция была направлена не против Кати и не против Аглаи...

— А против кого же?

— Против вас, — спокойно сказал следователь. — Мне не дает покоя один факт, Эльза Германовна: убийство произошло именно в тот день, когда вы появились на аэродроме. Конечно, легче всего списать это на совпадение, но…

Эльза медленно покачала головой.

— Нет. Это невозможно. Они все…

— Что? — с нажимом спросил следователь. — Что «они все»?

— Мертвы, — с трудом отозвалась она. — Уже много лет.

Политехнический институт, один из учебных корпусов. Сразу видно, что здесь правят бал точные науки: над входом эмблема из циркуля, карандаша и линейки на фоне россыпи формул. Хотя вряд ли в эпоху интеллектуальных графических редакторов кому-то придет в голову пользоваться циркулем. Говорливые стайки студентов с конспектами, степенные преподаватели, длинноволосые, точно хиппи, ассистенты: обеденный перерыв, можно выйти на улицу и подышать воздухом.

Серега Лаперуз остановил машину — вполне приличный черный опель — прямо перед крыльцом учебного корпуса, в полуметре от Ирины. И специально взвизгнул тормозами в надежде, что та если не отшатнется, то хоть бровью поведет.

Ирина, однако, не шелохнулась. С пассажирского места показалась пухленькая Светочка — в легкомысленной для ее комплекции бледно-розовой футболке с эмблемой скандальной амстердамской гей-группы «Deus lo volt». Она привстала на цыпочки, демонстративно чмокнула Серегу в щеку и прощебетала:

— Я побежала, Сержик. Через полчаса консультация, а мне еще в буфет надо заскочить. Вообще-то я пообедала, но опять жрать хочется. Я, когда волнуюсь, жру и жру, удержу нет.

— Ну, ну. Дуй в свой буфет, а то похудеешь, не дай Господь.

Светочка умудренно улыбнулась:

— Мужчина — не собака, на кости не бросается…

Лаперуз белозубо улыбнулся и покровительственно обнял Ирину за талию:

— Ладно, не ревнуй. Подумаешь, покатал зайку на машинке. Пусть порадуется.

Ирина вздохнула.

— Ох, доиграешься, Сержик, порвут бабы твою тельняшку на сувениры… — и задумчиво добавила, глядя вслед подруге по команде: — Слушай, как по-твоему: могла она испортить Катькин парашют?

Лаперуз озадаченно воззрился на собеседницу.

— Светка?! Чем же ей Катька насолила?

— Не Катька. Аглая. Аглая ведь всерьез собиралась выпереть ее из команды. Не тянет наша Светочка на профессионала — и дело даже не в комплекции, просто класс у нее не тот.

— Нормальный класс, — возразил Лаперуз. И обернулся, заслышав стрекот Джонниного мотороллера.

Мотороллер затормозил поодаль и деликатно ссадил Катю с заднего сиденья: почудилось даже, будто он преклонил колени, точно выдрессированный верблюд, спускающий на землю особу царских кровей.

— Привет, — сказала Катя. — О чем разговор?

— Привет, — отозвалась Ирина. — Я тут говорю, что покойная Аглая собиралась Светку заменить на более перспективного кадра, а Лаперуз не верит. Лаперуз, ты челюсть-то подбери, мои ноги Катькиных не хуже, честное слово…

— Почему не верю? — Лаперуз явно смутился. — Я и сам слышал… Так, краем уха. Я шел в просмотровый зал, зашел в «предбанник», слышу — голоса. Аглая Светку прижала к стенке и говорит — тихо так, чтобы остальные не услышали: мол, гляди, если завтра снова закозлишь, вылетишь из команды белым лебедем.

— А Светка что же?

— Скушала, не подавилась. Только сукой обозвала — когда Аглая отошла подальше.

Ирина с восхищением покачала головой.

— Все-таки одноклеточный ты, Сержик.

— Может, и одноклеточный, — не стал спорить Лаперуз. — Только траву газонокосилкой не стригу.

Сзади подошел Женя Ильченко и тронул Катю за локоть.

— Кать, консультация у Мурзика через пять минут. Он терпеть не может, когда опаздывают. Еще на экзамене припомнит…

— Слушай, ты, — поморщился Лаперуз. — Топай на стоянку, карауль свой драндулет. Нечего людей от разговора отрывать, тебя он все равно не касается.

— А тебя? — спокойно спросил Джонни. — Ты вроде хвастался, что к этой истории никаким боком…

Лаперуз медленно двинулся с места. Кулаки его угрожающе сжались, но Ирина, ненавязчиво просочившись между ними, произнесла светским голосом:

— Сержик, по-моему, у тебя масло потекло. Вон лужица под передними колесами.

Лаперуз беспокойно оглянулся, присел на корточки и с досадой стукнул себе по коленке.

— Что, мать твою, за день сегодня!

Поднялся, достал из кармана телефон и с остервенением потыкал в кнопки.

— Алло. Привет, сестренка. У меня тут проблема образовалась. Течка началась у тачки, масло потекло, а у меня как раз с «бабками» напряг. Не подкинешь? Перестань, что значит «нет пока»? Я же знаю, у тебя денег куры не клюют.

Смена кадра.

Квартира семьи Дорман, кабинет Эдуарда.

Ольга Ивина на том конце устало вздохнула.

— «Куры не клюют»… Я, между прочим, всего-навсего медсестра с соответствующей зарплатой. Сколько нужно-то? А ты на что именно просишь? На масло

или на новую машину? — она закрыла ладонью микрофон и пояснила: «Двоюродный братец. Вместе с твоей Катей прыгает с парашютом. Шалопай, но умеет быть обаятельным, когда ему надо. Из всей родни веревки вьет…» — Ладно, договорились. Только у меня зарплата в начале будущей недели, так что придется подождать. Все, целую, пока…

— Братья — они это умеют, — Эдуард сделал паузу. — А ведь ты вроде тоже занималась прыжками.

Ольга отмахнулась.

— Когда это было…

— И когда же? — он подъехал сбоку и обнял ее за талию. Ненадолго задержавшись в указанном месте, ладонь спустилась на ягодицу.

— Лет пятнадцать назад. У меня даже первый разряд был. Могла бы и до мастера спорта дорасти, если бы не бросила.

— А почему бросила?

— Из-за одного парня, — она отвела взгляд. — Красавчик был, каких мало. Я, дура, как его увидела, сразу влюбилась по уши.

— А он что? — спросил Эдуард с некоторой долей ревности.

— Он? Просто, как говорится, воспользовался моментом. Уединились с ним однажды летом в лесочке возле аэродрома. Потом, когда он от меня отлепился, я говорю, вроде как в шутку: как дальше будем существовать? Собираешься наши отношения узаконивать или так, поматросил и бросил? Он посмеялся. «Завтра же, — говорит, — и узаконим. На утренней тренировке меняемся парашютами. Ты прыгаешь с моим, я — с твоим». — «Зачем?» — «А ты не знаешь? Такой обычай, вроде обручения. После этого будешь официально считаться моей невестой».

— И что?

— Разбился, — Ольга помедлила. — Как раз в то утро. Порвался вытяжной фал, купол не успел полностью раскрыться… Такая вот история. Ладно, ложись. Сейчас буду массаж делать.

— Стало быть, повезло, — буркнул Эдуард, чувствуя, как маленькие сильные Ольгины ладони поднимают на нем рубашку. — Кабы не ваше дурацкое «обручение»…

— Ну да, — она помолчала. — Через два дня меня вызвал следователь. Спрашивал что-то насчет вытяжного фала: якобы есть подозрение, что он лопнул не сам по себе.

— И что, нашли злоумышленника?

— Нет, — Ольга неспешно принялась за массаж. — Но ходить на аэродром я перестала. По всему выходит, что убить-то хотели меня.

Смена кадра.

Политехнический институт, стоянка перед корпусом.

— Хотела спросить, — напомнила о себе Ирина Сырникова. — Я тут с неделю назад видела у тебя презабавную штуку. Тонкую прозрачную нитку, похожую на леску, ты ее на палец наматывал.

— Прозрачную? — Лаперуз пожал плечами. — Может, леска и была? Я иногда на нашей речке со спиннингом балуюсь…

— Ага, вон и мозоль сбоку на пальце, — понимающе кивнула Ирина. — Как раз от спиннинга… Вообще-то мой батя, пока не спился, тоже по выходным на рыбалку срывался — от нас с матерью отдохнуть. Не помню, как насчет рыбы, но удочки у нас дома всегда были. Так что леску от не-лески я как-нибудь отличу.

— Ну, не знаю, — Лаперуз снова придирчиво осмотрел масляную лужицу, словно в надежде, что та вдруг исчезнет. — Черт возьми, неужели коробка передач треснула? А мозоль, кстати, от слесарного станка. У Палыча своя мастерская, я туда иногда захожу деталь к крепежу выточить или еще какую-нибудь ерунду. Люблю, чтобы все было под контролем.

Кабинет следователя.

В кабинете двое: Колчин и старший оперативной группы по фамилии Елизаров — в возрасте, но еще крепкий, способный дать фору большинству двадцатилетних недорослей, сутками просиживающих за компьютерными «стрелялками».

— Нет, не леска, — сказал Елизаров. — И не струна от гитары.

— А что? — спросил Колчин, не отрываясь от экрана.

— Эксперт говорит: хирургическая нить. Вот, Николаич, я отметил карандашом… Синтетический шовный материал. Применяется в хирургии и травматологии. Да оторвись ты наконец! Мы эту чертову хронику раз пятьдесят глядели, что нового ты надеешься увидеть?

— Понятия не имею, — Колчин нажал кнопку на пульте, и кадр застыл. — Девочки собрались в кружок. Протягивают руки к центру — это у них традиция… Беда в том, что если это сделал кто-то из них, то остальные трое должны были это заметить. Но… Понимаешь, я с ними беседовал по несколько раз. Если бы они путались в показаниях… Или, наоборот, повторяли бы их слово в слово, не сбиваясь… Но ведь нет. Либо они говорят правду, либо они гениальные актеры. И тогда…

— Что тогда?

— *Тогда они убили ее все.* Все вчетвером.

Квартира семьи Дорман. Поздний вечер, в гостиной стоит полумрак, лишь рекламные неоновые отблески проникают сквозь занавески. Тишина, дверь в кабинет Эдуарда чуть приоткрыта, и оттуда в коридор выползает узкая полоска света, словно приглашая войти.

Именно так, потихоньку, избегая скрипящих половиц, Эльза и поступила, отворив дверь пошире и проскользнув внутрь. Почему нужно непременно красться в собственной квартире — она и сама не могла себе ответить.

Эдуарда в комнате не оказалось. На столе, посреди рабочего беспорядка, гордо высилось чучело волка. Впрочем, нет. Этот волк отнюдь не выглядел чуче-

лом. Он был настоящим лесным великаном, вожаком стаи, предметом вожделения всех окрестных волчиц — каждая из них, надо думать, много бы отдала за право заиметь от него потомство…

Эльза подошла. Протянула руку и провела ладонью под волчьим брюхом, словно погладила. И тут же обнаружила то, что искала: тонкий, мастерски выполненный шов, тянущийся от передних лап к задним, вдоль срединной линии.

— Ты что делаешь?

Она обернулась. Эдуард в инвалидном кресле перекатился через порог и остановился напротив нее.

— Откуда у тебя эти нитки? — спросила Эльза.

— Ольга принесла.

— Зачем?

— Волка сшить, черт возьми.

— А что, обычные швейные нитки не годятся?

— Годятся, — с великим терпением пояснил Эдуард. — Просто хирургические прочнее, и шов получается незаметнее. К чему этот допрос с пристрастием?

Эльза тихонечко опустилась на краешек дивана.

— Следователь говорил: такие нитки использовал убийца, чтобы испортить Катин парашют.

— Да ну, — Эдик раздраженно отмахнулся. — Пусть сначала докажут, что вот эти — он кивнул на волчье чучело — идентичные тем, которые оказались в парашюте. На, держи, — он протянул ей маленький продолговатый сверток. — У меня еще осталась упаковка. Отнеси завтра следователю, попроси проверить…

— Да, ты прав, — Эльза взяла сверток в руки, подержала — и положила обратно на стол.

— Ты что? — спросил Эдуард.

Она покачала головой.

— Эдик… *А если они и впрямь окажутся одинаковыми?* Вспомни, сколько было упаковок?

— Четыре, — Эдуард просыпал на себя изрядную порцию опилок и чертыхнулся. — Две я истратил на волка, одна — вот лежит… Четвертую не могу найти. Кто мог ее взять?!

— Я, — спокойно произнесла Катя, неслышно появившись в дверях. — Я ведь первая в списке подозреваемых. А что? Кому бы пришло в голову перетянуть шпильку? Тому, кто разбирается в парашютах. И мертвая Аглая приходила ко мне ночью, мертвецы к невиновным людям не приходят, черт возьми!!!

— Ну вот что, — процедил Эдуард. — На аэродром больше ни ногой. Хватит, допрыгалась.

— Да как вы не понимаете? — выкрикнула Катя. — Если я не пойду — это же… ну, как признание вины! Это все равно, что согласиться, будто все это правда — все, что шепчут за нашими спинами!

— А что шепчут?

— *Что мы убили Аглаю все вчетвером.*

Катя резко развернулась и вышла в коридор. Эльза двинулась следом. Щелкнула выключателем бра и обнаружила свою внучку сидящей на полу, прислонившись спиной к стенке.

— Папа прав, — тихо сказала Эльза. — Тебе лучше сейчас пореже выходить из дома. Пока все не уляжется. Пока Николай Николаевич не найдет убийцу.

— Он не найдет, — ровным голосом отозвалась Катя. — Он такой же, как все: уверен, что Аглая умерла. А она жива, — внучка протянула Эльзе мобильный телефон. — Это ее номер. Она прислала мне сообщение.

Эльза взяла протянутый мобильник, попутно испугавшись, что не разберется в кнопках. Однако разбираться не пришлось: достаточно было взглянуть на экран. Сообщение было коротким и походило на тупоголовые рекламки, периодически рассылаемые мобильными операторами.

«Зайди на Аист.ru»

— Что такое это «ру…»?

— Наш сайт в Интернете.

— Подожди, — строго сказала Эльза (безумию — стоп!). — Но ведь кто угодно мог воспользоваться ее телефоном. Украсть, к примеру…

Внучка не ответила. Эльза с усилием разлепила губы и произнесла:

— Есть только один способ проверить. Сделать то, что от тебя хотят: зайти на сайт.

Комната Кати. Включена настольная лампа, в ее свете — две напряженные спины, склоненные над экраном. Экран показывает зрительские трибуны. Флаги, бездонная небесная синева, навевающая ласковую мысль о суициде, — все это Эльза уже видела в кабинете следователя. Четыре раскрытых купола вместо пяти — пятая точка летит к земле, удар, сладострастный ужас на лицах, случайно попавших в кадр, бегущие спины — фантазии доморощенных операторов весьма ограничены, лишь точки съемки немного разнятся.

— А это новая, — пробормотала внучка, двигая курсор. — Позавчера ее не было.

Четыре девушки: сама Катя, Ира Сырникова, пухленькая Светочка Аникеева, восточная красавица Аля Морозова — держатся за руки, встав в кружок. Чуть поодаль трется Серега Лаперуз, только что отпрыгавший свою программу. Вот кружок растягивается в линеечку и замирает: подходит Аглая, придирчиво разглядывает воспитанниц. Те надевают парашюты. Синхронно поворачиваются направо и делают шаг к вертолету.

— Это снимал Женя Ильченко, — вдруг сказала Эльза.

— Что? — внучка, не врубившись, растерянно посмотрела на бабушку.

— Я уже видела это, — пояснила та. — Не запись — вживую. На аэродроме, во время праздника. Женя стоял рядом, чуть позади меня. Мы наблюдали за вами с одной и той же точки… Катюша, ты что?

— Не может быть, — проговорила внучка с непонятной интонацией.

— Ты о чем?

— Вон человек слева от вертолета. Его *нет,* понимаешь? Мы просто его выдумали. И делали вид, что боялись, но ведь это не всерьез…

— Кого выдумали, милая?

— Его, — Катя ткнула пальцем в монитор. — Разбившегося Парашютиста.

Черно-белая запись, при попытке реставрации целые куски пришлось удалить, из-за этого движения фигур на экране получаются дерганые, будто у марионеток, да и скорость оставляет желать лучшего: местами она заедает и почти останавливается, местами, наоборот, срывается в конский галоп. Титры на экране: «Разведшкола в окрестностях Двинской губы, декабрь 1943 г.».

Кабинет Нины Зарубиной. За столом вместо хозяйки — молодой капитан, что-то сосредоточенно пишет на листе в картонной папке. Второй, старше и плотнее, с квадратной фигурой, рассеянно дымит в открытую форточку. Когда Эльза входит, он оборачивается, и она узнает подполковника Лежаву.

Лежава. Ну, здравствуй, Умная. Не ожидала встречи? Только сразу предупреждаю: тебя видели в половине первого ночи возле комендатуры. Как ты там оказалась?

Эльза. Никак. Просто вышла проветриться. Почти все наши выходили — кто покурить, кто просто воздухом подышать…

Лежава. Ты на всех не кивай. В каких отношениях находилась с покойной Зарубиной?

Крупным планом — фотографии на столе: дверца открытого сейфа, ножка стула, смазанное пятно крови на углу столешницы, труп Нины на полу — она лежит ничком, неловко подвернув под себя руку.

Эльза (стараясь не смотреть на снимки). В нормальных… Ну, мы все ее немножко побаивались.

Лежава. Она предлагала тебе стать ее осведомительницей?

Эльза. Не поняла.

Лежава. Ну, ведь ей нужен был свой человек в вашей среде. Чтобы знать настроение курсанток. Не ведет ли кто-нибудь антисоветских разговоров, не замышляет ли побег… Ты отказалась. Слово за слово, вы сцепились, ты ее толкнула, она упала и ударилась виском об угол стола…

Эльза. Сцепились? На ней даже гимнастерка не помята. Судя по фотографии…

Капитан за столом (не отрываясь от протокола). Правы вы были, товарищ подполковник, глазастая девка.

Лежава. Что за медальон Зарубина отобрала у тебя при обыске? Отвечать живо!

Эльза (стараясь сохранить спокойствие). Пластина на цепочке, в форме чаши. И надпись на латыни…

Лежава. Ты знаешь латынь?

Эльза. Нет. Папа мне однажды перевел: «Верни чашу Пантелеймону…»

Лежава (резко). Ну вот что, Умная. Хватит с меня сказочек. Твой медальон — единственное, что исчезло из кабинета после убийства хозяйки, остальное все на местах. И, исходя из этого, ты — основная подозреваемая. Торопить с признанием я тебя не буду, до утра посидишь под замком, поразмыслишь… Конвойный! Отведи эту в карцер. Утром придет машина, отправим в Архангельск, в спецотдел СМЕРШа.

Смена кадра.

Морозная луна в узком зарешеченном окне под самым потолком. На прутьях голубоватый иней, в углу крошечной камеры — заиндевевшее ведро с коркой льда и охапка соломы, накрытая ватником. Заснуть в таком холоде нереально, Эльза и не пытается. Когда дрожь в теле донимает окончательно, она принимается делать гимнастику. Пятьдесят приседаний, пятьдесят отжиманий от пола, пятьдесят ударов ногой. Затем все повторяется.

Лязгает входная дверь, в камеру, пригнув голову, входит подполковник Лежава. Некоторое время равнодушно наблюдает за заключенной — та из чистого упрямства продолжает отжиматься.

Лежава (достает из-за пазухи темно-коричневую кожаную папку и щелкает замочком). Как устанешь, посиди почитай.

Эльза поднимается, подходит к собеседнику, берет протянутые документы. Я уже не под подозрением?

Лежава. Старшину своего благодари. Кабы его не угораздило уединиться с одной санитарочкой в медчасти, аккурат напротив комендатуры… Они видели из окошка тебя и Нину. Ты ушла в казарму, а следом, через пару минут, Зарубина вернулась в свой кабинет. Перед этим постояла на крыльце, выкурила сигарету (мы подобрали окурок).

Эльза. Так, может, и не было никакого убийства? Выпила лишнего (я пустой стакан заметила на фотографии), потеряла равновесие, налетела на стол…

Лежава. Их учат пить спиртное и не пьянеть. И об угол стола она не ударялась: он острый, а вмятина на виске Зарубиной имеет закругленные края. Ты бумаги-то посмотри, я специально тебе принес.

Эльза послушно пробегает глазами текст.

Голос за кадром, на фоне еле различимой морзянки:

«Радиограммы, перехват от 06.11.43, 23 часа 44 мин., время московское. Источник не установлен. Текст расшифровки.

Центр — Эстонцу. От надежного источника получены сведения, что интересующий нас объект был арестован органами НКВД и вскоре будет этапирован на север, на одну из «дач» в район Двинской губы... В связи с этим приказываем: войти в контакт с объектом и подготовить благоприятные условия для его захвата и переправки в рейх... Активизировать внедренного в руководство «дачи» агента Акустик и в дальнейшем действовать в тандеме с ним. Пароль к нему...»

«Объект: Дорман Эльза Германовна, 1927 г. р., из обрусевших немцев. Приметы: рост выше среднего, худощавая, кость широкая, плечи прямые, фигура спортивная. Волосы темно-каштановые, глаза карие, широко расставленные. Скулы ярко выраженные, нос тонкий, с небольшой горбинкой. Особые приметы отсутствуют...»

«Эстонец — Центру. Приказ принят, приступаю к выполнению. Считаю своим долгом сообщить, что агент Акустик кажется мне неблагонадежным. Подозреваю, что он либо перевербован советскими органами безопасности, либо действует по собственному почину во вред операции. Прошу указаний».

«Центр — Эстонцу. Ни в коем случае не посвящать Акустика в детали предстоящей акции. Используйте его в качестве своего прикрытия. В завершающей стадии ликвидируйте, сымитировав гибель при нападении десанта».

Лежава (с усмешкой). Поздравляю, Умная. Тобой заинтересовалась немецкая разведка.

Эльза (после продолжительной паузы). Почему?

Лежава. Не знаю. Здесь несомненно есть связь: убийство Зарубиной, пропажа медальона, тот факт, что он раньше принадлежал твоему отцу, интерес немцев к его исследованиям в спецклинике...

Эльза. Я ничего не знаю о его исследованиях.

Лежава. Видимо, они полагают иначе.

Эльза. И что я должна буду делать?

Лежава. Что и раньше. Вернешься в казарму, продолжишь учебу. Что касается лейтенанта Зарубиной — то она, будучи в состоянии алкогольного опьянения, потеряла равновесие, упала и ударилась об угол стола. Мгновенная смерть, несчастный случай. Немцы собираются похитить тебя — что ж, пусть попытаются.

Эльза. То есть вы хотите сделать из меня живца?

Лежава. Именно. И не дай тебе бог, Умная, оказаться *плохим* живцом.

Смена кадра.

Казарма, курсантки заняты кто чем. Верочка-Ластик сноровисто пришивает воротничок к гимнастерке: видно, сказывается практика обращения с ниткой и

иголкой, приобретенная в детдоме. Замечает Эльзу в дверях и порывисто бросается ей навстречу. Уменыш… Мы уж и не чаяли тебя увидеть.

Эльза вяло подходит к своему месту на нарах и без сил опускает голову на подушку.

Ромашка (тревожно). Тебя били?

Оса. Кончай приставать к человеку. Лучше пожрать принесите.

Еда мигом нашлась, припрятанная с новогоднего пиршества. На колени Эльзе ставят миску с картошкой и кладут ломоть хлеба. Все деликатно отходят, возле Эльзы остается только Верочка-Ластик.

Верочка. Тебе ведь все известно, да?

Эльза. Что именно?

Верочка. Что я беременна.

Эльза. И… сколько уже?

Верочка. Три месяца. Скоро живот не спрячешь. Знаешь, раньше я изо всех сил рвалась на фронт. Представляла себе, как буду воевать — ходить в разведку, взрывать мосты, снимать часовых… И наши в конце концов поймут, что я не враг, что мне можно доверять…

Эльза. А теперь?

Верочка. Теперь я хочу одного: выжить и родить. Сволочь я, да?

Эльза (обнимает подругу). Ты дура. Не надо было майору открываться. Он ведь и вправду может устроить несчастный случай. Или кое-что похуже.

Ромашка (свешивая голову с верхних нар). О чем разговор?

Эльза. Ни о чем. Ложись спать.

Полночь. Девушки спят на грубо сколоченных нарах, по окошку с интервалом в несколько минут пробегает луч прожектора, но к нему тут привыкли и не замечают. Дежурная в нарушение устава дремлет возле нагретой «буржуйки», сидя на табуретке и спрятав ладони в рукава ватника.

Внезапно тишина разрывается воплем сирены. Вспыхивает лампочка над дверью, резко звучит команда «Подъем!». Курсантки заученно спрыгивают с нар, быстро натягивают одежду и гурьбой выбегают на плац — там уже стоят руководители школы и охрана. Девушки, дрожа от холода, строятся в шеренгу и вопросительно переглядываются друг с другом, но никто не знает, какой еще сюрприз приготовила им ночь. В одном мысли у курсанток схожи: вряд ли этот сюрприз будет приятным.

Перед строем появляются старший майор Дьяченко и подполковник Лежава.

Дьяченко. Поздравляю, девочки, ваше обучение подошло к концу. Это задание можно приравнять к выпускному экзамену. Вам надлежит десантироваться в заданные квадраты — свой для каждой группы, скрытым маршем подойти к реке возле села Белая Грива и взорвать железнодорожный мост. Мост охраняется усиленной армейской ротой, в полукилометре стоит моторизированная часть, которая в случае чего может быстро подойти на помощь охране. Вопросы?

Голос из строя. Гражданин старший майор, охрана — это…

Подполковник Лежава (отвечает за Дьяченко). «Куклы». Их предупредили, что на мост возможно нападение. В случае успешного отражения атаки им обещана амнистия. Так что церемониться они не станут: и вам, и им разрешены любые действия — кроме, понятно, стрельбы боевыми патронами. Это все. Командуйте, майор.

Борт старенького транспортника. Подозрительно неровно гудят моторы, в тон им завывает ветер снаружи, и отчетливо гремят заклепки: непонятно, почему самолет никак не развалится в воздухе или его не обнаружат акустические установки, наверняка натыканные вдоль реки. Эльза и Верочка сидят рядом, Верочка нащупывает руку подруги и пожимает ее.

Над овальной дверцей мигает лампочка. Дьяченко первым поднимается со скамьи: «Внимание, пошли!» Курсантки вереницей подходят к люку, замирают на секунду — и исчезают во тьме, в колючем ледяном вихре.

Оса. Нитка. Ромашка. Ластик.

Эльза прыгает следом. Отсчитывает положенное время и дергает за кольцо на груди. Высматривает своих подруг чуть ниже — три таких же купола на фоне чернильного леса. Внезапно глаза ее расширяются от страха, она судорожно крутит головой по сторонам, пытаясь унять стук крови в висках.

Три купола. Почему три, я ведь прыгала пятой?!

Где четвертый, мать твою?!

Смена кадра.

Заснеженный лес, темень, сугробы едва ли не по грудь взрослому человеку. Эльза с трудом прорывается сквозь них и выбирается на поляну: там под деревьями мигает фонарик, обозначая место сбора. Видит подруг в белых маскхалатах и охрипше выдыхает: «Кто?!»

Оса. Ластик. Ластика нигде нет.

На поляну выходит майор Дьяченко.

Эльза. Гражданин майор, нужно организовать поиски.

Дьяченко (невозмутимо поправляет амуницию). Отставить. У нас задание: заложить заряд под мост. Невыполнение приравнивается к саботажу, вы это знаете не хуже меня.

Эльза (в нешуточной ярости). Какой мост?! Ластик пропала! Я из этого леса под расстрелом не выйду, пока хотя бы тело не обнаружится! *(Тихо добавляет.)* Или вам невыгодно ее искать? Нет человека — нет проблемы, да?

И видит направленный на нее пистолет.

Смена кадра.

Замерзшее речное русло, снежные берега в сухом камыше. Шагах в тридцати на высоких опорах чернеют контуры моста, по обеим его сторонам вышки с охраной, колючая проволока и крупнокалиберный пулемет на дрезине. Луч

прожектора медленно ползет по льду и на секунду спотыкается о распластанную на нем человеческую фигуру в белом маскхалате. Эльза лежит неподвижно, ткнувшись носом в шершавый наст. В нескольких шагах справа и слева в таких же позах — Нитка и Лисичка. Вторая тройка с Осой во главе подбираются к мосту с противоположной стороны.

Эльза подползает к опоре — вблизи та оказывается бугристой и ржавой. Нитка стягивает со спины вещмешок и достает взрывчатку. Шепчет: «Все». Оса возле второй опоры поднимает вверх большой палец. Пора уходить.

Хруст раздается неожиданно и громко — точно винтовочный выстрел. Оса проваливается под лед. Один из охранников на мосту, услышав шум, перевешивается через перила и что-то предостерегающе кричит. Прожектор выхватывает девушку из темноты, воет сирена, Эльза стремглав несется к полынье. Падает у кромки, успевает схватить уходящий под воду белый капюшон и изо всех сил тянет на поверхность. Страшным усилием вытаскивает подругу на лед и сама на несколько секунд замирает рядом, приходя в себя.

Оса (едва шевеля губами). Провалили задание, да?

Эльза. Нашла о чем думать. Давай-ка к лесу, я их отвлеку.

Поднимается и бежит к берегу — почти по прямой, почти не пригибаясь. Ее подруги устремляются следом, отстреливаясь на ходу. Внезапно одна из них падает, затем вторая, и Эльза с удивлением видит, как из слежавшегося наста вырываются ледяные фонтанчики. Кто-то стреляет боевыми.

Девушки поднимают головы: сверху на реку медленно и бесшумно опускаются парашюты, похожие на диковинные снежинки-переростки. Кто-то ахает: «Немцы!!!»

Смена кадра.

Берег, стена сухого камыша. Эльза на последнем дыхании проламывается сквозь него и падает за ствол почерневшей осины. Из своего укрытия видит курсанток на льду реки. Те мечутся под пулями, падают, орошая снег кровью, яростно огрызаются из автоматов, но это бессильная ярость: в отличие от противников, у них холостые патроны. Эльза стискивает в зубах варежку, чтобы не закричать. На глазах слезы: она ничем не может помочь. Она вскакивает, но чья-то рука грубо прижимает ее загривок к земле.

Майор Дьяченко. Куда собралась?

Эльза (растерянно). Откуда здесь немцы?

Дьяченко. Вот и я хотел спросить. А ну, бегом в лес! Попробуешь отстать — пристрелю.

Проваливаясь по пояс, они стремятся к поляне, к месту сбора групп — Эльза немо молится, чтобы застать там хоть кого-то.

Слева и справа, за деревьями, слышна немецкая речь. Их обходят, чтобы взять в клещи. Дьяченко коротко и зло отстреливается. Оборачивается и выкрикивает спутнице в лицо:

— Это ты? Ты навела десант?

Эльза (отшатываясь). Вы что?!

Снова очередь. Дьяченко вдруг дергается, и Эльза видит кровь на его комбинезоне.

Кровь на грязно-белой материи кажется неприлично яркой. Она покидает тело майора неровными толчками, будто радуясь, что ее выпустили на свободу.

Дьяченко. Уходи. Еще сможешь спастись, если к оврагу... Пока не окружили... Я их отвлеку.

Кадр наплывом: новогодняя ночь, елка в казарме. Вальс и рука майора, сжимающая ладонь Эльзы. Предательский румянец на щеках девушки: она полжизни отдала бы, чтобы скрыть его. Однако тот, напротив, проступает еще сильнее.

Эльза забирает у майора автомат. Прикрывает Дьяченко собственным телом и ждет, когда на поляну выйдут враги. Патронов в диске почти не осталось, но если подпустить поближе...

Тем более ждать уже недолго.

Внезапно стрельба становится интенсивнее и раздается уже с двух сторон. Эльза легко различает «мосинские» винтовки и автоматы ППШ. Слышны крики «ура!», немцы мечутся среди деревьев, устремляются к опушке, но оттуда, стреляя на ходу, бегут люди в ватниках и шапках-ушанках.

Эльза (сквозь ком в горле). Наши...

Старшина Федотыч (появляясь на поляне, точно волшебный рыцарь). Умная! Живая, мать-перемать!

Наклоняется к майору Дьяченко, прикладывает ухо к груди («Жив, слава богу»), машет рукой двум бойцам-санитарам. Поясняет мимоходом: «Моторизированная часть, которая должна была подоспеть на помощь охране моста, помнишь? Вот и подоспела».

Эльза. Из наших кто-нибудь уцелел?

Старшина (помогая девушке встать). Уцелел — кто сообразил за тобой в лес рвануть. Не все, правда. Потом сама посмотришь.

Эльза (после паузы). Федотыч... Ластика нужно найти. Обязательно.

Тот же лес, но при свете дня. Узкий проселок, у обочины стоит штабная «эмка». Дверца со стороны пассажира открыта, на сиденье подполковник Лежава. Возле «эмки», снаружи, Эльза, нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Поиски Ластика продолжаются уже полдня, но результатов пока никаких.

С опушки раздаются крики. Кто-то машет рукой. Эльза живо снимается с места и спешит на зов. Видит подруг — те уже сгрудились возле сугроба под ублюдочной кривобокой сосной.

Оса (дышит на озябшие ладони). Кровь. И дальше тоже. Все снегом припорошило, я чуть мимо не прошла. И снег примят — будто кто-то тело в чащу волок. *(Оборачивается к Лисичке.)* Беги за подполковником. Мы с Умной дальше пойдем по следу.

Особого мастерства не требуется: след читается легко, несмотря на некоторые попытки его замаскировать. Бурые пятна кто-то пытался забросать снегом, но то ли сил не хватило, то ли времени. Еще через несколько шагов девушки обнаруживают обрывок маскхалата, зацепившийся за куст. Затем натыкаются на парашютный ранец. Вряд ли немцы бросили его как приманку, устроив засаду неподалеку, но Эльза с Осой еще добрых три минуты стоят неподвижно на полусогнутых, настороженно оглядываясь вокруг. Потом Эльза опускается на корточки и с трудом расстегивает заиндевевший клапан. Сзади подходит подполковник Лежава.

Лежава (скрипучим голосом). Похоже, ты была права, Умная. Посмотри-ка вокруг, может, еще следы отыщутся.

Эльза. Гражданин подполковник, нужно продолжать поиски. Если тела нет, если Веру унесли, значит, унесли живую. Ну зачем *им* волочь через тайгу труп?

Лежава. Продолжать искать-то можно, только вряд ли найдем.

Эльза. Почему?

Лежава. А ты пораскинь умишком. Кто всеми силами втирался к тебе в доверие? Кому ты рассказывала о своем медальоне? Кто знал, что Зарубина положила его в свой сейф? И, наконец, кто бесследно исчез прямо перед нападением немецкого десанта? А парашютный ранец, кровь на снегу — просто инсценировка. Агент сделал свое дело — и ушел к своим.

Эльза (упрямо). Этого не может быть. Вера не была немецким агентом.

Лежава (спокойно). Почему ты так уверена? Потому что она сказала тебе, будто беременна от майора Дьяченко?

На тропу, пошатываясь от усталости, выходит Оса. Ничего нет. След обрывается.

Лежава. Потому что след ложный. Развели вас, как детсадовских детишек. Ладно, возвращаемся.

Оса. А парашют? Забрать с собой?

Полковник. Естественно. Не здесь же бросать.

Эльза в последний раз заглядывает под клапан обнаруженного ранца. Парашют и не мог раскрыться: шпилька — деталь вытяжного механизма — была туго перетянута чем-то похожим на тонкую прозрачную леску.

Архангельский острог, поздняя осень 1725 г.

Поздний рассвет, плохо различимые людские фигуры бродят в тумане, как в молоке, и изредка перекликаются меж собой. Лошади, как и давеча, идти сюда отказались — пришлось оставить на тропе, привязав к деревьям. Возле

склона сопки трое: граф Брюс, Иоганн Дорман и капитан Изместьев с привычной изогнутой трубкой в зубах — моросит набивший оскомину дождь, и в трубке вместо табака плещется крохотное озерцо.

— Вот, ваше сиятельство, — устало произнес Семен Новгородцев, поднявшись по скользкому склону. — Нашли пропажу.

Граф с проворством хищной птицы схватил добычу. Мешочек пролежал в глубокой луже несколько дней, ткань начала расползаться, но содержимое — сомнительного вида лепешка из грязи — осталось в неприкосновенности.

— Молодец урядник, — с чувством произнес Брюс, снял с пояса кожаный кошель и вытащил серебряную полтину. — Держи, честно заслужил.

— Благодарствую, — Новгородцев принял подарок и кашлянул. — Только мы всем обществом решили: кто бы из нас ни отличился — деньги семье покойного Матвейчука отослать. Тяжко им без кормильца-то.

— Это тот, что Никиту первым кинулся спасать, да на нож напоролся? — их сиятельство достали из кошелька вторую денежку. — Возьми. Им, поди, мало одной будет.

Комок грязи из мешочка, казалось, не мог привлечь ничем необычным. Однако граф сосредоточенно растер его в пальцах, и Иоганн увидел пять или шесть крохотных белесых кристалликов — точно жиринки в краковской колбасе.

— Вот он, Пелагеин камень, — произнес Брюс. — Всего несколько крупинок, однако мертвая шаманка обломала об него зубы... Доставьте это в лабораторию, приготовьте к исследованию. И еще. Скольких крыс вы привезли?

— Восемь. Четырех «раттус норвегикус», то есть обыкновенных серых, и четырех альбиносов, чтобы удобнее было отличить.

Их сиятельство чуть покривили губами.

— Мне-то уж латынь могли и не переводить... Одной норвегикус, средней по размеру, введите экстракт холерной слюны, вторую выберите покрупнее и заразите коровьей чумой, из расчета пол-унции на фунт жировой плотности... Эту вторую отсадить в отдельный вольер, под особое наблюдение. Нынче же начинайте вести дневник: изменение веса, температуры, поведенческие реакции, состояние волосяных покровов... Впрочем, я только обижу вас, коли примусь учить.

— А... вы, ваше сиятельство? — осторожно поинтересовался Иоганн. — Что намереваетесь делать вы?

— Нанесу визит сестрам в обитель, — коротко отозвались их сиятельство. — Вернусь, думаю, завтра к полудню.

Их сиятельство вернулись не завтра к полудню, а послезавтра, незадолго до полуночи. Усталые и рассеянные, едва переступив порог, скинули в угол промокший плащ и треуголку, походя распорядились: «Горячую воду, мыло, по-

лотенце, светильник» — и прошли за натянутую занавеску, к самому главному на сегодняшний день пациенту. Состояние Никиты ощутимо ухудшилось: кожа на груди, шее и щеках покрылась струпьями, стала серой, поручик сильно похудел и лишился едва ли не половины волос на голове.

— Он приходил в себя? — спросил граф.

— Всего несколько раз и очень ненадолго. Обычно же мечется в жару (мы с капитаном Изместьевым либо с урядником обтираем его влажными полотенцами), то прячется от мертвой шаманки, то зовет какую-то горничную Марину или Марию, убеждает ее не травить себя, обещает жениться…

— Да, — протянул Брюс. — У каждого в шкафу скрыт свой скелет… Нужно взять кровь на анализ. Возьмите на столе чистую пробирку.

— А волосы-то почему выпадают?

— Пока не знаю. Я несколько раз наблюдал подобное у святых старцев, которые отшельниками селились в заброшенных медных и оловянных рудниках. У них тоже выпадали волосы, кожа покрывалась язвами и очень скоро приходила телесная немочь. Однако они сами стремились к этому: поскорее встретиться с Богом там, на небесах… А поручик молод и полон сил. Нет, Иоганн, за его жизнь я еще поборюсь… У нас есть что-нибудь съестное? С утра маковой росинки во рту не было.

Иоганн принес ужин: блюдо с подстреленной куропаткой, зелень, голландский сыр, спаржу, до которой, он знал, граф был большой охотник, пузатую бутылочку «Шато-икем» и сел за стол напротив, ожидая новостей. Граф, однако, не произнес ни слова, прежде чем не опустошил тарелку и не разлил вино на два бокала.

— Интересное вышло рандеву, — наконец произнес он, вытирая губы салфеткой. — Сестры были сама доброжелательность — меня охотно пригласили в обитель, поселили в специальную гостиницу для посетителей, позволили помолиться в храме, даже удостоили (правда, после некоторых проволочек) визита к настоятельнице, матушке Пелагее…

— Пелагее? — удивился Иоганн. — Пелагеин камень, обитель святой Пелагеи, и настоятельницу тоже зовут Пелагеей? Любопытное совпадение.

— В миру она носит другое имя. А Пелагея, как я понял, у них вроде духовного звания, — граф вытащил из-за пазухи невеликий мешочек из плотной ткани и положил на стол. — Здесь примерно четверть унции. Хватит для приготовления снадобья, хотя для полновесного исследования… — он покачал головой. — Ладно, давайте навестим наших rattus norvegicus. Концентрация бактерий у обеих такая, что болезнь должна уже проявиться…

Смена кадра.

Крохотный закуток в соседней с лабораторией комнате (граф потребовал ее, дабы исключить контакт пациента с подопытными крысами), где на столе расположен сеточный вольер с животными. В большом вольере — здоровые

особи, в двух маленьких — две зараженные. Вид у обеих плачевный: они ничего не едят и почти не пьют, у одной, что покрупнее, из пасти непрерывно течет слюна. Тельце покрыто язвами: у Иоганна возникает совершенно непрофессиональная мысль, что крыс нарочно делают подопытными, чтобы не было жалко — их длинные хищные морды с жесткими усами, глаза навыкате, выдающиеся вперед неровные зубы… Даже лягушки в их сухих чешуйчатых кожицах, которых он препарировал на кафедре в Амстердаме, вызывали у него больше симпатии.

— Пошел процесс, — удовлетворенно протянул граф, без всякого смущения ухватив рукой в перчатке одну из rattikus за хвост. — Это та, что с коровьей чумой? С завтрашнего утра начинайте вводить ей экстракт Пелагеиного камня. Вторую держите на обычной для ее заболевания сыворотке. И — дневник, Иоганн, дневник!!! Упустите малейшую деталь — шкуру спущу!

Два дня спустя. Закуток с уже знакомым вольером: оба ученых в расстегнутых сюртуках, оба до крайности возбуждены. Оба влюбленно разглядывают крысу, которой перед тем ввели смертельную дозу коровьей чумы — даже порция бактерий в четыре раза меньше, угодившая в кровь, способна обречь несчастное животное на смерть, традиционная сыворотка лишь на несколько часов продлит мучение…

— Невероятно, учитель, — пробормотал Иоганн. — Если бы я сам сначала не заразил ее, а потом не ввел экстракт — я бы заподозрил мошенничество. Послушайте, ведь это открытие века! Настоящий переворот во врачебной науке! Все академические издания Европы будут рукоплескать великому русскому ученому!

— Ну, не скромничайте. На вашу долю тоже достанется столько медных труб, что ваша Лаура…

— Откуда вам известно про Лауру?

— Я не шпионю, не думайте. Просто в ваших ночных бормотаниях это наиболее часто встречающееся имя… Между прочим, когда будете переписывать в тетрадь этот рецепт, обратите внимание вот на эти два ингредиента… Что скажете?

— Их раньше не было…

— Все верно, это мое собственное усовершенствование, оказавшееся довольно удачным. Я преподнес его в дар монахиням… Точнее, не совсем в дар — в обмен на несколько крупинок камня. И на разрешение устроить пару тайников на территории монастыря.

— Не понял, учитель, — нахмурился Иоганн. — О каких тайниках речь?

— А вы что, думаете, я доверю запасы минерала, записи с формулами, журналы наблюдений стенам каторжного острога? — спокойно спросил Брюс.

— Но разве наша лаборатория не надежное хранилище?

Граф скупо рассмеялся.

— Наша лаборатория, дорогой Иоганн, это очень большой соблазн. Впрочем, самое необходимое — то, что должно быть всегда под рукой, будет храниться здесь, в моем несгораемом ящике. Вы принесли его?

— Да.

— Хорошо. Вот этот журнал с наблюдениями за rattus и мешочек, что я принес от сестер, — под замок. Еще, самое главное: о ящике, кроме нас двоих, никто не должен знать. Понятно?

Иоганн икнул.

— Понятно… А как же господин капитан?

— Он — особенно, — веско проговорил Брюс. — И давайте наконец отпразднуем победу. Где мой любимый «Шато-икем»?

Однако, едва они вошли в лабораторию, Брюс сделал предостерегающий жест рукой. И застыл, нехорошо побледнев лицом.

— Что с вами? — удивился Иоганн. — Я ничего не слышу. Ни малейшего шороха.

— Вот именно, — деревянными губами произнес граф. — Ничего…

Рывком откинул занавеску у постели Никиты, приник к груди поручика…

— Он не дышит, Иоганн. Дыхание остановилось! Живо за капитаном!!!

Время настоящее.

Частная клиника, в которой регулярно — ранней весной и слякотным холодным предзимьем — проходит лечение Эдуард. На фасаде нежно-зеленым неоном светится вывеска: «Лайф-медиа». Шикарный — даже по европейским меркам — холл и ресепшен, нигде ни соринки, огромный плоский телевизор на стене крутит ролик с рекламой услуг, предоставляемых клиникой. Все устроено на самую широкую ногу. Застекленный лифт возносит Эльзу на восьмой этаж, в отделение неврологии. Она подходит к дежурному посту и спрашивает Ольгу Ивину. Медсестричка заученно улыбается: «Присядьте на диван, она сейчас освободится». Эльза послушно садится, берет со стеклянного столика дамский журнал в яркой обложке, пробегает глазами новости высокой моды (ну ничего ж себе) и ненадолго останавливается на рекламе затычек для ушей. На последнем абзаце ее окликают.

— Здравствуйте, Оленька, — сказала она и подняла голову.

Ольга Ивина — стройная и строгая, в шуршащем накрахмаленном халатике и с волосами, стянутыми на затылке в тяжелый пучок, присела рядом на краешек дивана.

— Что случилось? Что-то с Эдиком?

— С ним все в порядке, — успокаивающе отозвалась Эльза. — Просто нужно поговорить.

— Хорошо. Только у меня мало времени…

— Ничего, я вас надолго не задержу. Дело в том, что приблизительно пятнадцать лет назад на нашем аэродроме разбился молодой парень, парашютист. Эдик сказал мне, что вы были с ним знакомы, верно?

— А что вы хотите от меня?

— Знаете, — тихо сказала Эльза, — это ведь из-за меня Эдик прикован к коляске. Я показывала его разным врачам, но они только руками разводили. И только с вашим появлением я увидела, что к Эдику снова вернулась надежда. Поэтому я очень не хочу, чтобы с вами произошло что-нибудь плохое.

— Плохое? И что же мне грозит? Или кто? Ваш Разбившийся Парашютист?

— Это правда, что у следствия была версия покушения?

— Была. Но не подтвердилась. Да зачем вам вся эта история?

— Потому что она, кажется, получила продолжение. Полтора десятка лет назад вы поменялись со своим парнем парашютами — и он разбился. Неделю назад кто-то испортил парашют моей внучки. Вы знаете, что это такое? — Эльза развернула лежавший на коленях носовой платочек и продемонстрировала то, что было в нем завернуто.

— Да, — спокойно ответила Ольга. — Хирургическая нить. Эдик использует для чучел.

— Такой нитью была перетянута шпилька вытяжного устройства в Катином парашюте. А это уже на случайность не спишешь.

Ольга нахмурилась. Эльза умоляюще коснулась ее запястья.

— Пожалуйста, расскажите мне все. Как вы надеетесь вылечить Эдика. Что вам известно о Пелагеином камне. Что означает надпись на латыни: «Верни чашу Пантелеймону...» Она была выгравирована на моем медальоне — его украли, давно, еще во время войны... И как вся эта чертовщина связана с легендой о Разбившемся Парашютисте... Кстати, как его звали, этого вашего парня?

— Владик. Владик Изместьев. Он утверждал, будто это очень древняя дворянская фамилия. А по-моему, самая обыкновенная.

— Вы смогли бы его опознать?

— Опознать? — удивилась Ольга. — Каким образом?

— Очень просто. По видеозаписи.

Кабинет следователя. Работающая видеодвойка, перед ней четверо: хозяин кабинета, Ольга Ивина, Эльза и Джонни — хмурый и какой-то всклокоченный: рокерская курточка — его всепогодный «прикид» — расстегнута, об аккуратной прическе, которую Женя делает в салоне красоты, ничто не напоминает, поскольку юноша в растерянности чешет то лоб, то затылок. Ролик, снятый им на аэродроме, он опознал с первого же кадра.

— Ну да, снимал я, — он недоуменно пожал плечами. — Я и не отрицаю. И это ради него у меня украли камеру?

— Похоже, что так, — легко согласился Колчин. — Вы единственный снимали «аистят» на земле, перед посадкой. А теперь внимание...

Кадр замер: «вертушка» еще на земле, но уже готова взмыть вверх, разбегающиеся кругами волны из травы, и слева, в углу кадра, странно размытая фигура человека в сером мешковатом комбинезоне.

— Узнаете? — спросил следователь у Ольги.

— Вы, простите, для чего меня от работы оторвали? — отозвалась она ледяным тоном. — Розыгрыши устраивать? Владик *разбился*, понятно вам? Я была на похоронах, видела его в гробу, меня допрашивали в прокуратуре — что еще?!

— Смерть гражданина Изместьева ни у кого сомнений не вызывает, — успокаивающе проговорил Колчин. — Я имею в виду другое: насколько, по-вашему, человек в кадре *похож* на него? Фигурой, чертами лица, возможно, позой, в которой стоит?

— Не знаю, — голос Ольги не потеплел ни на градус. — Лица почти не разглядеть...

Джонни, который до этого момента терзал волосы на затылке, внезапно нахмурился. И ткнул пальцем в экран:

— Постойте... Он же не настоящий! Ну точно, он даже тени не отбрасывает!!!

— То есть? — искренне не поняла Эльза.

Колчин улыбнулся.

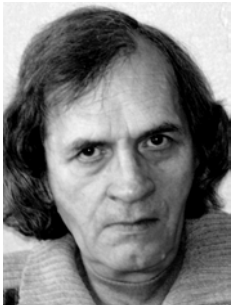
— Браво. Вы наблюдательны, Евгений. В нашей лаборатории обработали запись и обнаружили монтаж. Вашего Разбившегося Парашютиста вставили в кадр уже потом, с помощью обычного любительского фотошопа, — и добавил нейтральным тоном: — А вы ведь, кажется, учились на специальных курсах по монтажу?

— И что? — Джонни обиженно фыркнул. — Теперь будете меня подозревать? Между прочим, курсы, которые я закончил *с отличием,* профессиональные и недешевые, спросите у кого хотите. Так что, если бы я захотел, ни один ваш эксперт не отличил бы... Нет, конечно, отличил — но не сразу.

— Что ж,— медленно проговорил Николай Николаевич, — пока все свободны. Если понадобитесь, вас вызовут. А вы, Эльза Германовна, задержитесь на пару минут.

Конец первой части

(Продолжение следует)



Константин РАССАДИН

БЕРЁЗОВОЕ НЕБО

Стихи

ПТИЦЫ МОЛЧАТЬ НЕ ДОЛЖНЫ
(Баллада)

За тонкой озвученной дверью
Занятия детского хора.
Когда умирают деревья,
То птицы смолкают не скоро.
И в этом великую мудрость
И мы испытали сполна,
А то, что мы пели, зажмурясь, —
Не наша, брательник, вина…
А наша — иная, что, если
Закрыть не успеешь глаза,
Непрошено скатится в песню
Горячей горчинкой слеза.

Мы пели по вторникам — после
Набегов своих матерей,
Которых не помнили вовсе,
Забыть постарались скорей…
По поводу родственных линий
Мы правду имели свою:
Давно матерей схоронили,
Отцов положили в бою…
Поскольку война недалече,
Приют наш сиротский не тих.

Не надо нам души калечить
Воскресным явлением их.

И всё, и не нужно поправок
На этот сомнительный счёт.
Не нужно конфет и баранок —
Нам сладкая ЛОЖЬ не идёт.

Взъерошены и желтороты —
«Птенцы», даже жалко смотреть.
Но время научит кого-то
Почти по-шаляпински петь.
Сопрано сиротского детства —
Детдом в заповедном лесу.
Несу своё певчее сердце,
Под небо России несу.
До самого донышка веря,
Мы пели не зря, пацаны…

Когда умирают деревья,
То птицы молчать не должны.

СУМЕРКИ

Свари-ка, мать, картошечку «в мундире».
На стол, вельможную, ты щедро накати,
Чтоб дух её по городской квартире
Витал, как зримый ангел во плоти.
Полжизни мы такую не едали —
Всё резали да мяли ей бока,
Как будто Русь острожную едва ли
Любили мы, притом издалека…

Нет, мы взахлёб безумства хватанули
И лихолетья судеб под завяз.
И если в русском поле пели пули,
То прямиком они летели в нас.
О, скольких мы оплакивали в голос,
Что кажется, и сами мы мертвы!
Ты в тридцать лет окрасила свой волос
В цвет шалой охры бодренькой вдовы.
А я ходил-бродил по пепелищу,
За тенями убитых семеня…
И не было отрадней в мире пищи —
Картошечки «в мундире» — для меня.

Но, впрочем, дело вовсе не в картошке.
Беда в другом — российский неуют.
Как рыбий жир дистрофикам, по ложке
Нам счастье, как и прежде, выдают.

И чур бы с ним! В полуночном эфире
Там — за окном — распелся соловей.
Давай-ка, мать, картошечку «в мундире»,
И не жалей о жизни, не жалей!
Мою сыновью ублажая прихоть,
Ты платье своё лучшее надень.
Когда ещё отпразднуем так лихо
Исконно русский сумрачный наш день…

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Красный день сентябрьский на палитре —
Поле за Непрядвою-рекой.
И опять пригрезился мне Дмитрий,
Вписанный в скрижали как Донской.
С неба сокол — боевая птица —
Камнем упадёт Руси на грудь.
Значит, снова надо росам биться
За свою поруганную Русь.

С дерзкой думой, в сердце наболевшей,
Я стою у пращурских могил.
Святый отче Сергий Радонежский
И меня на бой благословил.
У коня поводья не ослаблю —
Я в доспехи ратника одет.
Слева от меня монах Ослябя,
А по праву руку Пересвет.

Золотой сентябрь. Число восьмое.
Двадцать первый беспокойный век.
В поднебесном храме — богомолье.
В поле ратник — русский человек.
Не под Тулой Куликово поле
И не под брусчаткою Москвы…
Огляжу российское приволье:
Поле Куликово — это мы.

ГРУСТНОЕ ВРЕМЯ

Время грустное на земле
Разговором с тобой не нарушу.
В опадающей желтизне
Ощущаю пропащую душу.
Я ли это иль кто-то другой?
Дело в том, что зима поманила, —
Колокольчик звенит под дугой,
И ямщик напевает уныло.
Вон по белой равнине возок
Заскользил и пропал в одночасье.
Снег и листья — наискосок
Мимо нас, мимо нашего счастья…

И у нас — не беда, не война,
Лишь предзимнее ощущение.
Так что ставь самоварчик, жена,
И устраивай угощение!
До утра погоняем чаи —
Запропащие души согреем.
И опять ты меня научи
Пережить это грустное время.

БЕРЁЗОВОЕ НЕБО

Всё началось классически — с берёз —
И до банальности почти благополучно,
Как будто бы из пачки папирос
Их извлекли и роздали поштучно.

Курите Русь до дымных облачков —
Нам не прожить без этих милых пятен.
И если ты из Ванек-дурачков,
Отечества дымок и сладок, и приятен…
И вышел покурить я на крыльцо,
Вкусив любви, и молока, и хлеба.
Блаженное с веснушками лицо
Обращено в берёзовое небо.
Я полной грудью воздуха вдохнул
И заскучал… едва ли не заплакал.

Ну, вот и кончился мой жизненный загул!..
Недолго погулял мужик, однако…
Лишь покурил один разок иль два:
Теперь лежать в гробу мне, как в корыте.
И слышатся душевные слова:
«Поэта под берёзу положите!»

Струись дымком, берёзовая Русь,
Живи, цвети над веком моим кратким!
Да, не бессмертны мы, но… пусть
Берёзы сок таким же будет сладким.

Вера ДОРОШИНА

И СОРВУТСЯ СЛОВА…

Стихи

* * *

А помнишь, когда был маленьким, не замечал,
что время сгущается в трещинах ветхих сталинок.
Вниз по перилам. Крики и стук мяча.
Мусорка ждёт своих верных чумазых сталкеров.
Двор открывался на «раз-два-три»
на четыре стороны —
удивляйся, смотри, бери —
набивай по карманам картинки большого города.
Это годы спустя затрещит по швам,
обнажит пружины, клыки, шестерёнки
мир, что был в ощущениях дан —
поиграть и сломать — ребёнку.

* * *

Это где-то внутри механизма гигантских часов
заплутало впотьмах и задумчиво замерло время.
Вот и ты отдохни, прежде чем под его колесо,
прежде чем оставлять неисчерпанной вечную тему.

Это где-то внутри у меня, у тебя, у него
вызревает, как опухоль, и бронзовеет эпоха —
та, что нас перетрёт, измельчит,
превратит в перегной,
та, что выдохнем мы после долгого пьяного вдоха.

* * *

Текла вода.
Шумели жернова.

И прорастала тучная трава
из наших тел, давно осуществлённых.
И никакого страшного суда —
лишь возвращенье в призрачное лоно
природы и её метаморфоз.
Текли года.
Шумели ветви клёнов,
дубов, берёз...

Скрипели жернова.
Сквозь рукава
языческой царевны
сочились мы исконно и издревле.
Куда? Куда?

ЧЕРВИ

Все пустоты заполнены до краёв
иллюзией осмысленной жизни.
Черви на старом кладбище
преисполнены чувством
собственной нужности,
и с неменьшим, замечу, правом,
чем ты или я.
Ведь их вовлечённость
в круговорот веществ,
в обмен телами,
в сансарический этот сон
куда как глубже,
нежели наше кружение
по кольцевой «дом — работа — семья»
или праздное разудалое катание
на грохочущей карусели
в сверкающем огнями парке.
Что им, червям,
лихорадочное стремление
сковырнуть покровы,
заглянуть за грань,
усмотреть лакуны
в пышущем избыточностью мире?
Они делают своё дело
всегда на «отлично»,

ведь их натура —
сама мудрая мать-природа —
безусловно права, твёрдо зная:
подчинение необходимости —
залог слепого и сытого счастья.

ЗЁРНА

На нас глядят глаза из прошлого,
что опечатано, как дом,
обчищенный ворами дошлыми
и предназначенный на слом.

За переплётами разбитыми
его чернеющих глазниц
таятся свёрнутыми свитками
пергаменты минувших лиц.

И мы — лишь смутные прообразы
тех, кто на смену нам придёт,
мы — зёрна, брошенные в борозду,
в безудержный круговорот

времён, пространства и материи.
Меняя роли, имена,
тела, в божественной мистерии
душа играть обречена.

КТО-ТО ВНУТРИ

Кто-то большой и мудрый,
тот, кто всё уже знает,
свернувшись сакральной сутрой,
спит в глубине меня.
Будто бы птичья стая
отдыхает в преддверии дня
перелёта в иные страны.

Кто-то большой и странный
вызревает под бледной кожей,
шевелится и просит света
влить в холодные хляби глаз.

Я ношу его осторожно —
тайный знак, неземную мету, —
лишь бы жил он — и не погас.

* * *

Это как пробираться неспешно
сквозь чужие замшелые сны,
сквозь вельветовый сумрак
чужих ненаглядных видений
под отзывчивый скрип
долго ждавших тебя половиц;
это ржавую дверцу
сердечной тоски отворить,
выпуская пронзительно-синих
томящихся птиц
в одноразовый розовый,
неповторимый рассвет,
улыбаться им вслед —
милый мой, это значит — любить.

ПОСОШОК

Всё будет хорошо.
А. Башлачёв

Улыбался. Грустил. Струился
через края.
Оглянулся и удивился:
а был ли я?

Растворился, растаял, выцвел,
иссяк, исчез,
исчерпал свои маски, лица,
остался без

принадлежности, без привязок.
И что я есть?
Обещанье из детских сказок,
благая весть,

что всё будет, всё будет
всё-таки хорошо.

И согреет нас, и остудит —
на посошок.

* * *

И сорвутся слова с голубиных насестов своих,
полетят за леса, за моря, за высокие горы
сквозь времён зачумлённых и смутных глухие заторы,
споря с диким напором гремящих ветров ледяных,

по пути распадутся, на слоги и звуки дробясь,
разлагаясь на атомы чистого смысла и света, —
их потом собирать, сопрягать мудрецам и поэтам —
восстанавливать времени развеществлённую связь.

И родятся стихи, и прольются сквозь скрежет и вой,
усмиряя в сердцах оголтелого, злобного зверя,
обозначив исход затянувшихся тёмных мистерий…
Это просто слова наконец возвратятся домой.

Марина СТРУКОВА

ЗДРАВСТВУЙ, БАБУШКА!

Рассказы

КУФИН

— Куфин! — Маленькая Лиля тянется к коту. Он всегда является на её крик, если, проснувшись в тёмной спальне, Лиля начинает плакать, звать маму и бабушку. Но мама на работе в редакции «районки», две тёти, мамины сёстры, ушли по делам, а бабушка готовит завтрак на кухне. Зато большой серый кот с замысловатыми полосками слышит всё и сразу. Бежит в спальню, прыгает на кровать девочки и начинает мурлыкать, приминая лапами подушку, словно говоря маленькой хозяйке:

— И чего ты боишься? Мышей я всех переловил, а больше здесь никого, кроме нас.

Лиля тянется к нему, гладит по голове, чешет за ушами и под подбородком. Вместе они выбираются из спальни. Конечно, у кота есть настоящее имя — иностранное. Но как-то заметили, что сидящий в сумерках на пороге кот напоминает кувшин — этакую круглобокую основательную кринку для сметаны.

— Кувшин! — сказала бабушка Нина.

— Куфин! — повторила за ней двухлетняя внучка Лиля, которая пока плохо разговаривает.

Как-то двадцатилетняя Аня — младшая сестра Лилиной мамы — решила разыграть кота и изобразила, что по-детски хнычет. Прибежит ли успокаивать? Куфин окинул великовозрастную шутницу проницательным взглядом, отвернулся и стал выкусывать блоху из своего плюшево-узорчатого бока. А блохи у него, увы, есть. Ведь Куфин — кот вольный, не пленник городской квартиры, мытый шампунями с кондиционером. Бегает, где пожелает: по чужим дворам, сараям, свалкам. Но он и не бродячий, любит свой дом и всегда возвращается.

Старшая дочь Нины Александровны, Маша, называет Куфина «крещёный котик». Для этого есть некое основание. В детстве Куфин

заболел, он падал в судорогах и, наконец, вытянувшись, замирал. Причём тело его деревенело, кот казался мёртвым. Когда в очередной раз котёнка нашли во дворе и стали растирать холодные лапы, чтобы восстановить кровообращение, Маша предложила побрызгать его святой водой, которую хранили в банке под журнальным столом. Надо заметить, что после этого кот выздоровел. В старину был обычай — брызгать на заболевшую скотину святой водой, и вот это удачно испытали на Куфине. «Блажен иже и коты милует» — написал в своём блоге один современный монах из Оптины.

С тех пор Куфин вырос и постепенно внушил уважение всем соседским котам, хотя был довольно миролюбив. Сначала семья жила в селе, потом переехала в посёлок. Новый двор Куфину не очень нравится, поскольку вокруг высокие заборы, а кот уже староват по нескольку раз на дню карабкаться вверх и вниз по столбу вдоль ворот, чтобы выйти или вернуться на улицу. Вот и сейчас он медлит, прежде чем начать очередной обход своих владений, и ненавязчиво мяукает, напоминая о себе хозяйке, и Нина Александровна наливает ему молока, в которое разбивает яйцо. А когда поешь, идти куда-то не очень и тянет.

Умыв мордочку, Куфин укладывается в тени цветов на тёплой земле и дремлет. Во сне его лапы подёргиваются, коту грезится, что он бежит — бежит от соседа Вадика. Случай этот произошёл больше года назад в селе, откуда они переехали. Куфин, обходя свою охотничью территорию, куда он включал почти всю улицу, по-хозяйски забрёл на веранду к Вадику — молодому рыболову-любителю. Там в ведре вяло плескались рыбы и среди них — огромная щука, зубастая речная хищница длиной с самого Куфина, если считать от его оранжеватого носа до кончика полосатого хвоста. В это время Вадик возвращался на веранду с фотоаппаратом. Парень недавно зарегистрировался в «Одноклассниках» и выкладывал фото своих рыбацких трофеев в Интернете. Пойманная сегодня щука казалась размеров солидных, и было чем похвастаться перед друзьями. А в это время Куфин, тоже ощущая себя удачливым и счастливым рыболовом, выволакивал щуку из ведра. Когда она тяжело шлёпнулась на пол, Куфин даже смешался на миг — показалось, что не одолеет такого веса. Но недаром по молодости лет он слышал дома в свой адрес двустишие: «кот узорный, непокорный, и к тому же вор проворный». Куфин впился оставшимися зубами в загривок щуки и поволок её за собой, припадая к земле, как серый волк, утащивший овцу. Когда услышал брань Вадика, бег перешёл в стелющиеся широкие прыжки. Своя ноша не тянет. Куфин рванулся в сад, где дворы его хозяев и Вадика не были разделены изгородью, юркнул в крапиву и исчез под грудой спиленных вишнёвых стволов. Перевёл дух и принялся за еду, сурово косясь на подходящих к нему любопытных цыплят.

В тот вечер Лиля не смогла поднять кота — тугой и тяжёлый, он выскальзывал из рук.

— Ох, застрелю я вашего зверя! — кричал с крыльца Вадик, у него и ружьё имелось…

Но вскоре хозяева с Куфином уехали из села в райцентр. Теперь у них другие соседи.

К вечеру кот просыпается. Потягивается всем полосатым телом, широко зевая. Подходит к куриной поилке, лакает воду и бежит в сад, где свежо и терпко пахнет палой листвой и вишнёвой смолой. Скворец расклёвывает ягоду, цепляясь лапками за тонкую ветку. Заметивший Куфина ёж растопыривает иголки и пыхтит, насупившись. В саду Куфин сталкивается с Элькой — юной чёрной кошечкой. Эльку принесли к ним домой в августе прошлого года крошечным неприглядным котёнком. Чахлое существо оказалось на удивление бойким, лезло повсюду, всё высматривало. В первый же день её шею случайно прищемило закрывающимися воротами, отчаянно замяукавшего зверька высвободили, Элька обморочно прилегла в траве, присмирела, но вскоре пришла в себя. Постепенно чёрная кошечка подросла. Она постоянно играла, носилась по квартире и висла на шторах. Серьёзный Куфин ей компании не составлял, поэтому она от скуки перегрызла все провода, до которых могла дотянуться. Увидев очередной провод, ведущий к телевизору, телефону или иной технике, Элька ложилась возле него, прижимала лапами и яростно точила молодыми зубками. Видимо, ток на неё не действовал. Ночевали Куфин и Элька в коридоре, в корзине с подстилкой.

Когда весной едва подросшая Элька начала требовать кавалера, простодушный Куфин первым пал жертвой чар черномазой «Лолиты», но вскоре был забыт, а вопящая Элька бродила по округе, служа приманкой для окрестных котов, претендующих на её благосклонность. Старик Куфин устал бить и гнать со двора незваных гостей. Наконец Элька, заслужившая от хозяев прозвище блудницы Вавилонской, забеременела и остепенилась. Она родила четырёх котят, которых благополучно раздали соседям.

Деревенский кот — существо свободолюбивое. Дома не усадишь, как городского кастрата, превращённого в игрушку. Бывает, в сильные морозы не выпускаешь из комнат, так он сторожит у двери, мяукает и, наконец уследив, как выходит хозяин, бросается стремглав, едва не сбивая с ног человека, — и вот уже на улице, затрусил по снежку. Позовёшь, глянет насмешливо-понимающе: «Мол, знаю, хочешь запереть, как в тюрьме. Как бы не так!» Он — личность. У него своя жизнь, неведомая хозяевам. Порой уходит на неделю — две, и уж отчаются домашние увидеть любимца в живых, после того как звали-звали его с крыльца и даже искали у соседей — может, заперт в чужом амбаре, — как вдруг является, смотрит загадочно, и узнать нельзя, где пропадал…

Куфин всё дальше углубляется в сад. Кто-то юркнул через тропинку. Это хорёк, бежевый, с тёмной мордочкой, словно в маске. Бросил на Куфина настороженный взгляд. У Куфина при виде хорька возникает ощущение какой-то неправильности хорчиного поведения. Будь Куфин человеком, он сказал бы, что хорёк не в своём уме. В конце соседского огорода сохранилась белёная

саманная стена от некогда стоявшей здесь хаты. Куфин знает, что хорёк ворует яйца по курятникам, потом карабкается на стену и оставляет там добычу. По ночам хорёк забирается в свою необычную кладовку, становится на задние лапы и замирает так, глядя на луну. Куфин понимает, когда собака зарывает кости в углу двора или крыса тащит корку в нору, про запас, чтобы никто не заметил. Но хорёк устроил выставку из украденного, и это вносит смуту в рациональные мысли кота. Как он и ожидал, однажды нелепый склад хорька был обнаружен удивлёнными людьми.

Куфин выбегает из сада на огороды, где кудрявится картофельная ботва, желтеют круглые тыквы, алеют помидоры. Внезапно кот замечает лягушку, он начинает прыгать вокруг, трогает её лапой, но вдруг останавливается и осматривается — не видел ли кто столь несолидного поведения? Справа забор из темных штакетин, кот взбирается на него. Видит выходящую на соседний участок его владелицу Галину Ниловну. Краснощёкая толстуха в пёстром платье сокрушённо всплёскивает руками, увидев кур, старательно роющихся в её аккуратных грядках и терзающих клювами урожай.

— Ах, заразы! Кыш! Пошли отседова!

Хватает комья земли, бросает в пернатых мародёров, те — птицы стрелянные — кидаются через изгородь влёт. Шум, гвалт. Куры эти принадлежат Нине Александровне и почему-то любят приходить на огород Ниловны. Все разбои затевает курица Медведка, кругленькая тёмно-коричневая красавица с наглым характером, она первая протискивается в дыру под забором и вышагивает к чужим грядкам. За ней валят петухи и куры. Сейчас Медведка первой перелетает обратно через забор, звонко кудахча, исчезает в саду.

Куфин, подрагивая ушами, спрыгивает в бурьян. К нему Ниловна относится совершенно иначе, нежели к курам.

— Кыс-кыс, — льстиво приговаривает она, мечтая запереть Куфина в своём амбаре на ловлю крыс, расхищающих непомерные запасы крупы и зерна. Куфин вежливо увиливает от её растопыренных рук и направляется к хозяйственным постройкам. Деловито начинает обход. Под сараями в травянистый накат уходят отверстия нор. Крыс здесь много. Когда-то Куфин мог поймать за ночь несколько, и теперь он также добросовестный охотник. Хозяева у него небогатые, скотины, кроме кур, не держат и мясо ему предлагают редко, в отличие от молока, яиц или размороженной магазинной рыбы. А коту хочется мяса. Но в последнее время у Куфина проблемы с зубами, некоторые выпали от старости, жевать нечем. Вспомнить хотя бы, как вчера он поймал отличную молодую крысу. Принёс на крыльцо, насладился похвалами хозяев, но не сумел отгрызть и кусочка. Пришлось уступить добычу Эльке.

Куфин чувствует, что сегодня ему слишком жарко и мутит, хочется пить, он бредёт домой. Конечно, его состояние сразу замечают — ведь Куфина любят брать на руки.

— Посмотрите, у Куфина жар, — говорит Аня. — Надо показать его ветеринару.

Нина Александровна приносит переноску. Куфин с тревогой наблюдает суету. Вокруг него собрался консилиум. Маленькая Лиля считает, что кот простудился, как она зимой, поэтому надо лечить его мёдом. Нина Александровна боится, что Куфин отравился, поскольку соседи на днях опрыскивали картошку хлорофосом и Куфин мог пройти по их огороду. Аня подозревает чумку. Маша перебирает таблетки. Часто упоминают ветеринара. Мудрый Куфин настораживается. Это слово часто звучало в прошлом году, когда ему делали прививки. Два раза возили в вонючей машине в вонючее здание, где сидели на руках у хозяев жалобно мяукающие кошки, забивались под стулья скулящие собаки. Кто знает, что с ними делали в этом ужасном логове? Куфина всячески успокаивали, но ему было очень страшно. А потом появлялись чужие люди с иглами в руках. У кота нехорошее предчувствие. Когда его хотят усадить в переноску, он вырывается, оцарапав Ане руки, и, из последних сил преодолев забор, исчезает в крапиве. Этот двор заброшен, соседи уехали.

Куфин подходит к сараю. Внизу двери уголок доски выпилен. Так делают специально — чтобы коты могли свободно заходить и ловить мышей и крыс. Куфин ныряет в пахнущие сухим деревом сумерки. Косые пыльные лучи солнца выхватывают из темноты аккуратно сложенные поленья и доски. Кот ложится возле поленницы на покрытый мягкой трухой пол. Отверстие внизу двери закрывает тень — в сарай заглядывает Медведка, подслеповато вглядывается и вопросительно тянет:

— Ко-о?

Куфин видит рядом ямку, где лежат несколько рябоватых яиц, — Медведка решила сесть в наседки, но по своему независимому характеру скрывает это от хозяев. Порой людям невыгодно, если в наседки садятся несколько кур, и яйца из гнезда просто забирают. Медведка чувствует, что коту плохо. Ей не по душе соседство. Но она проходит мимо кота и усаживается в гнездо, распушив перья. Куфин сворачивается в клубок.

Почему-то ему снится, как подрался с хорьком, тот кусает Куфина острыми зубами, царапается. Потом появляются когда-то жившие у них кот и кошка, Куфин позже видел их, сбитых машиной, на обочине, когда парочка возвращалась с поля, где ловила хомяков. Куфин смутно удивляется, что эти кот и кошка живы. Он — чёрный, лоснящийся; она — белая в серых пятнышках, — мяукают, приглашают Куфина за собой. Он делает несколько шагов и видит между стеблями крапивы поляну, освещенную солнцем. По краю поляны лежат и сидят под кустами бузины коты, через поляну по мураве перебегают мыши, и время от времени какой-нибудь кот прыгает на добычу, кто-то из сородичей играет, кто-то лакает молоко, текущее ручьём в русле из белых камней. Куфину всё это почему-то не нравится — слишком уж тут спокойно, словно больше некуда идти. Он пятится и снова оказывается лежащим на древесной трухе в сарае.

Медведка в гнезде дремлет, склонив голову на грудь в шоколадных перышках. Куфин, шатаясь, выходит в соседский двор и жуёт тонкие зеленые травинки, кисло-сладкие, сочные. Потом возвращается в сарай. Медведка окидывает его мрачным взором и, хотя знает, что Куфин опасности не представляет, снова пушит перья. Через некоторое время Куфин снова выходит и ест траву.

Он знает, что его ищут все: где-то в саду заглядывает под лопухи маленькая Лиля, лезет на чердак Аня, Нина Александровна выясняет у соседей, не забегал ли к ним серый полосатый кот, Маша ходит по улице, с опаской глядя на обочину: не лежит ли там Куфин, сбитый машиной?

Утром Куфину становится лучше, он чувствует голод, но сил охотиться пока нет, хотя в поленнице шуршат мыши. Он выходит из сарая, жадно вдыхает свежий воздух, в нём столько ароматов — деревенская улица пахнет дымком, парным молоком, сеном.

Куфин подбегает к высокому забору, с трудом взбирается на столб, к которому крепится дощатая калитка, и оглядывает двор зелёными глазами.

Лиля лезет из зарослей малины, как медвежонок, и вопит:

— Куфин вернулся!

Кот сидит во дворе на дорожке. Лапки вместе, взгляд виноградных глаз внимателен и ласков, шубка узорчатая. Он прекрасен.

ЗДРАВСТВУЙ, БАБУШКА!

— Надо готовиться, — строго произнесла остроносая, с лицом, будто сжатым в кулачок, Зинка Лебеда. И сидящие за столом бабки закивали. Речь шла о лежавшей при смерти соседке Елене Егоровне. Зинка Лебеда — её двоюродная сестра — считала своим долгом организовать родственнице достойные похороны. Старая дева, церковница, она всю жизнь крутилась около смерти — обмывала, читала, отпевала и потом с азартом обсуждала покойников и похороны, приметы, при этом случившиеся, и сны про усопших, по которым можно было судить, куда они угодили — в райский ли сад или в геенну огненную, где червь неумирающий и огонь неугасающий. Шла молва, что у самой Лебеды под кроватью стоит гроб, и как-то забравшийся в дом воришка, узрев хозяйку, в нём лежащую, постыдно бежал. Лебеда точно знала, что, если привидевшийся во сне покойник просит есть, ему необходим помин, если одет в новую одежду, то ему на том свете хорошо, а если в лохмотья, то плохо. Говорили, что каждый правитель, перед тем как преставиться, непременно снился Лебеде и просил у неё блинов, поэтому Лебеда узнавала о переменах в Кремле прежде самих правителей.

Теперь Лебеде казалось важным, чтобы никто не осудил её саму и двоюродную сестру погребли чин по чину. Всем известно, что если покойника хоронят под марш, то его душа поневоле пляшет вприсядку вслед за процессией

— такое видение не раз представлялось прозорливым старцам. Поэтому хоронить подобает под молитвенные песнопения и причитания.

Зинка посовещалась с подружиями из церковного хора — толстой хитроглазой Татьяной Лисевой, кряжистой смуглой Дуней Ромашкиной и тихой белесой Марьей Просвирней, и было решено, что следует заранее попеть и поголосить.

— Репетиция! — уточнила Татьяна Лисева, завклуб на пенсии, и сейчас любившая всяческие мероприятия.

— А не грех ли? Жива ведь ещё Егоровна... — заметила основательная Дуня Ромашкина, ради богоугодного дела оторвавшаяся от своего гигантского огорода.

— А потом поздно будет! — вспылила Лебеда. — Надо, чтоб люди добрые не хаяли нас и новый поп не казнился!

Молодой священник прибыл в село на днях. Его ждала маленькая уютная церквушка и хор, состоящий из старух, что немного смутило матушку, окончившую школу регентов в Троице-Сергиевой лавре и мечтавшую о хрустальных голосах юных учениц. А здесь пели, как бог на душу положит, и мотивы порой напоминали небезызвестные народные — «Когда б имел златые горы» и «Выплывают расписные». Лебеда, много лет руководившая хором, увидела в матушке конкурентку и в грядущих похоронах намеревалась показать в том числе и свои певческие способности.

Дом Лебеды соседствовал с домом её болящей сестры. Елена Егоровна слегла два дня назад и сразу заговорила о смерти: мол, чувствует, что скоро отдаст богу душу. Недаром и соседская собака сутками воет, уставившись на её окна, и часы сломались, и могила покойного мужа просела, словно ждёт второго гроба. И хотя молодой батюшка говорил, что все суеверия — чепуха, Елена Егоровна впала в уныние — уж больно много совпадений. Она пособоровалась, достала из глубины огромного старинного шкафа смертное — новое бельё, платье, тапочки. Попросила Лебеду пока не тревожить сына и невестку, а тем паче внука Мишеньку, но быть начеку. И теперь чистая и благостная лежала на кровати, устремив взор в потолок, но смерть не шла.

Елена Егоровна старалась настроить себя на возвышенный лад. Она совершенно точно знала, что встретится в раю со своими родичами, но в покойном муже уверена не была. И теперь её тревожила мысль: видно ли сверху — из небесных садов — глубины, где мучаются грешники? Она уже несколько раз складывала руки на груди и украдкой косилась по сторонам: нет ли рядом самой Смерти, которая некоторых посещает загодя, в облике высокой женщины? Но ежели о ней никому не рассказать, можно прожить ещё долго, а уж коли сболтнёшь, кончины не миновать.

Стояла гробовая тишина. Вдруг откуда-то из глубины трёхкомнатного дома донеслась приглушённая, но развесёлая мелодия:

Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.
Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распашем землю.
И будем сеять рожь, овёс,
ломая плуги.
Опозорим колхоз, гоп-стоп-дубай,
по всей округе.

Елена Егоровна приподнялась и огляделась. Старушка крайне благочестивая, она ни радио, ни телевизора в избе не держала, считая, что подобная техника — от диавола. И совершенно точно знала, что петь здесь некому. Но если это предвестие смерти, то за её душой точно идут не ангелы. Она представила, как из тёмной норы под домом, припрыгивая на козлиных копытцах, приближается когорта бесов, бренчащих на балалайке, наяривающих на гармошке и насвистывающих на дудке — а какие ещё бесы могут быть на Руси? Её объял страх. Бедная Елена Егоровна вскочила с постели, сунула ноги в тапочки, схватила бадик для опоры и покинула дом. Она спешила к людям. На миру и смерть красна.

В это время в соседнем доме начиналась репетиция её похорон. Старушки уже основательно спелись, умилились, прослезились и Лебеда начала голосить:

— Ох, сестрица родная, на кого ж ты меня спокинула?

— Стоп! — внезапно прервала её Татьяна Лисева. — Не верю!

Личико Лебеды ещё больше сморщилось от огорчения:

— Это почему же?

— Без чувства воешь. Как на зарплате!

Лебеда тяжело вздохнула и едва начала: «Ох, горе-горькое, беда неминучая...», как подруги уже вместе замахали руками:

— Не так!

— Не то!

— Да чего же вам нужно? Или как в сериале?

Тут Лебеда, кстати, вспомнила одну псевдоколхозную эпопею, где молодуха хоронит мужика, убитого бандитами, аккуратно рванула блузку на груди, прижала кулак ко лбу, тоненько взвыла без слов, а потом с надрывом выговорила:

— За что же мне это? Сестрица милая, сколько пережили с тобой — и войну, и голод, а преставилась ты...

— В перестройку! — подсказала Лисева, которая выписывала газету «Советская Россия» и точно знала, кто во всём виноват.

— Какая перестройка? Она закончилась давно. Сейчас стабильность! — поправила заядлая телезрительница Просвирня.

— В стабильность померла, — неуверенно закончила Лебеда. — Не звучит как-то…

В это время Елена Егоровна, которая домой возвращаться боялась, обошла двор и решила проведать сестру. Она побрела к калитке Лебеды, когда слух её был поражён звучащими из открытого окна, завешенного кисейной шторой, воплями и молитвами.

— Неужто преставилась Зинаида? Но ведь только утром навещала меня, — ужаснулась Елена Егоровна. — А мне не сообщили — наверное, решили больную не тревожить.

Она собралась с духом, чтобы войти, но тут услышала разговор — в комнате явно находились несколько человек.

— Зина, а дом-то Елена кому подписала? — спрашивала, судя по голосу, Татьяна Лисева.

— Внуку, — ответила Лебеда. И Елена Егоровна порадовалась, что двоюродная сестра жива.

— Если захочет продать, пусть скажет мне — я дочке куплю, — продолжала Татьяна.

— Он продавать не станет, хочет после армии сюда вернуться. Родители у него в райцентре, а он, вишь, у бабки жить привык. Елена говорит, фермерством займётся. Малый работящий — сейчас отцу помогает скважины на воду бурить по всей области.

Елена Егоровна довольно улыбнулась. Семнадцатилетний внук и правда всем вышел — и хозяйственный, и добрый, и умом Бог не обидел. Когда бы ни приехал, что-нибудь ей дарит. То кофту новую, то сапоги, то шаль. И продукты возит.

А в избе Лебеды тем временем продолжалась беседа.

— У Егоровны много вещей знатных — я помню, — пискнула Просвирня. — Ты шальку её мне не отдашь? Егоровна говорила, что с Москвы внук привёз, узор на ней оченно красивый.

— А вот и отдам! К чему жадовать? — заявила Лебеда.

Елена Егоровна за окном нахмурилась и крепче сжала бадик, служивший её опорой.

— А пальто? — поинтересовалась Лисева.

— А сапоги? — пробасила Ромашкина.

— Я вас не обижу. Всем буду распоряжаться. Внуку-то её тряпки ни к чему. Наверняка дом сторожить попросит, я туда квартирантов пущу или запасы хранить стану. Но что-то мы заговорились. Надо же отпеть Лену честь по чести.

И хор с чувством завёл «Со святыми упокой».

Елена Егоровна, от возмущения ощутившая необыкновенный прилив сил, решительно распахнула дверь, в два шага миновала коридор и вступила в комнату, подняв бадик над головой:

— Живую хоронить вздумали! Ах, бесстыжие! Добро моё делят загодя!

Просвирня аж покатилась с лавки. Ромашкина в страхе крестилась. Лисева схватила со стола тарелку и закрылась ею. Только Лебеда не оробела:

— Так мы же ради тебя стараемся! А что до тряпок — к чему они тебе там-то нужны будут? И дом? Но ты, вижу, на поправку пошла, садись, чайку налью.

— Не стану я твой чаёк пить, — многозначительно произнесла Елена Егоровна и вышла. Дома она включила чайник, достала любимую чашку, положила на блюдце горсть конфет и собралась полдничать. Как вдруг снова глухо, дико зазвучало:

Как получим диплом, гоп-стоп-дубай,
махнём в деревню.
Соберём чуваков, гоп-стоп-дубай,
распашем землю.
И будем сеять рожь, овёс,
ломая плуги.
Опозорим колхоз, гоп-стоп-дубай,
по всей округе.

Но Елена Егоровна уже ничего не боялась. Грозно стуча бадиком, она обошла комнаты, заглянула во все углы и вычислила, что разухабистая песня доносится из шкафа. Хозяйка рывком распахнула дверцу. Третья полка, считая сверху, забитая стопками полотенец. Елена Егоровна перекрестилась и сунула руку в пропахшую нафталином глубину. Под ладонью задрожало что-то холодное, плоское. Она ухватила и вытащила на свет божий штуку со светящимся экранчиком, на котором мигала надпись: «Мишка». Ну, конечно, мобильник! Недаром внук в последний приезд учил её пользоваться телефоном, а она отмахивалась. Значит, оставил сюрприз. Она поднесла к уху аппарат, неуверенно произнесла:

— Алло…

— Бабушка, бабушка, я тебе весь день звоню! Думаю: когда же найдёт мой подарок? Здравствуй, бабушка!

Геннадий ЁМКИН

УЖЕЛИ ПОЗДНО ПЕСНИ ПЕТЬ?

Стихи

В ЛЕСУ ОСЕННЕМ

Приду в осенний тихий лес,
Земной не ведая печали.
Там сосны лапами качают
И тишина плывёт с небес.

Лишь ветер ходит по верхам,
Ладонью лёгкой гладя ели.
В осенний лес, как в Божий храм,
Перекрестясь, открою двери.

Молчат задумчивые ели.
Берёзы тихо листья льют.
И, словно к детской колыбели
Слетая, ангелы поют.

И словно края мирозданья
Душа касается, а там…
Усни, могучее сознанье!
Душа внимает небесам.

* * *

А ты — такая же краса!
В твоё берёзовое платье
Пришёл сегодня зарыдать я,
А небом высушить глаза.

Вернулся я тебя обнять.
Мне чужедальние дороги
Избили душу в кровь и ноги.
К тебе пришёл я помолчать.

К тебе вернулся песни петь
И песни тихие услышать.
Вернулся я, родная, слышишь!
Так дай мне золото и медь

Твоих дубрав. Я всю до капли
Казну развею, словно мот.
Но почему так грустно цапли
Взлетают с призрачных болот?

Ужели поздно песни петь
И позднее аукать счастье,
А это золото и медь —
И есть последнее причастье?

Ну что же, ветви всех берёз
Меня оплачут, слава Богу.
А небо высушит дорогу
И лица, мокрые от слёз...

А ты — такая же краса!

ЖУРАВЛИНОЕ

Татьяне

Над равниною серою, тусклою
Протянулись и тают вдали,
Словно песня протяжная русская,
Мои птицы, мои журавли.

Я не знаю, не знаю, не знаю,
Для чего я им что-то кричу,
Почему вместе с ними рыдаю,
Почему я за ними лечу!

В это небо, холодное, рваное
До того, что и жизни не жаль,
Журавлиное светлое, странное
Прозвучало и кануло вдаль.

Над погостами, избами, липами,
Растворяясь в туманной дали,
Осенив мою родину кликами,
Пролетели мои журавли.

Но, смирившись со всеми потерями
До того, что и жизни не жаль,
Отчего же смотрю я потерянно
На покинутый птицами край?

Оттого ли, что, всё неизбежное
Принимая, покорный судьбе,
Журавлиное светлое, нежное,
Уходя, я оставлю тебе…

НЕ ПЛАЧЬ

О нет, не расколдуешь
сердце ты.
А. Блок

Не плачь. Не расколдуешь ты
Ни звонкой песней, ни молитвой
Мне сердце, что у той черты,
Где всё почти уже забыто.

Где отчий край, где отчий кров
Ещё зовут, ещё родимы,
Но смутный впереди покров
Мне приоткрыт необратимо.

О, там другие времена!
Другие звёзды и объятья!
И там другие стремена
Ушедшие готовят братья.

Не расколдуешь эту высь,
Мне предназначенную свыше!
Не плачь. А спой и помолись.
Я даже там тебя услышу!

И даже там, за той чертой,
Где солнце холодно и мглисто,
Ты будешь мне сиять звездой,
Недосягаемой и близкой.

* * *

Есть между днём и ночью
тихий час…
В. Костров

Есть между днём и ночью тихий час,
Волнующий, торжественный и синий,
Когда размыты грани чётких линий,
Когда по краю дальнему, лучась,

Багровый шар, за тучами скользя,
Погаснет. И луга вздохнут прохладой.
И ангел, словно Божию лампаду,
Зажжёт звезду, покой благословя.

Есть между днём и ночью тихий час,
Когда на синем, бархатном, мерцая,
Горит звезда. Прислушайся, родная!
Ты слышишь? Ангел молится за нас.

ПОЛЁТ

О это бронзовое чудо!
Раскинув ветви над собой,
Куда летело и откуда,
Какою грезило судьбой?

Быть может, всей хвоёй поющей
Обнять хотело облака!
Но человек пришёл. Послушно
Топор взяла его рука.

И птицы в страхе замолчали.
Остановились облака.
А жизнь была ещё в начале —
По каждой жилочке текла.

Она ещё смотрела в небо
Во все зелёные глаза,
Она ещё шептала: «Мне бы...»
Но содрогнулись небеса

От крика бронзового тела,
Когда, последний вздрогнув раз,
Оно к земле, к земле летело,
Не отводя от неба глаз.

Елена ЧЕБАЛИНА

ВЕРЕТЕНО

Стихи

КУХНЯ

А давай посидим вместе
На уютной твоей кухне —
Выпьем грусти граммов двести
Да отчаянно в мечты рухнем.
Нам постелет зима скатерть,
Белизною сверкнув снежной…
Эта кухня для нас — паперть
С остывающей надеждой.
Под окном сторожит вечность,
Прогрызая в душе дыры.
Разливается Путь Млечный
От дверей твоего мира.
И таращат глаза звёзды,
Озирая своё царство.
Мы с тобой навсегда гости
В этом сказочном пространстве.
Запиваем стихи водкой,
Заедаем любовь хлебом.
Обнимает зима робко
Да вплетается в жизнь снегом.
Мы одни на твоей кухне.
Разве что-то ещё нужно?
Даже если весь мир рухнет —
Нас не тронет с тобой стужа.
Сменит лето весну. А осень,
Желтоглазая проныра,
Золотишка на жизнь бросит —
Залатаем в душе дыры.

* * *

Я не знаю, о чём рассказать этой тусклой луне.
Всё равно она будет, всегда ко всему равнодушна,
Отражаться в навеки оставленном мною окне.
Не узнает мой голос, летящий за ветром послушно.

Заблудились в корявых кварталах все наши мечты.
Кто-то дёрнул за нитку, и мы повинуемся снова.
Наши слёзы росою легли на останки листвы
И безжалостно втоптаны в грязь лошадиной подковой.

Зябкой дрожью рассвет пробежал по горячим рукам,
И просыпались ливнем осколки небесного свода…
Кукловод разбросал нас по разным, увы, сундукам.
Только ночью восходит луна — жалкий призрак свободы.

ВЕРЕТЕНО

Веретеном вертела капризная девочка,
пальцем ловя судьбу.
И засыпала навечно
с прощаниями навзрыд.
А я собирала живые цветы и веточки
украсить внутри резьбу,
стёртую о бесчеловечность
и рыхлый, прогнивший быт.
Восторженной детскостью пахли рябые сказки
с коркой, истёртой в пыль,
с ветхих страниц ссыпая
злодейчиков и принцесс.
Окостеневший ум становился вязким,
и задыхалась быль,
плети дождя срывая
с отчаявшихся небес.
……
Проснулась красавица. Её разбудила муха,
сбившаяся с пути.
Девочка засияла,
гостью смахнув со лба.
Веретеном вертела коварнейшая старуха.
Ветер колол в груди.
Всё начинать сначала —
это ли не судьба?

* * *

Когда бы нас было всего лишь двое в кругу времён,
Ты стал бы книжным моим героем, маленький Робинзон.
Кусочки солнца ловил бы в стёклышках на песке
И пересчитывал звёзды, зажатые в кулаке.

Ну а пока, взгромоздясь на шаткий дощатый трон,
Чужие судьбы жуёшь, искатель чужих корон.
И сквозь тебя прорастает старый, тщедушный бес,
Как будто ты на мгновенье умер и в нём воскрес.

А я, незрячая, копила твои секреты,
А мне бы сжечь эту комнату и раскрутить планету,
Да так, чтоб ветер в глаза, и слёзы до одичания,
И ты б, мой ангел, на той стороне земли встречал меня,
Приручал.
Или вовсе б не знал.

А мир, он весь из потрескавшихся зеркал,
Оступился — пропал.
И когда-нибудь будешь отрыт
Так нелеп и безлик, что эпоха тебя простит.
И остывшее солнце, по рыхлой скользнув щеке,
Потеряется в стёклах, рассыпанных на песке.

ОСЕНЬ В ТАРХАНАХ

В Тарханах осень… Робкая листва
Скользит к земле в отчаянье безмолвном.
Рождается иллюзия родства
С пугающим величием холодным.
Сереет гладь остывшего пруда,
Глотая провисающее небо.

Укрыт поэт свинцовым «никогда»,
Его дорога ускользает в небыль.

В Тарханах осень… Ветер, проходя,
Роняет стон печального поэта.
И струи одинокого дождя
Как воплощенье слёз Елизаветы.

Обрывки строк, обрывки тишины —
Безлюдный мир застыл в оцепененье,
И скорбью небеса искажены,
И душит обречённостью мгновенье.

В Тарханах осень… Череда эпох
Проносится размашисто и грубо.
Но кажется, что отдыхает Бог
В густой тени поверженного дуба.

ПРЯТОЧКИ

А знаешь, на старых деревьях живут пряточки!
Их даже можно потрогать — снимай перчаточки!
Их даже можно увидеть — смотри внимательней
Туда, где солнце на ветви падает по касательной.

Они в листву незаметно с лучами прячутся
И о древесных секретах весь день судачат там.
Их шепоток разносится в мир шуршанием —
И ведь не раз их слышал своими ушами ты.

И ведь не раз ты с ними в душе беседовал,
Но оставались они для тебя неведомы.
И, заразившись вдруг озорным ребячеством,
Ты исчезал в крылатых мирах бродячества.

На землю ступила осень шагами лёгкими,
Вдруг ветер хлестнул по ветвям тугою плёткою —
Тотчас сорвались с ветвей золотые платьица,
И пряточкам стало негде до лета прятаться.

Давай по листве босыми пройдём пяточками
И крикнем, взмахнув руками: «Привет, пряточки!»
Быть может, тогда улыбнутся дубы грозные,
И мы наконец поймём, для чего созданы.

ДОМ

Нарисовала дом, где ты и я,
Где ласковый уют целует плечи,
Дом на краю земного бытия,
Где шум прибоя наши души лечит.

Нарисовала дом, где наша жизнь
Играет с ветром, там, под облаками,
И сердце обнимает мягкий бриз,
Целует руки влажными губами.

Нарисовала дом… Карандашом.
Ах, если б кисти, краски дал ты мне бы…
Но дом готов. Просторный и большой,
Он почему-то закрывает небо.

ОСЕНЬ

Одноногий фонарь, сутулясь, щурится,
вглядываясь в коридор улицы.
Хмурится осень.
Дождём
шелестит по крышам.
И мы не слышим.
Не ждём
прихода её.
Засижен
двор
одиночеством оставшихся на зиму птиц,
нелепо привыкших к своей ненужности,
суженности границ
жизни
и скверной, земной простуженности…
А солнце всё чаще падает ниц,
уступая дорогу сумеркам.
В нашем узеньком
мире забытых имён и лиц
на россыпи жёлтых измятых страниц,
брошенных ветром под ноги,
осень ставит автограф
росчерком Бога.
Холодными пальцами гладит дороги,
стекает дождём с ресниц
сумасшедших поэтов,
дрожащих, до душ раздетых,
оторванных от запретов,
восторженно-изумлённых,
стирающих ступни оземь

и так ненасытно влюблённых
в желтушную эту осень.

* * *

Подойди к изголовью кровати
И к подушке притронься рукой.
Начинаю уже забывать я
Этот жест, безыскусно простой.
Мне приснится холодная вечность,
Мир вокруг — незнакомый, пустой.
Пусть не сможет никто уберечь нас,
Ты хоть миг в изголовье постой.
Жадно ночь раскрывает объятья,
Увлекая в капкан темноты…
Подойди к изголовью кровати,
Чтоб я знала, что сон — это ты.

* * *

Хриплый голос простуженных улиц
Прерывал беспорядочный сон.
Господа на перинах тянулись,
Мы вдыхали рассвет за окном.

Господа облачались в костюмы,
Стервенея, рычали авто…
Город матовый, город угрюмый…
Нас метро низводило в ничто.

Господа по церквям рассыпались
Выкупать разрешенье грешить.
Мы к станкам изможднно склонялись —
Наизнанку карманы души.

Господа смаковали паштеты,
Мы хватали просроченный хлеб.
И зловеще звенели монеты
По котомкам разграбленных лет.

Полыхали кровавые звёзды,
Бесновалась фашистская рать…
Господа загибались от дозы.
Мы за Родину шли воевать.

Арсений АЛЕКСЕЕВ

В КРУЖЕВЕ ЛИСТОПАДА

Стихи

* * *

Все короче и ветреней дни,
Все длиннее и сумрачней ночи.
Словно в сговоре чёрном они,
Словно в лапах тяжёлой немочи.

У деревьев — не легче беда:
Их листва не желтеет, а тухнет.
Небо давит собой города
И грозится на голову рухнуть.

Боже праведный, если теперь,
В благодатно звенящую пору,
Осень, словно отравленный зверь,
Умирать отправляется в нору,

Если вытекли бельма дождя,
Если холод зеркалит озёра,
Что же будет неделю спустя,
Что же будет так страшно и скоро?

Бог не слышит.
За серою мглой
Ему ангелы лживо доносят,
Что стоит над счастливой землёй
Желтобровая тёплая осень.

* * *

Я жду тебя, золотая,
Моя неземная грусть.

Разлуками дни латаю,
За руки теней берусь.
Молчанием чищу душу,
А прочее что — не в счёт.
И вечные клятвы рушу,
И с дёгтем мешаю мед.

Мне осень наколдовала
Затворничество.
И вот
Сентябрь — как блеск металла,
Октябрь — как эшафот.

Я выйду — обычный смертный,
В рубахе до самых пят.
И чистым осенним ветром
Мне голову отделят.

СОНЕТ

А. О.

Дай бог великим — знать почёт.
Слепым — как выглядит планета.
Дай бог пчеле душистый мёд
Собрать с цветов холодным летом.

Воздастся сирым и немым.
И трижды спросится с гордыни.
Гримаса боли — вечный грим
И присно и вовек и ныне.

Позволь, Владыка, быть живым!
И, если путь неодолим,
Я знаю — ты раздвинешь море.

И, босиком пройдя по дну,
Я имя чьё-то помяну,
Чуть слышно вымолвив: «Amori…»[1]

[1] Любимая — итал.

* * *

Понедельник — пустой и зыбкий,
Без надежды и без отчаянья.
Отраженье чужой улыбки,
Перехваченное случайно.

Целый город теней и пыли,
Неразборчивый рокот улиц.
Я один.
И меня забыли
Или, может быть, обманули?

Потеряюсь в чужих аллеях
И забуду, в каком кармане
Ключ от дома, где пожалеют,
Ключ от дома, где лучше станет.

Но наградой за все ошибки
Будет встреча.
И даже тайна —
Отраженье чужой улыбки,
Перехваченное случайно.

* * *

В двадцать третьем столетье, зимой,
В декабре (этот месяц мне нужен),
Я опять повстречаюсь с тобой
Среди хаоса, мрака и стужи.

Мы изменимся…
Вытерпев свет,
Через призму восстаний и мора,
Отыграем комедию лет
Неизвестного нам режиссёра.
Верь — не будет оваций и слов,
Не появятся дети с цветами.
И в смятении, в страхе — любовь,
Словно призрак, мелькнёт между нами.

Так случится.
Дождаться — пустяк.
Пусть течёт золочёное время.

Мы столкнемся на звёздных путях,
Только будем не те и не с теми…

* * *

Выцветает небо к сентябрю,
Устаёт природа от контрастов.
Осень пропоёт календарю
Желтолице-праздничное «здравствуй».

Этот миг навек благословен,
Окрещён летящей паутиной.
Видишь, поднимается с колен
Солнце, согревающее спины?

Тихо жить.
Писать по вечерам.
Покупать цветы на остановках.
Понимать, что прошлое — игра.
Видеть, что грядущее — уловка.

И бродить по городу немым,
Про себя рассказывая лето.
В октябре туманы словно дым
И на тень похожие рассветы.

И ни строчки!
Вздохи о любви.
Петь — пою,
Но музыки не слышу.
Осень, я прошу: благослови
Всех, кто ждёт, волнуется и дышит,

Верить в дождь, читая наизусть
Предсказанья, сказанные всуе.
Хочешь, позолоченную грусть
На свинцовом небе нарисую?

И в конце, когда отговорю,
На излете всяких ожиданий,
Осень пропоёт календарю,
Улыбаясь втайне, «до свиданья».

Елена РОДИНА

УРОКИ ТАМАРЫ МЕЛЬНИКОВОЙ

«Если меня попросят назвать человека, более увлеченного своим делом, всесторонне его изучившего и совершившего для него больше, я надолго задумаюсь. Если меня попросят назвать человека, глубже знающего и тоньше чувствующего поэта, во славу которого он живет и трудится, я с уверенностью скажу, что это невозможно. Если же меня попросят назвать человека, который при сочетании всех этих качеств являет собой не менторствующего мэтра, не замкнувшегося в делах насущных сухаря, а самую живую и обаятельную представительницу русского музейного сообщества, — я без сомнений укажу на Тамару Михайловну Мельникову!»

Так элегантно и компетентно отозвался о хранительнице Лермонтовских «Тархан» А.М. Шолохов, директор Государственного музея-заповедника. И с ним согласились все коллеги-музейщики. Кому, как не им, знать, с каким титаническим объемом работы справилась эта сильная духом женщина, прежде чем музей-заповедник стал местом, в котором «и верится, и плачется, и так легко, легко», который по праву будут представлять «жемчужиной» и «визитной карточкой» Пензенской области.

Правда, сама Тамара Михайловна радуется другим отзывам о «Тарханах», подобных тому, что оставил историк, публицист, специалист по творчеству М.Ю. Лермонтова Мигель Паласио:

«В России есть немало мест, где хранится память о Михаиле Юрьевиче. В некоторых из них можно увидеть не меньше реликвий, чем в «Тарханах». Но отважусь утверждать, что нигде присутствие Лермонтова не чувствуется настолько явственно, как в имении в Пензенской губернии. Ни в каком другом музее жизненная история этого удивительного и загадочного поэта не вырисовывается так четко и реально».

Ее трудовой стаж в музее — 47 лет, и для целого поколения людей, интересующихся русской культурой, «Тарханы» и его директор давно уже предстают в неразрывном единстве, благодатно определяющем наше отношение не только к Государственному Лермонтовскому музею-заповеднику, но и, самое главное, к Лермонтову. Благодарные ценители его творчества не случайно стали называть Тамару Михайловну «береги-ней». Пожалуй, нет больше в нашем российском пространстве другого такого талантливого, грамотного и неутомимого пропагандиста жизни и творчества великого поэта, кто бы так неустанно и всесторонне берег о нем память. Сколько уже лет своими выступлениями на радио и телевидении она «влюбляет» соотечественников в его стихи, «благоуханную» прозу и в его родную усадьбу! И многие из тех, кому посчастливилось ее слушать, читать ее статьи, встречаться на экскурсиях или просто беседовать, навсегда становились друзьями Лермонтовских «Тархан», нашими «ревнителями и печальниками», заступниками и помощниками.

Выступление на Лермонтовском празднике поэзии. 80-е гг.

Как-то один из них сравнил Мельникову с «нитью времени, через которую проходит мощная энергетика во благо России». Именно во благо: привлекая внимание к Лермонтову, его жизни и творчеству, она активно участвует в нравственном и патриотическом воспитании, потому что Лермонтов для нас — достойный пример того, как нужно служить Отечеству, относиться к родному языку и истории.

Пишу от имени тех сотрудников музея, для кого работа с Тамарой Михайловной стала знаковой в судьбе, тех, кто в День России, 12 июня этого года, с гордостью следил за торжественной церемонией вручения Государственных

премий в Георгиевском зале Кремля и со слезами на глазах искренне радовался, когда она заслуженно получала самую высокую награду своей жизни.

Мы очень хорошо знаем цену этого успеха, знаем, каким тернистым был ее путь и скольких жизненных сил стоило сохранение «Тархан».

Так сложилась судьба. Родилась на Украине, но выросла и навсегда осталась в Пензенской области. Ей и года не было, когда началась война. Отец — пограничник Михаил Мельников — погиб в первый месяц войны, не успев проститься с семьей. Жена его чуть ли не на коленях упросит шофера заехать за тремя детьми перед срочной эвакуацией. Вскоре на глазах матери немецкая бомба убьет сына, от болезни умрет дочка. Выживет только маленькая Тамара.

О том, почему из большой семьи осталось только двое, она, немного повзрослев, узнала уже в пензенской Бессоновке, где они с мамой и прижились. Любви и нежности Софьи Семеновны младшей дочери хватило на всю жизнь. «Я только поэтому не теряю оптимизма: запасы маминой любви помогают», — призналась однажды Тамара Михайловна.

Окончив школу, поступила на историко-филологический факультет Пензенского педагогического института, хотя был выбор — могла учиться пению и связать жизнь с музыкой.

С увлечением работала в школе, выпустила класс. Связи со своими учениками никогда не теряла. В этом году они все вместе приготовили любимой учительнице сюрприз — приехали на юбилей выпуска к ней в музей. Общих воспоминаний, рассказов и смеха хватило на целый день.

Первый раз Тамара Михайловна приехала в «Тарханы» посетительницей: на романтическое свидание в усадьбу ее привез будущий муж. Они тогда так загулялись, что опоздали на поезд. Похоже, это и был знак судьбы.

В конце 70-х годов прошлого столетия музей вступал в новую стадию развития и нуждался в грамотных специалистах. Директор подбирал команду единомышленников и пригласил на работу художника с женой-филологом. Тамара и Геннадий, согласившись на переезд из города в село, и не думали, что останутся здесь навсегда, а их активная творческая деятельность составит в истории заповедника целую эпоху.

Их первым тарханским годом стал 1968-й. В памяти будущего директора он оставил смешанные чувства. Много лет спустя вспоминала о нем так: «…все навалилось сразу: осмотр экспозиций, территории, фондов, а главное, надо было готовить экскурсию, приближался экскурсионный сезон. Пролетели две недели, я уже начала водить экскурсии, но вдруг — нежданная забота: восстанавливали дом ключника, а директор давно не был в отпуске и оставил меня исполнять обязанности директора. Вот это был опыт: строители, материалы, а тут еще завхоз, который решил меня испытать и «подложил свинью». Я сделала ошибку, хотя не смертельную, но болезненную. С мая начался завал: экскур-

сий было много, а нас, экскурсоводов, четыре человека, в день приходилось водить по восемь-десять экскурсий, то есть говорить по десять часов подряд».

Начало трудовой деятельности в музее-заповеднике «Тарханы». Начало 70-х гг.

Так стремительно и началось непростое движение к одному из важнейших качеств, необходимых каждому музейщику, — умению говорить с людьми. Качество это пришло на всю жизнь и стало неотъемлемой частью этой незаурядной и яркой личности.

Эрудиция, работоспособность и постоянное стремление к саморазвитию молодого научного сотрудника оказались востребованными, и ей вскоре предложили ответственное дело — хранить и собирать фондовую коллекцию заповедника. Оно сразу пришлось по душе. Система хранения была тогда не отлажена, и потому работать пришлось очень много. Увлеклась комплектованием экспонатов. С того времени и до сей поры Тамара Михайловна — дотошный собиратель материальных свидетельств лермонтовской эпохи. Она скомплектовала почти треть существующей коллекции экспонатов музея, которая недавно обогатилась разысканным и атрибутированным ею альбомом с записями Марии Михайловны Лермонтовой.

С такой же полной отдачей и интересом несколько лет работала в должности заместителя директора по науке.

И этот, и предыдущие участки работы, конечно, помогали постигать музейное дело. Но главным было другое — они дали счастливую возможность изучать творчество Лермонтова, его эпоху. Мир стихов великого поэта оказался созвучен с личным мироощущением и совершенно покорил своей беспредельностью, неисчерпаемостью и современностью. С этим открытием пришло осознанное понимание того, насколько важно возродить его родную усадьбу, которую он так любил. Уже не по долгу службы, а по зову сердца. Потому и не отказалась от директорской должности, несмотря на то, что предложили ее в очень проблемное для музея время.

Буквально с ходу пришлось решать вопрос о спасении часовни, в которой покоился прах поэта и его близких, организовывать работу по ее сохранению и реставрации. Потом началась борьба за усадебную церковь Марии Египетской, за барский дом, в котором обнажались один за другим неприятные «сюрпризы». На протяжении нескольких лет жила и работала в таком напряжении, которое и крепкого мужчину может довести до решения все бросить. Не бросила. Научилась держать удар и не пасовать перед проблемами, какими бы безысходными они ни казались. А судьба без помощника не оставила. Второй секретарь обкома КПСС Г.В. Мясников в молодом директоре музея увидел талантливого организатора и высоко оценил ее аналитический ум, способность принимать самостоятельные решения, волевой и решительный характер. Очень помогал, поддерживал и опекал. Это у Георга Васильевича Мельникова тогда научилась стремлению постоянно искать в музейной работе новое, необычное — словом, такое, чего нет в других местах. Раз и навсегда убедил: все надо делать заранее и постоянно учиться. О работе с ним она всегда вспоминает с огромным уважением и благодарностью. Не только мне, но и многим моим коллегам в музее запомнился замечательный вечер памяти Г.В. Мясникова. Его организовала Тамара Михайловна, чтобы ее сотрудники узнали об этом талантливом областном руководителе и не забывали, что благодаря его активному участию наши «Тарханы» постепенно переходили в новое качество современного музея-заповедника, стали местом проведения Всероссийских Лермонтовских праздников.

С Николаем Павловичем Пахомовым. 70-е гг. Н.П. Пахомов — литературовед, член Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, консультант Академии наук СССР, один из авторов экспозиции «Лермонтов в Тарханах» в барском доме.

Большим счастьем и великой удачей считает работу с лучшими представителями нашей культуры — Н.П. Пахомовым, В.С. Поповым. Их обширные знания долгие годы служили источником, из которого многие

музейщики черпали свои знания. Они воспитывали всех, кто с ними общался, своей культурой, своей совестью, отношением к истории и к жизни.

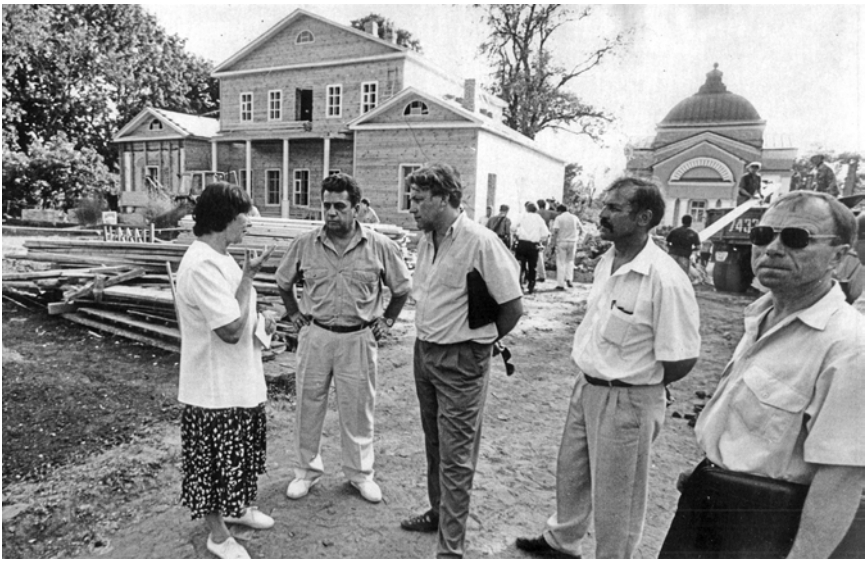
Всегда с признательностью вспоминает, как помогали и коллеги — директора музеев, поддерживали ее инициативы, которые впоследствии обогатили теорию и практику музейного дела и принесли «Тарханам» славу «живого» музея.

В истории музея немало бескорыстных помощников. В 90-е годы прошлого века при минимальном бюджетном финансировании они помогали чем могли: строительными материалами, оплатой коммунальных счетов, продуктами для сотрудников, не получавших по полгода зарплаты... Их находила Тамара Михайловна. В то непростое время она с горькой иронией называла себя «главной попрошайкой области». В срочной реставрации нуждался весь архитектурный комплекс усадьбы, а средств не было никаких. И она рано утром, в любую погоду на стареньком музейном автобусе, а то и на рейсовом или автостопом, ехала «в люди», рассказывала о Лермонтове и о том, в какой беде его музей. Другого выхода не было. Стучалась во все двери. Разные возникали ситуации. Об одной из них как-то рассказала журналисту: «Приехала я в министерство культуры и прошу, как обычно, выделить музею денег. А мне в ответ: мол, подождите своей очереди, у нас же не один Лермонтов. Как мне тогда стало обидно! Говорю сквозь слезы, но твердо: «Вы ошибаетесь. Лермонтов у нас в России один».

Нужно очень любить свое дело, чтобы в кабинетах чиновников разного уровня держаться с таким достоинством и быть уверенным в том, за что борешься. Время все расставило на свои места. Кто сейчас вспомнит тех «ревнителей» культуры, не захотевших помочь «Тарханам»? А имена тех, кто отозвался и понял, как важно для будущего страны спасать Лермонтовские «Тарханы», по инициативе директора представлены на самом видном месте административного здания и на сайте музея. Список это пополняется каждый год.

Умение быть благодарным — качество очень ценное у Т.М. Мельниковой. Нас многие спрашивали, поделилась ли она премией с сотрудниками. Свидетельствую: поделилась, и очень щедро. И не только с теми, кто делил с нею трудности и радости, верил и поддерживал все эти годы, но и с теми, кто оказался в стесненных денежных условиях. К каждому подошла и поблагодарила. Точно так же распорядилась и с премией Правительства России в 2007 году.

Своим личным примером она многому нас учит. Прежде всего — ответственности, творческой инициативе, умению думать, анализировать, видеть перспективу в работе и никогда не сидеть сложа руки. Автор самых смелых инновационных проектов, она не приемлет и не терпит пассивности, пауз и разгильдяйства в работе. Основа современных достижений «Тархан» была заложена ею именно тогда, когда в будущее мало кто верил. Вспомните лихие 90-е годы, когда даже крупнейшие музеи практически оказались без государственной поддержки, а провинциальные ощущали ее в самых малых дозах. А в



Реставрационные работы на барском доме. 1999 г.

«Тарханах» это было время «вдохновенного труда»: под руководством директора научный коллектив разрабатывал научно обоснованную концепцию комплексного развития усадебного ансамбля, включавшую восстановление всех исторических, эстетических и социальных условий, в которых сформировались характер, взгляды и дарования Лермонтова. Составлялись планы поэтапной реставрации памятников архитектуры, мемориальной территории, новых экспозиций, разрабатывались экскурсии и лекции на основе новых открытий лермонтоведения, писались сценарии исторических реконструкций. Благодаря немалым усилиям Мельниковой, вдохновительницы и активной участнице всех смелых начинаний, эти планы были полностью осуществлены уже в новом, 21-м веке. «...Сбылось и то, о чем и вовсе не мечталось», — откровенно призналась она корреспонденту популярного издания.

В книгах отзывов музея тысячи добрых, благодарных пожеланий в адрес Тамары Михайловны, признаний ее личного таланта. Сама она получает сотни писем от разных людей — знакомых и незнакомых. Они открывают перед ней свои больные души, просят советов, признаются в любви, задают вопросы о жизни и творчестве Лермонтова. Для каждого находит время ответить, объяснить, поддержать хотя бы несколькими строчками; всегда находит нужное слово, интонацию и частицу добросердечия души. Приведу в пример одну эпистолярную историю.

В 2004-м на имя директора пришло отчаянное письмо. Студент из Башкирии писал о своих проблемах именно ей, потому что услышал на радио передачу «Виражи времени», в которой Тамара Михайловна и ведущий программы Андрей Дементьев рассуждали о Лермонтове-юноше и его духовном становлении. После передачи, находясь под сильным впечатлением, парень, с ярко выраженным юношеским максимализмом, просил помочь «сориентироваться в жизни». Ответ ему был написан подробный, откровенный, содержательный и сердечный. Процитирую из него несколько строчек: «…чтобы отстаивать свои идеалы, надо не кричать о том, как плохо все. Надо самому поступать по совести, помогать слабым, обиженным, сеять доброе. Ведь если Вы будете только корчевать сорняки и не будете сеять, сажать полезное на этом месте, то вырастет другой сорняк, а пустой земля не будет, хоть умри…» Следующее письмо от него пришло только через 11 лет, в июле этого года. Кандидат наук, доцент Башкирского университета искренне и сердечно поздравлял Тамару Михайловну с вручением Государственной премии и с низким поклоном благодарил за то, что она не оставила без внимания его «мальчишеское послание», остановила им от роковой ошибки и значительно повлияла на дальнейшую жизнь. Видели бы вы, каким счастливым было ее лицо, когда она читала эти строки! А скольких из нас она выручала в «минуту жизни трудную», в сложных житейских ситуациях и семейных неурядицах!

Нет сомнений, Т.М. Мельникова — большая труженица. Ее день четко организован, спланирован, и потому она успевает спокойно и без суеты наполнить его всегда полезным содержанием. На рабочем столе много книг, из периодических изданий — «Культура» и «Литературная газета», журнал «Вокруг света». Перечень предпочтений длинный — читает очень много. Она многолетняя поклонница драматургии А. Островского и Б. Шоу, прозы А. Чехова и С. Моэма, поэзии Ф. Тютчева. В последнее время открыла для себя новых авторов: Агату Кристи и Розамунду Пилчер. Автор известных детективов увлекает философским содержанием, умом и прозорливостью, а шотландская писательница — эмоциональной искренностью и любовью к своей стране.

Любит слушать музыку Моцарта и Беллини, концертные записи Д. Хворостовского, Л. Долиной и… Витаса. Поет и танцует. Когда сотрудницы музея, участницы бала, стали хныкать о том, как им трудно, стала вместе с ними ходить на репетиции. Такую потом «выдала» мазурку и котильон! «Девчонки, танцуйте в свое удовольствие, — сказала она нам тогда. — Танцы молодость продлевают, а вы сопротивляетесь». Убедила, открыла «второе дыхание».

У нее очень уютный дом с большой библиотекой и сад с ухоженными цветниками. Замечательно и вкусно готовит, без труда разгадывает кроссворды и всегда с нетерпением ждет из города маленького внука. Они с ним большие друзья.

Не терпит в людях хамства, изворотливости и подлости. Больше всего ценит в других доброту и порядочность. Сердится, если небрежный вид у сотруд-

ника (и тем более сотрудницы), потому что хочет видеть нас всегда современно одетыми, подтянутыми и ухоженными. Стараемся, конечно, принимаем во внимание ее советы и доверяем ее безупречному вкусу.

А как долго боролась Тамара Михайловна за то, чтобы у нас в домах были приемлемые условия для жизни! Она всегда считала, что жизнь и проблемы села неотделимы от жизни музея. Потому долгое время одна тащила неподъемный воз проблем с заменой сгнившего водопровода и канализации, отоплением и ремонтом Дома культуры, школы, садика, хотя они и не находились на балансе музея. Местным властям было так удобно иметь такую «золотую рыбку» в решении этих проблем. Навела порядок и здесь, сейчас мы союзники, но сельские жители, как и прежде, чуть что — сразу к ней, за советом и помощью.

Сколько хорошего удалось сделать! Если задаться целью все перечислить, то список этот будет очень внушительным. Но есть вещи, которым сама Тамара Михайловна особенно радуется. Совсем недавно об этом ее спросил главный редактор солидного журнала. Цитирую ответ: «Радуюсь коллективу музея. В селе, где каждый на виду, так сложно жить без пересудов, без сплетен даже, без ссор и обид. Но удалось создать ядро сотрудников, вокруг которых сплачиваются остальные. Кто-то приходит и уходит, бывают неудовольствия и обиды, но для большинства музей — любимое место, которым гордятся, о котором беспокоятся. И в сложный момент усилия объединяются».

Это правда, как и все, написанное в этой статье, без преувеличений. Для многих Т.М. Мельникова стала Учителем, своим примером показывая и доказывая, как нужно и должно служить выбранному делу. Кто хотел и стремился — обучила профессии, раскрыла способности, о которых даже не подозревали. Она будто заложила механизм постоянного саморазвития и создала для этого в музее все условия. Как ее не благодарить за это?

Сегодня «Тарханы» — национальное достояние России, как и пушкинское Михайловское, есенинское Константиново, Ясная Поляна и другие замечательные музеи-заповедники. Жалко, что за суетой бесконечных современных проблем не все это понимают. Тем более важно, что есть такие подвижники русской культуры, как директор Лермонтовского заповедника, которые стремятся наполнить нашу жизнь не материальным, а духовным содержанием. Низкий поклон Вам, Тамара Михайловна, за это!

Александр ТИХОНОВ*

О ГЛАВНОМ

Стихи

ССОРА

Свист метких стрел сейчас ловлю во фразе я,
А боль от слов лирически остра.
В сибирских генах заблудилась Азия:
Степная ширь и отблески костра.

А ты глядишь — усталая, но гордая.
И непокорность жестами кричит:
«Русь никогда не соглашалась с ордами...
На варварские правила мужчин!»

* * *

Сибирские реки на север текут —
Об этом с рождения знают
Татарин и русский, остяк и якут,
И каждая птица лесная,

И сумрачный лес, перешедший в тайгу, —
Сплетение веток упругих.
Сибирские реки на север влекут
То утлые лодки, то струги.

До снежных пределов, где космос лежит
На спинах у белых медведей.
Сибирские реки — на север, где жить
Способен лишь выстывший ветер.

** Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова за 2015 г. в номинации «Молодое дарование».*

Меж топей брусничных, в таёжной глуши
Любая тропа — словно речка:
Теряясь, петляя, на север шуршит
И шепчет на вечном наречье.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ВЗРОСЛЕНИЕ»

Я рос на руинах великой Державы,
Где вместо заводов — тяжелый бурьян
Повсюду стоял арматурный и ржавый
Под вопли кликуш, воронья и ворья.

Не помню развала Державы на части —
Был мал. И поэтому в розовый цвет
Раскрашивал мир. Батя продал запчасти,
Чтоб нас прокормить. Мы сдавали цветмет

Втроём с пацанами — Никитой и Пашкой,
Искали кругом алюминий и медь,
Бутылки пивные (читай: «чебурашки»)
Меняли на жвачку и разную снедь.

Но сколько мальчишеской радости было,
Когда чупа-чупсы и «Турбо» могли
На деньги от сданных в киоски бутылок
Купить, чтоб беспечно надуть пузыри!

Вокруг пузырились и лопались банки,
Наследье Союза трещало по швам.
В Европе — чужие ракеты и танки.
Кто помнил тогда, что Россия жива?

Пока на Кавказе горланили пушки,
В сибирской глубинке жила детвора:
Сдавала бутылки, играла в «войнушку»,
Дралась с малышнёй из чужого двора.

Я позже узнал, что в конфликтах дурацких
(Решили, что вместе им тягостно жить)
Народы из близких, практически братских,
Друг друга пытались поднять на ножи.

Кто с кем и зачем? Был умело запутан
Клубок наших бедствий, и комом с горы

Катилась тяжелая, долгая смута
В глухие дворы, где полно детворы.

Из детства протянута ниточкой тонкой,
Сквозь память пропущена струнка души.
Тогда мне Россия казалась ребёнком.
Мы вместе росли и учились, как жить.

Я с Родиной в сердце из детства протопал
По узкой тропинке, ведущей на свет.
Ты помнишь, Россия, как в спину Европа
Плевала, ведь знала — не плюнешь в ответ?

Давили, пинали, но в ржави и гнили,
Под вопли кликуш, воронья и ворья,
Россия росла на отцовской могиле,
Где вместо надгробья — тяжелый бурьян.

А дети взрослеют! Я вижу: сегодня
Враг понял: иные пришли времена,
Налитые злобой, холодные поднял
Глаза и увидел, кем стала Она.

Россия из пепла и праха былого
Встаёт на крыло, чтоб продолжить полёт.
Жар-птица ли, феникс? Как новое слово,
В бессмертном народе начало берёт.

* * *

Люди без Родины. Куртки — с чужого плеча.
Преданы, проданы. Впору рыдать и кричать.
Можете тешиться мыслью: мол, «нам не грозит».
Тысячи беженцев мрачно идут по Руси

От накрывающей «ридну Украину» тьмы.
Вздрогни же, знающи: это могли быть и мы.
Тяжко и горестно песни казачьи поют.
Где с нашей гордостью нам бы нашёлся приют?

К детскому лагерю где-то в сибирской глуши
«Пазик» залатанный узкой грунтовкой шуршит.

Плещет за окнами ясная звёздная высь.
Все разом вздрогнули…
— Здравствуйте! Как добрались?

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

1

Самые светлые строки рождаются в час
Самого лютого приступа чёрной печали.
Это ль не довод, что в жизни всегда (и сейчас)
Тьма обратима, а истинный свет изначален?..

2

За новый день благодарю
Зарю.
За жизнь, которой нет конца, —
Мать и Отца.
За то, что вновь душа поёт, —
одну Её.
И лишь за смелость жить, любя…
Кого? Себя?

* * *

Грачи чёрным дымом над сёлами кружат,
И воздух горчит в предвкушенье весны.
Плывут облака в первых мартовских лужах,
А небо, глядящее в самую душу,
Мешает нам видеть февральские сны.

Стучат барабаны настырной капели,
Сосульки под крышами ищут приют.
Нас всех убеждали: мол, «птицы отпели»,
Когда над Сибирью метели свистели.
А нынче — прислушайся — снова поют!

Я знаю, ветра были бритвенно-остры,
А мартовский — так же белугой ревёт.
Когда всё растает, мой дом — словно остов
Ковчега вселенского, быстро и просто, —
Сорвётся с фундамента и поплывёт.

Да что мне дела и богатство земное,
Когда грянет буря и сдёрнет нас с мест!

Моё — вечно в сердце и вечно со мною.
…и в образе вечно усталого Ноя
Соседскую кошку впускаю в подъезд.

* * *

Паводком проглочена дорога,
Из деревни в город нет пути.
Загрустила внучка у порога,
Исподлобья сын в окно глядит.

Охают соседи: дескать, скоро
Старику в могилу, коль врачи
Не успеют. Допотопной «скорой»,
Говорят, в объезд не проскочить.

А весна, что не привыкла мешкать,
Гонит в рост кустарник и траву.
Дед хрипит с ребяческой усмешкой:
«Даст Господь — подольше поживу…»

Припекает солнышко пригорок,
Где пестрят могильные кресты.
«Скорая», — рыдает внучка, — скоро!
Им до нас всего-то полверсты».

ПРОГУЛКА
(к картине Марка Шагала)

Если хочешь, могу остаться.
Будем вместе — в руке рука.
Позабудем про гравитацию,
Пробежимся по облакам.
Слышишь, рядом свежо и гулко
Гром меж тучами прошагал?
Это пишет свою «Прогулку»
Марк Шагал.

Нам с тобой — молодым, веселым —
Горний ветер и свеж, и крут!
А под нами — луга и сёла.
Всё — беспримесный изумруд.

Кто осмелился в камне высечь
Русский мир из зелёных скал?
Только тот, кто стремится в выси, —
Марк Шагал.

Розовеет вдали церквушка,
Над церквушкой туман разлит.
Звонкий колокол что кукушка,
Эхом множит года земли.
Только мы забираем выше.
Там не слышен его вокал.
Там лишь воздух, которым дышит
Марк Шагал.

* * *

Снова ива растрепала космы
Над стремниной суетной реки.
Выйду в отпуск, как в открытый космос,
И — на дачу, жарить шашлыки!

Говорят, раз я родился в мае,
Значит, буду маяться всю жизнь.
Сущность поговорки понимая,
Сам себе командую: «Держись!

Выйдешь в отпуск. Будешь слушать рощу
И встречать у костерка закат».
Ничего нет радостней и проще,
Чем такие строки невпопад.

Словно космос, тих июньский воздух,
Одуревший от дневной жары.
Слышно, как гудят над речкой звёзды…
Вслушаешься — просто комары.

Валерий СУХОВ

«НА МОТИВ СЕРЕЖИ Я СКЛАДЫВАЮ ПЕСНИ»

К 120-летию со дня рождения С.А. Есенина

Сергея Есенина и Анатолия Мариенгофа связывали сложные личные и творческие взаимоотношения, которые до сих пор вызывают разноречивые оценки. Стремление отделить Есенина от имажинизма и противопоставить его Мариенгофу до сих пор характерно для многих биографов и исследователей есенинского творчества[1]. А начало этому было положено в книге В. Львова-Рогачевского «Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич», которая вышла еще в 1921 году. Критик, цитируя известный экспромт В. Хлебникова: «Москвы колымага. // В ней два имаго. // Голгофа // Мариенгофа. // Город распорот. // Воскресение // Есенина. // Господи, отелись // В шубе из лис!», подчеркивал: «в лице двух «имаго» столкнулись два начала: мёртвое, стальное, механическое и живое, солнечное, космическое», после чего делал категоричный вывод: «каждое живое, звёздное слово Есенина вопиёт против мёртвых, гнилых слов Шершеневича и Мариенгофа»[2].

Но были в двадцатые годы и иные точки зрения. Например, композитор Арсений Авраамов в своей брошюре «Воплощение. Есенин — Мариенгоф» (1921) доказывал, что у поэтов-имажинистов одна сущность, но два лика, как у бога Януса. По аналогии с образами римской мифологии он проводил такую параллель, создавая книгу «о Есенине — Мариенгофе, русского имажинизма Янусе». Сравнивая произведения двух поэтов, писал: «…у одного самодовлеющая красота архитектоники и глубокий захватывающий лиризм, у другого суровый эпос, холодный до жгучести, и полное подчинение архитектоники — выразительности…

Таковы колоссы имажинизма — Есенин и Мариенгоф, пророки величайшей революции, творящие на грани двух миров, но устремленные в великое Будущее»[3] .

На первый взгляд может показаться, что в этом споре правы те, кто считает Есенина и Мариенгофа полными антиподами, между которыми нет ничего общего. Но если внимательно проследить творческие пути двух ярких выразителей характерных тенденций русского имажинизма, то окажется, что все далеко не так просто. О личной и творческой близости двух поэтов-имажинистов красноречиво свидетельствуют многочисленные факты, мимо которых нельзя пройти. Начнем с посвящения программных произведений друг другу. Есенин посвятил А. Мариенгофу «Ключи Марии» (1918), «Я последний поэт деревни…» (1920), «Сорокоуст» (1920), «Пугачев» (1921), «Прощание с Мариенгофом» (1922). Анатолий не остался в долгу. Хронология его посвящений Есенину такова: первая глава поэмы «Магдалина» (начало 1919 года), стихотворение «На каторгу пусть приведет нас дружба…» (март 1920 года), поэма «Встреча» (март 1920 года), стихотворение «Утихни, друг. Прохладен чай в стакане…» (ноябрь 1920 года), трактат «Буян-остров. Имажинизм», посвященный друзьям-имажинистам, среди которых на первом месте Сергей Есенин (1920 год), трагедия «Заговор дураков» (август, 1921), поэма «Разочарование» (август 1921 года). В сборнике «Новый Мариенгоф» Сергею Есенину целиком посвящен третий раздел, в который вошло стихотворение «Не раз судьбу пытали мы вопросом» (датировано 30 декабря 1925 года). Также сюда были включены стихи «Какая тяжесть!» (1922), «И нас сотрут, как золотую пыль» (1923), «Воспоминания» (1925). В 1940 году Мариенгоф пишет стихотворение «Есенину», которое завершает список его посвящений великому поэту и другу. Кроме этого, Мариенгоф упоминает о Есенине в поэме «Анатолеград» (октябрь, 1919): «Довольно, довольно рожать! // Из чрева не выйдут Есенины и Мариенгофы» (С. 87). Имя Есенина мы встречаем в поэме «Друзья» (март, 1921), в стихотворениях «Отъезд и возвращение» (1924), «Там» (1940), «Есенину» (1940).

К есенинской теме Мариенгоф неоднократно обращался и в прозе. Сергей Есенин — главный герой его «Воспоминаний» (1926), «Романа без вранья» (1927), мемуаров «Мой век, мои друзья и подруги», над которыми писатель работал на протяжении многих лет своей жизни. Даже одно перечисление всех произведений Мариенгофа, в которых нашли отражение его отношения с Есениным, доказывает, что они требуют своего объективного освещения. Поэт Рюрик Ивнев одним из первых выступил против огульных обвинений, брошенных Б. Лавреневым в адрес имажинистов в статье «Казнённый дегенератами» (1925), которая подлила масла в огонь, став аргументом для многих злопыхателей, ненавидящих Мариенгофа: «Дошло до того, что <…> Б. Лавренёв <…> был кем-то из недоброжелателей Мариенгофа до того «нашпигован», что, не разобравшись, в чём дело, разразился статьёй, в которой обвинил огульно всех имажинистов в том, что они «спаивают Есенина». Между тем Мариенгоф не брал в рот вина, да и жизнь вёл такую, которая так же была далека от богемы <… > я считаю, что дружба Есенина с Мариенгофом была настолько большой и настоящей, что она продолжает «посмертное существование», несмотря на произошедший разрыв»[4].

В поэме «Встреча» Мариенгоф пытался ответить на вопрос: что объединяло его с Есениным и что отличало двух имажинистов? Лирический герой Мариенгофа утверждал: «Запамятовала плоть, не знаю крови русло, // Где колыбель // И чьё носило чрево»[5]. Отметив отрыв от родных корней, Мариенгоф именно этим объяснял то, что его стихи для России — «слова с чужого дерева». Лирический герой Мариенгофа предстает в образе поэта-клоуна с ярко выраженными урбанистическими поэтическими пристрастиями: «Город, мира каменная корона, // От зубца к зубцу, с окраины и до окраины // Себя радугой над тобой гну» (С. 68). Его радуга над городом — это образ полемического характера, который противопоставляется есенинской метафоре «зори меня вешние в радугу свивали» («Матушка в Купальницу по лесу ходила», 1912). Мариенгоф использует приём образной антитезы для того, чтобы ярче оттенить контраст городской цивилизации и деревенской природы, сталкивая в поединке «асфальт» и «ржаное поле»:

«Отсюда: горбясь асфальт полз — // На спине: Собор Исакия — хлеб хозяйский // И еще — Колокольня Ивана — рукоятью // Подъятый меч. // Оттуда: ржаное поле — // «Здравствуй! Миллиардом золотых языков...» (С. 68).

Его лирический герой обращается к Есенину с призывом не «бежать от города, а принести в него все свои духовные богатства»: «Для нас сбереги в ладошах журавлиный крик // Осеннего спозаранка» (С. 68). В конце поэмы Мариенгоф делает вывод о том, что творческий союз поэтов города и деревни должен ознаменовать новую «эпоху» в искусстве. Со свойственной имажинистам беззастенчивой саморекламой он заявляет: «Веков трубы эту протрубят встречу» (С. 68). Так рождается метафора, которая должна была подчеркнуть сходство взглядов на поэтическое искусство у «собратьев»-имажинистов:

«Сегодня вместе // Тесто стиха месить // Анатолию и Сергею» (С.68).

В поэме «Встреча» Мариенгоф в образной форме объяснил причину того союза, который соединял его с Есениным. По сути своей соединение двух противоположностей — поэта города с «последним поэтом деревни» — отвечало одному из ключевых принципов имажинистской поэтики «скрещивания чистого с нечистым», сформулированного Мариенгофом в «Буян-острове» и объясненного таким образом: «А разве не знаем мы закона о магическом притяжении тел с отрицательными и положительными полюсами»[6]. Это взаимно обогащало поэтов, разных по мировосприятию. Имажинизм придал есенинской поэзии особую остроту, а влияние Есенина во многом определило пути дальнейшей эволюции мариенгофского имажинизма. Перефразировав утверждение автора поэмы «Встреча», критик Львов-Рогачевский заявлял: «Ни сегодня, ни завтра не месить им вместе тесто стихов, хотя и попала случайно в чистое ржаное поле Есенина ядовитая спорынья его друга Мариенгофа»[7].

Стремление отразить в образной форме свое понимание сущности содружества с Есениным при всем отличии творческих установок нашло поэтическое отражение у Мариенгофа в стихотворении «На каторгу пусть приведет нас

С. Есенин и А. Мариенгоф

дружба»: «На каторгу пусть приведет нас дружба, // Закованная в цепи песни. // О день серебряный, // Наполнив века жбан, // За край переплесни. // Меня всосут водопроводов рты, // Колодезы рязанских сел — тебя. // Когда откроются ворота // Наших книг, // Певуче петли ритмов проскрипят. // И будет два пути для поколений: // Как табуны пройдут покорно строфы // По золотым следам Мариенгофа // И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц, //Со свистом проскакал Есенин» (С. 57). В ответ на это В. Львов-Рогачевский категорично выразил свое несогласие: «Никакая каторга с ее железными цепями не укрепит и не свяжет этих заклятых врагов не на жизнь, а на смерть»[8].

Тем не менее факт остается фактом. Мариенгоф был одним из самых близких друзей Есенина с 1919 по 1923 год в период есенинского увлечения имажинизмом. Странный на первый взгляд союз поэтов-антагонистов доказывает, что между ними было много общего. Не случайно Есенин даже предложил издать сборник, который объединял их фамилии. Мариенгоф в мемурах «Мой век, мои друзья и подруги» вспоминал об этом так: «...Давай-ка, Толя, выпустим сборник под названием «Эпоха Есенина и Мариенгофа».

— Давай.

— Это ведь сущая правда! Эпоха-то — наша»[9].

Тесные дружеские взаимоотношения не исключали споров о сущности поэзии. Есенин во главу угла ставил «чувство родины», которое в конечном итоге должно было определять творческий процесс. В статье «Быт и искусство» Есенин так объяснил ложность творческих установок своих друзей-имажинистов, среди которых был и Мариенгоф: «Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ — это уже все. Но да простят мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный...»[10]

Для Есенина поэзия была прежде всего выражением национального духа, поэтому она должна была подчиняться законам развития, характерным для народного творчества, которые формировались под влиянием быта и природных условий. Вывод, который делал Есенин в статье «Быт и искусство», логично вытекал из всех его размышлений о сущности поэтического искусства и объяснял главную причину творческих неудач поэтов-имажинистов: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все» (5, 220).

Под воздействием этой острой критики Анатолий Мариенгоф начинает задумываться о том, что значит для поэта чувство патриотизма. Постепенно он обращается в своем творчестве к теме родины. В поэме «Разочарование» (1921) лирический герой философски размышляет над этой проблемой: « Холодная страна с холодным серым небом, // Что говорит чужая песнь тебе?» (С. 106). Поэт с тревогой сам отвечает на заданный вопрос: «Не мать, но родина, — ужели бросишь вслед мне // Камень?» (С. 107).

Рассматривая проблему, связанную с тем влиянием, которое оказал Есенин на Мариенгофа, нельзя не отметить и того, что этот процесс был обоюдным. Так, например, мариенгофские строки «Пусть будем мы в своей стране чужими» («Друзья», 1922) нашли свой отзвук в есенинских «В своей стране я словно иностранец» («Русь советская», 1924). Образ Мариенгофа «здесь клён топорщит багровеющие уши» («Я не хочу, чтобы печалились и сожалели», 1922) был развит Есениным в поэме «Русь советская» («и клёны морщатся ушами длинных веток»). Мариенгофское горькое заключение «Не наши песни улица поёт» («Наш стол сегодня бедностью накрыт», 1923) нашло своё продолжение и развитие в той же поэме в строках Есенина: «Пускай меня сегодня не поют, // Я пел тогда, когда был край мой болен» (2, 96).

С годами в своем поэтическом творчестве Мариенгоф становился все ближе Есенину. В этом можно убедиться, обратившись к мариенгофским стихотворениям, написанным с 1920 по 1925 год. Пронзительны по своей интонации строки «Утихни, друг. Прохладен чай в стакане». Бытовые детали создают здесь особую интимную атмосферу. Имажинистская сгущенность образов здесь не кажется излишней и искусственной. Сравнения свежи и оригинальны: «Осыпалась заря, как августовский тополь», «гребень в волосах — что распоясанные кони». Мариенгоф обращается к метафорическому уподоблению, которое красноречиво говорит о тех доверительных отношениях, которые были между друзьями: «Я голову — крылом балтийской чайки // На острые колени // Положу тебе» (С. 70).

В поэме «Друзья» Мариенгоф дает очень емкие и точные характеристики поэтов-имажинистов: «Есенин с навыком степного пастуха // Пасет столетья звонкой хворостиной» (С. 103), «жонглирует словами Шершеневич» (С. 103), «Стихи глаголет // Ивнев, как псалмы. // Псалмы поет как богохульства» (С. 103 — 104). Как видим, только Есенину, среди поэтов-имажинистов, по мысли ав-

Фотография 1919 г. (Москва). Сидят (слева направо): В, Шершеневич, С. Есенин, стоят: Ф. Шерешевская, А, Мариенгоф, И. Грузинов.

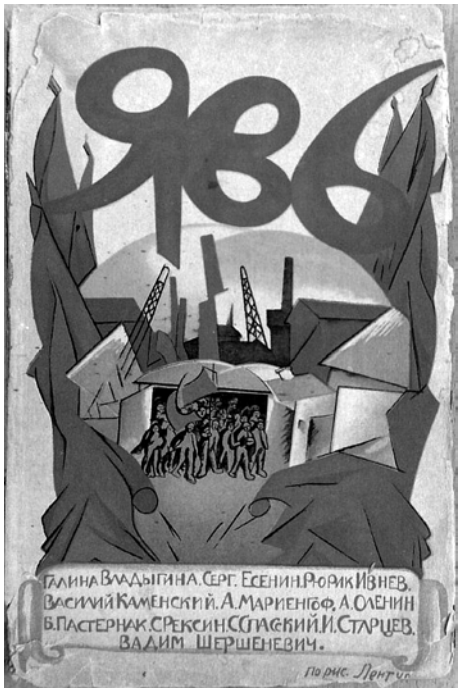
тора, суждено подлинное бессмертие.

О том, что значил для Есенина Мариенгоф, красноречивее всего говорит стихотворение «Прощание с Мариенгофом» (1922), которое дает наиболее полное представление о высоком накале его дружеских чувств:

«Есть в дружбе счастье оголтелое // И судорога буйных чувств — // Огонь растапливает тело, // Как стеариновую свечу. // Возлюбленный мой, дай мне руки, — // Я по-иному не привык, — // Хочу омыть их в час разлуки // Я желтой пеной головы. // Прощай, прощай! В пожарах лунных // Дождусь ли радостного дня? // Среди прославленных и юных // Ты был всех лучше для меня» (С. 134 — 135).

В ответ на есенинское «Прощание» Мариенгоф создает пронизанное грустью расставания стихотворение «Какая тяжесть!». Его образность предвещает драматическую развязку дружеских отношений: «В тот вечер ветреное небо // И над тобой // И надо мной // Подобно ворону летало» (С. 129). Автор прямо признается, что ему «страшно», он предвидит, что «По возвращеньи // В твоей руке моя захолодает // И оборвется встречный поцелуй!» (С. 130). Мариенгоф почти дословно повторяет Есенина, который также предвидел, что скоро его душевной привязанности к другу придет конец: «Мне страшно, — ведь душа проходит, // Как молодость и как любовь» (4, 185). В стихотворении «Отъезд и возвращение», написанном в 1924 году, Мариенгоф вновь вспоминает прощание и встречу с Есениным. После ссоры ему становится особенно горько осознавать, что он потерял самого близкого друга: «Дни проскакали, будто кони. //

Ты к нам вернулся в голубом вагоне. // — Сережа!.. // — Анатоль!.. // Чужое слово. Голос чужоват: // — Я счастлив, милый... Я ужасно рад... // С чего же вдруг — в руке рука захолодала // И оборвался поцелуй? // — Шофер! // Мы на Пречистенке, // И поднимаю чашу я устало. // «Пируй, пируй. Невесело пируй, // Когда уж оборвался дружбы поцелуй» (С. 233). Первая трещина в дружеских отношениях, видимо, уже проявилась перед отъездом Есенина, который не мог простить другу его женитьбы на актрисе А. Никритиной. Мариенгоф причины размолвки объясняет так: «Всякое бывало. // Меняли друга на подругу, // Сжимали недруга в объятьях» (С. 130). Предчувствие не обмануло друзей-поэтов, хотя до полного разрыва было еще далеко. Переписка Есенина и Мариенгофа подтверждает, насколько еще дороги они были друг другу. Об искренней любви к другу красноречиво говорят есенинские письма, которые были написаны во время заграничного путешествия: «Милый мой Толёнок! <...> Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию...» (5, 141).



Обложка сборника стихотворений «Явь» (Москва, 1919 г.)

Попытки Есенина распространять идеи имажинизма в Европе оказались безуспешными. Именно поэтому он обращался к Мариенгофу с просьбой: «... Мне не очень хочется, чтобы ты покинул Россию. Наше литературное поле другим сторожам доверять нельзя» (5, 143).

В свою очередь Мариенгоф в ответном письме Есенину подчеркивает те изменения, которые произошли в русском имажинизме под влиянием есенинской критики: «То, что мы за этот год почти не показывали носа на литературную улицу <...> сыграло огромную роль в оздоровлении нашего творческого организма <... > Сами собой отвалились гнилые суки формалистики и окрепло понимание общих всечеловеческих задач — поэзии»[11] .

Во втором номере журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» за 1923 год были опубликованы и это письмо, и «Почти декларация»

имажинистов, где были учтены замечания Есенина, сделанные в статье «Быт и искусство». Есенинское требование «согласованности» и органичности поэтического искусства нашло здесь свое выражение в таком тезисе: «Малый образ теряет федеративную свободу, входя в органическое подчинение образу целого»[12]. Есенинское определение «заставочного образа» вполне подходило к определению «зачаточный» образ, а «метафорическая цепь» из «Почти декларации» — это не что иное, как есенинский «корабельный образ» («Ключи Марии»). Особое внимание в «Почти декларации» уделялось «лирическому переживанию», что, несомненно, также было связано с есенинским отношением к искусству. Автором «Почти декларации» был Мариенгоф, но создавалась она под явным влиянием Есенина. Об этом свидетельствует и тот факт, что под ней не было подписей, а стояли лишь дата и адрес квартиры Есенина и Мариенгофа: «1 июня 1923 года. Москва, Петровка, Богословский, 3 — 46»[13].

Стремление воплотить на практике новые творческие установки нашло отражение в сборнике «Новый Мариенгоф» (1926). В связи с этим пензякам особенно приятно отметить упоминание в одном ряду близких сердцу Мариенгофа и Есенина топонимов в стихотворении «Опять безжизненное поле» (1924):

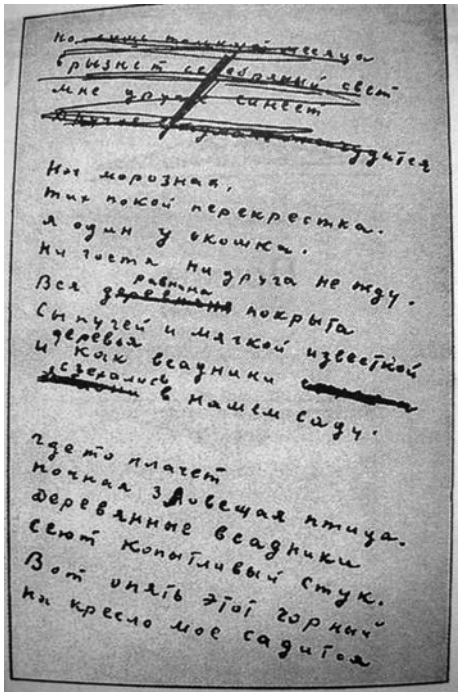
«Где сердце? // В суете ль проклятой? // (Неужто ж я такая дрянь.) // Мила ли Пенза толстопятая // И косопузая Рязань?» (С. 113 — 114).

На самом деле здесь мариенгофский талант раскрывается с иной, неожиданной стороны. Особенно ярко это проявляется в стихотворном цикле, посвященном Сергею Есенину. С проникновенной интонацией написана эта «летопись дружбы», отразившая всю историю его отношений с Есениным, претерпевших эволюцию от идиллических до открыто враждебных. Именно такими они стали, к сожалению, после разрыва дружеских связей в 1923 году. Причин ссоры было много. Одна из них лежала на поверхности. За время отсутствия Есенина Мариенгоф постепенно занял лидирующее положение в группе, оттеснив на второй план Шершеневича и Есенина. То, что его расхождение с Мариенгофом имело личный характер, подтверждает письмо Есенина в правление Ассоциации Вольнодумцев, датированное 7 апреля 1924 года, в котором он высказал свое недовольство тем, что в третьем номере журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» Мариенгоф отступил от ранее принятого принципа расположения произведений авторов в алфавитном порядке их фамилий и открыл номер журнала циклом своих стихотворений. Есенин увидел в этом лишнее подтверждение того, что бразды правления в журнале взял в свои руки Мариенгоф. В ответ на это Есенин решил создать свой литературный журнал «Вольнодумец», в котором он предполагал поначалу печатать и имажинистов. Следствием разрыва с Мариенгофом стало открытое письмо, опубликованное в газете «Правда» 31 августа 1924 года: «Мы, создатели имажинизма, доводим до всеобщего сведения, что группа «имажинисты» в доселе известном составе объявляется нами распущенной»[14]. Заявление, сделанное Сергеем Есениным и Иваном Грузиновым, вызвало ответную реакцию. 9 сен-

тября 1924 года в еженедельнике «Новый зритель» было напечатано «Письмо в редакцию», под которым стояли подписи Мариенгофа, Шершеневича, Ивнева, Ройзмана и Н. Эрдмана. В этом письме доказывалось, что Есенин не имел права «распускать» имажинизм: «...Хотя С. Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинизма, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи. Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна...» В пылу полемики авторы этого письма заявление, сделанное Есениным и Грузиновым, объяснили тяжелой психической болезнью Есенина. В конце письма было с едкой иронией подчеркнуто: «Таким образом, «роспуск» имажинизма является лишним доказательством собственной распущенности Есенина»[15].

В книге М. Ройзмана «Все, что помню о Есенине» (1970) доказывается, что автором этого оскорбительного для Есенина письма был лишь Мариенгоф, а остальные не подписывали его. Есенинская реакция была незамедлительной: «Мариенгоф хотел осрамить меня, как мальчишку!» — сказал он тихо, и в его голосе появилась хрипота... Что же тут непонятного? — говорил он по телефону. — Разорвать «Прощание с Мариенгофом»...»[16]

В письме Г. Бениславской в начале мая 1924 года Есенин пишет: «Да! Со Стойлом» дело не чисто. Мариенгоф едет в Париж. Я или Вы делайте из этого выводы. Сей вор хуже Приблудного. Мерзавец на пуговицах — опасней... А где мои деньги? Я открывал Ассоциацию не для этих жуликов...» (6, 168). Как видим, тут вмешались и материальные интересы. Кафе имажинистов «Стойло Пегаса» во время есенинского отсутствия пришло в упадок. Платить часть причитающейся Есенину выручки Мариенгоф был обязан сестре поэта Екатерине. Но по многим причинам вскоре этого он не смог делать. Екатерина настраивала брата против Мариенгофа. Раз-


Но [illegible] месяца
брызнет серебряный свет
мне [illegible] синеет
[illegible]
[illegible]
Нах морозная,
тих покой перекрестка.
Я один у окошка.
Ни гостя ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой
и деревья как всадники
сзехались в нашем саду.
Где-то плачет
ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
сеют копытливый стук.
Вот опять этот горный
на кресло мое садится

Автограф поэмы С. Есенина «Черный человек»

Иллюстрация к поэме С. Есенина «Черный человек»

рыву способствовал и проклятый «квартирный вопрос», который никак не мог решить Есенин. Он после возвращения из-за границы остался без своего угла, в их общей квартире в Богословском переулке теперь жила жена Мариенгофа Анна Никритина с маленьким сыном Кириллом.

Разрыв тяжело переживали и Есенин, и Мариенгоф. О многом говорит тот факт, что именно Есенин сделал первый шаг к примирению. Перед своей роковой поездкой в Ленинград он пришел мириться с другом. В «Романе без вранья» об этом написано так: «И в эту же ночь на Богословском несколько часов кряду сидел Есенин, ожидая нашего возвращения… Он ушел, не дождавшись. Велел передать: «Скажи, что был… обнять, мол, и с миром» (С. 233).

Стихи Мариенгофа своеобразно отражают историю его взаимоотношений с гениальным другом — поэтом — в их эволюции. Вспоминая о совместной жизни с Есениным в квартире в Богословском переулке, автор воссоздавал в стихотворении «Воспоминания» бытовые детали, придающие ему волнующую достоверность:

«(Ах, жизнь воспоминаньями мила.) // Подумайте: // При градусе тепла // Нам было как в печи // Под ветхим одеялом. // Тогда мне был Есенин верным другом, // Молва сплетала наши имена» (С. 132).

Читая «Воспоминания», погружаешься в мир есенинских образов, использованных Мариенгофом для создания особой поэтической ауры. Стихотворение построено на реминисценциях. Автор с проникновенной грустью вопрошает, обращаясь к своему другу:

«Я у окна. // Сентябрь. // Темь. // Не ты ли под окном // Стоишь, мой нежный друг, // желтеющей березкой?» (С. 133).

Отметим, что у Есенина в стихотворении «Ты запой мне ту песню, что прежде…» (1925), посвященном сестре Шуре, уже возникал подобный образ: «Показалась ты той березкой, // Что стоит под родимым окном» (1, 246).

Метаморфоза Пегаса, как символа поэзии, в «хроменькую кобылку» в «Воспоминаниях» заставляет вспомнить есенинский образ «родной русской кобылы», который являлся ключевым в его поэме «Мой путь» (1925).

Мысленная беседа с другом помогает вспомнить все лучшее, отметая «ненависть» и «яд» вражды. Меняя смысл и тональность начальных строк стихотворения, Мариенгоф пишет в конце: «Измены — девам, // Верность — для друзей. // Таков последний был у нас зарок» (С. 134)).

Силуэт С. Есенина, выполненный Е.С. Кругликовой. 1921 г.

Есенинское влияние особенно отчетливо проявилось в стихотворении Мариенгофа «Сергею Есенину» («Не раз судьбу пытали мы вопросом...»), которое было написано за день до похорон поэта 30 декабря 1925 года. Его строки полны чувства искренней боли и горечи невосполнимой утраты. Мариенгоф вновь возвращается памятью к периоду дружеской близости с Есениным. Обращаясь к умершему другу, автор воскрешает его в любимом есенинском образе «клена»: «Сергун чудесный! клен мой златолистый!» (С. 127). Мариенгоф использует реминисценции как особый художественный прием. Он характерен для всего цикла его стихотворений, посвященных Есенину:

«Наш краток путь под ветром синевы. // Зачем же делать жизнь еще короче? // А кто хотел // У дома отчего // Лист уронить отцветшей головы?» (С. 128).

Мариенгоф этими строками заставляет вспомнить полное пророческого предчувствия есенинское предсказание из «Кобыльих кораблей»: «Скоро белое дерево сронит // Головы моей желтый лист» (2, 77). Сознавая, что все сожаления бесполезны, Мариенгоф делает вывод, подчеркивающий, что для России Сергей Есенин стал великим национальным поэтом. Его смерть осознается уже не только как личная драма близкого друга, но и как общенародная трагедия:

«Что мать? что милая? что друг? // (Мне совестно ревмя реветь в стихах.) // России плачущие руки // Несут прославленный твой прах» (С. 128).

Так, вместе со стихами, посвященными Есенину, менялся в творческом плане и сам Мариенгоф. Именно есенинское влияние можно считать определяющим для его эволюции. Не случайно он назвал свою книгу «Новый Мариенгоф», подчеркнув тем самым, что начинает новый этап творческих исканий.

Есенинская тема находит свое отражение и в мариенгофской элегии «Там», датированной автором неопределенно — 1940-е. Мариенгоф обраща-

ется к образам дорогих ему людей, среди которых Сергей Есенин, Жорж Якулов, Вадим Шершеневич и родной сын Кирилл, покончивший с собой, так же, как его крестный отец Есенин. Особый трагический смысл обретают строки, отразившие переживания А. Мариенгофа после самоубийства сына: «Там и мой Кируха. // Мой Кируха с вами. // Но об этом глухо: // Это страшный камень. // Кто здесь стон услышит? // Смерть не переспоришь. Где успел, малыш, ты // Нахлебаться горя» (С. 255). Таким образом, две смерти: одна — Есенина, другая — сына Кирилла — сливаются для Мариенгофа в одно нестерпимое горе, которое с годами не забывается. Мариенгоф выбирает подчеркнуто есенинскую интонацию стиха и вспоминает свою имажинистскую молодость с грустью и теплотой. Он противопоставляет свое бурное имажинистское прошлое и унылое настоящее: «Ну а в здешнем звоне // К черту все постыло» (С. 255). Мариенгоф обращается к друзьям-имажинистам так, как будто они живы, задавая самому себе вопрос, вступая во внутренний монолог с самим собой:

«Может быть, им вспомнится // Наша дружба тесная, // Наша юность дерзкая // И дорога крестная» (С. 255).

Память о Сергее Есенине озаряет золотым светом образный строй стиха. Мариенгоф напрямую обращается к ушедшему другу, не стесняясь признаться в своих чувствах:

«Вот как мне сегодня // Вспомнился твой голос. // И, скажу по правде, // Сердце раскололось. // Поднял твою лиру, // Тронул твои струны, // Моего далекого, // Моего Сергуна» (С. 256).

Частушечный ритм стиха напоминает есенинские строки: «Пейте, пейте в юности, бейте в жизнь без промаха, // Все равно любимая отцветет черемухой» (1, 218). («Песня», 1923). Таким образом, имажинистская юность остается для Мариенгофа самым дорогим воспоминанием, а друзья имажинистской молодости вновь оживают под его пером. Этим он объясняет обращение к особому художественному приему стилизации под есенинскую манеру:

«В вашу честь, хорошие // (Не было чудесней!), // На мотив Сережи я // Складываю песни. // Будет все, как было. // Лира золотая! // За столом вам, милые, // Сам и прочитаю» (С. 256).

В 40-е годы Мариенгоф вновь и вновь обращается к есенинскому образу, все острее осознавая неумолимость приближающейся смерти. В стихотворении «Есенину» (1940) он с горькой обреченностью признается: «Нам с тобою место, // Друг мой, на погосте, // Под зеленым холмиком // Чтоб лежали кости» (С. 243).

Своеобразным итогом творческой эволюции Мариенгофа как поэта с ярко выраженной лирической нотой трагизма стало стихотворение «В пути. Еще в пути. Опять в пути» (1961). Философский вывод автора помогает многое понять в судьбе Мариенгофа, которая сложилась так драматично. Не случайно когда-то Велимир Хлебников в известном экспромте срифмовал его фамилию с Голгофой. Но это было распятие не напоказ, а в себе самом. Стоицизм и по-

казной цинизм, за которыми скрывалась тонкая и ранимая душа, характерны для лирики позднего Мариенгофа:

«Что значит жить? // Быть может, это значит пережить? // Найти и потерять. И потерять уметь. // С улыбкой о беде рассказывать» (С. 257).

Особый смысл придает стихотворению концовка, где использовано очень многозначное сравнение с вязами, которые становятся «медными»: «Так величавей делаются вязы, // Когда сентябрь их одевает в медь» (С. 257). Вновь здесь не обошлось без реминисценций. Мотив «осени души», отраженный Мариенгофом, поневоле наводит на аналогию с метафорой из есенинского стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу» (1921):

«Все мы, все мы в этом мире тленны, // Тихо льется с кленов листьев медь... // Будь же ты вовек благословенно, // Что пришло процвесть и умереть» (1, 164).

Анатолий Борисович Мариенгоф ушел из жизни 24 июня 1962 года и был похоронен на Богословском кладбище в Ленинграде. Так судьба вновь после смерти своеобразно напомнила о лучших годах его жизни, о которых он писал в стихотворении «Воспоминания», когда они вместе с Есениным «...песней и вином // Встречали ранний день // На тихом Богословском» (С. 133 — 134). Поэтому, отмечая 120-летие со дня рождения С.А. Есенина, мы вспоминаем и нашего земляка А. Мариенгофа, который, по словам Захара Прилепина, «стал самым важным человеком в жизни Есенина»[17]. С этим утверждением мы не можем не согласиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Ст. Куняев и С. Куняев. Сергей Есенин. М., 2007; Радечко П. Троянский конь репутации Есенина. Брест. 2005.

2. Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образоносцы: Есенин, Кусиков, Мариенгоф, Шершеневич. 1921. С. 46 — 47.

3. Аврамов А. Воплощение. Есенин и Мариенгоф. М., 1921. С. 33.

4. Ивнев Р. У подножия Мтацминды. Мемуары. Новеллы разных лет. Повесть. М., 1981. С. 79 — 80.

5. Мариенгоф А. Стихотворения и поэмы. СПБ. 2002. С. 66. В дальнейшем стихотворные цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц.

6. Поэты-имажинисты. СПб., 1997. С. 34.

7. Львов-Рогачевский В. Имажинизм и его образоносцы. С. 52.

8. Там же. С. 52.

9. Мариенгоф А. Роман без вранья. Роман. Мемуары. М., 2009. С. 339.

10. Есенин С. Полное собрание сочинений в семи томах. М., 1995 — 2001. Т. 5. С. 220. В дальнейшем цитируется это издание с указанием тома и страниц в скобках.

11. Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 133.

12. Поэты-имажинисты. СПб. 1997. С. 14.

13. Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 142.

14.Там же С. 339.

15. Там же. С. 340.

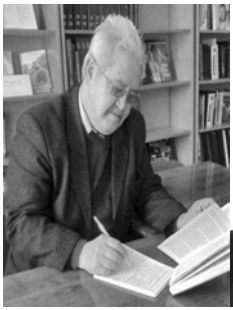
16. Ройзман М. Все, что помню о Есенине. СПб. 2005. С. 481.

17. Прилепин Захар. Синематографическая история // Мариенгоф А.Б. Собрание сочинений: В 3 т. М., Т. 1. С. 9.

Ибрагим ГУРКИН,
Павел ФЕЛЬДМАН

КЛАССИК ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 145-летию со дня рождения Захира Бигеева



Спи безмятежно в могиле,
Ты для друзей не погас,
Неоценимый при жизни,
Ныне ты дорог для нас.
Первым шагнул ты и первым
К свету пути проторил,
С болью, с любовью, с отвагой
Наши пороки раскрыл.
Г. Тукай

Этими словами великого татарского поэта Габдуллы Тукая хотелось бы начать наш очерк о Мухаммад-Захире Ярулловиче Бигееве (1870 — 1902), которому в этом году исполняется 145 лет со дня рождения.

Кем же был этот человек — писателем, имамом, исламским миссионером?

Мы бы ответили одним словом: ПРОСВЕТИТЕЛЕМ, поднявшим средствами художественной прозы пласт нравственных проблем, которые и в настоящее время актуальны в татарском обществе.

Несмотря на то что за свою короткую жизнь Захир Бигеев успел написать мало произведений, он еще при жизни не был обделен вниманием критики.

Очень интенсивно татарское литературоведение занялось творчеством З. Бигеева в начале 1950-х годов, в период так называемой «оттепели». Поскольку многие факты биографии писателя не были известны, группа казанских литературоведов поехала в Ростов-на-Дону, чтобы поработать в местных архивах и встретиться с современниками писателя, помнившими его. В целом, ученым удалось раздобыть кое-какую информацию. Что же касается рукописей З.Я.

Бигеева, то весьма вероятно, что они были уничтожены фашистами во время оккупации Ростова.

Изучение творческого наследия писателя продолжалось и продолжается по сей день.

Среди работ современных татарских ученых о творчестве З.Я. Бигеева мы бы выделили исследования А.М. Ахунова, М.Х. Гайнуллина, в которых дается анализ творческого пути, общая характеристика творчества. В статье Ф.И. Габидуллиной «Проблемы изучения жанровой природы татарского романа» раскрывается зарождение и формирование жанра национального романа. Формирование романа, по убеждению автора, связано с эпохой просветительского реализма в татарской литературе.

Анализируя романы писателей-просветителей, автор отмечает, что в последней четверти XIX века под воздействием начавшихся в татарской жизни глубоких социальных перемен национальный роман претерпевает обновление как в плане содержания, так и в плане формы.

Но в изучении творческого наследия писателя имеется ряд «белых пятен», а именно: во-первых, ни одно из произведений видного татарского писателя не переведено на русский язык; во-вторых, несмотря на большое количество статей о творчестве З.Я. Бигеева, до сих пор отсутствует полная научная биография писателя.

В данном очерке предпринята попытка раскрыть основные вехи жизненного и творческого пути выдающегося татарского писателя Мухаммад-Захира Бигеева, дать анализ его произведений и показать связь писателя с пензенским краем.

В с. Кикино похоронен дед знаменитых просветителей Захира и Мусы Бигеевых Абдулкарим и его брат Шарафутдин. Муса Бигеев установил в 1909 году, во время посещения Кикина, на их могилах надгробья. В школьном музее собран материал об известных земляках. Здесь представлены произведения З. и М. Бигеевых и материалы о них. Участники форума в своих докладах, рефератах и сообщениях с гордостью будут рассказывать об именитых соотечественниках на литературных чтениях, посвященных Году литературы.

По утверждению А.Н. Тагирджановой, Мухаммад-Захир Яруллович (1870 — 1902) и Муса Яруллович (1873 — 1949) Бигеевы родились в д. Кикино. Их отец, ахун Ярулла Абделкаримович Бигеев, был переведен в г. Ростов-на-Дону, и семья вместе с ним переехала в этот город, но Фатима ежегодно возила Захира и Мусу на свою родину, к бабушкам и дедушкам, где дети разговаривали на татарском языке, приобщались к исламу, и водила в мечеть к своему отцу Хабибулле-хазрату. Когда Захиру едва исполнилось 11 лет, а Мусе 8, скоропостижно скончался их отец Ярулла. Все заботы обрушились на хрупкие плечи Фатимы-ханум.

Ежегодно гостя в Кикино, Захир познакомился с девушкой, с которой у него не только были дружеские отношения, но и первая любовь.

Мухаммад-Захир Бигеев

В г. Ростове-на-Дону Фатима решила дать достойное религиозное образование своим сыновьям. Вначале они занимались на дому с матерью, которая дала сыновьям основы исламского вероучения, обучая их по старым религиозным книгам. Местное, Ростовское, медресе, куда поступил Захир, не удовлетворяло высоким требованиям и интересам образованной и религиозной Фатимы-ханум. В 1886 году Захир уехал в Казань, в Приозерное медресе, где он учился пять лет и окончил его в 1891 году.

Продолжим же свое историко-биографическое повествование о Захире Бигееве. В конце XIX века газета «Казанский телеграф» писала: «Мухаммедзагир Бигиев — молодой человек, получивший образование в высшей духовной школе; русским языком владеет так же хорошо, как настоящий русский, образованный, умеющий вести полемические дискуссии».

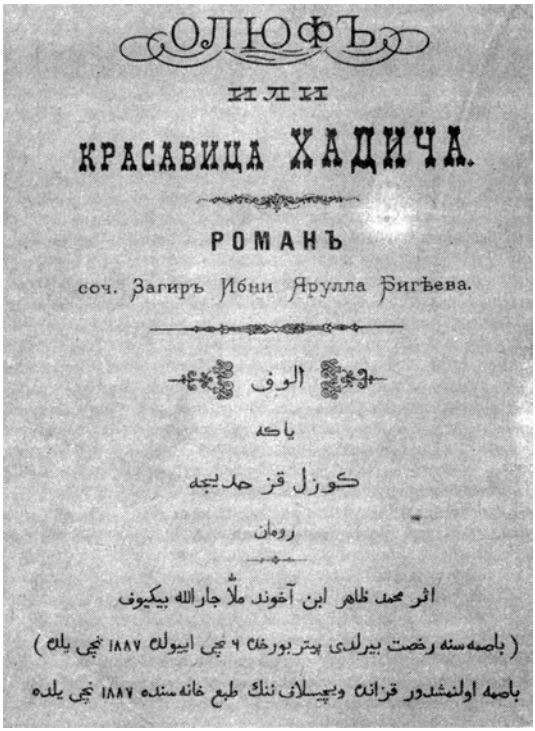
Он продолжал интересоваться русской и зарубежной литературой и все свободное время посвящал чтению. В Казани семнадцатилетний юноша сочинил свой первый роман — «Тысячи, или Красавица Хадича» («Өлүф, яки Гүзәл кыз Хәдичә»), написанный в детективном жанре, который был опубликован в Казани в 1887 г.

В романах «Тысячи, или Красавица Хадича» (1887) и «Великие грехи» (1890) бичевал пороки буржуазного общества, обличал страсть к наживе, толкающую людей на преступление.

В 1891 году Захир Бигеев покидает Казань и переезжает в г. Ростов-на-Дону. Там он служит муллой в местной мечети, а все свободное время посвящает написанию новых книг и религиозным спорам. В 1893 году он совершает путешествие по Туркестану, результатом которого становится новое большое произведение — публицистический очерк «Путешествие по Междуречью» («Мавәраэннәһердә сәяхәт»). Одновременно он готовит к печати два романа: «Вероотступник» («Мортәд») и «Убийца» («Катыйлә»), рукописи которых позже были утеряны.

В эти годы Захир Бигеев становится известным в г. Ростове-на-Дону диспутантом. Он принимает должность муллы Войска Донского. Несмотря на грудную болезнь, он активно участвует в различных богословских дискуссиях, выступая в защиту мусульманской веры, о чем сообщали даже столичные газеты.

Первое произведение Захира Бигеева — роман «Тысячи, или Красавица Хадича» — было опубликовано в Казани в 1887 году.


ОЛЮФЪ
ЯКЫ
КРАСАВИЦА ХАДИЧА.
РОМАНЪ
соч. Загиръ Ибни Ярулла Бигѣева.
الوف
ياكه
كوزل قز خديجه
رومان
اثر محمد ظاهر ابن آخوند ملّا جارالله بيكيوف
(باصمه‌سنه رخصت بيرلدى پتربورغده ٩ نچى ايپولده ١٨٨٧ نچى يلده)
باصمه اولنمشدور قزانده وبچسلاى ننك طبع خانه‌سنده ١٨٨٧ نچى يلده

Титульный лист первого издания романа «Өлүф, яки Гүзәл кыз Хәдичә»

Уже само название произведения дает читателю представление о его главной теме и идее. Здесь речь идет не только о красоте или истории любви, но и о моральных устоях буржуазного общества, где мерилом всего существующего являются капитал, деньги. Сюжет произведения, его композиция подчинены главной идее романа. Главный герой — молодой казанский фабрикант и коммерсант Муса Салихов, получивший образование в Петербургском университете, во время одной из поездок в Петербург встречает девушку по имени Зулейха, страстно влюбляется и просит её согласия на брак, но затем, вернувшись в Казань, решает жениться на другой девушке, дочери Ахмади-бая Хадиче с приданым в сто тысяч рублей. А первую любовь Зулейху, которая ради него оставила мать и родной кров, бросает на произвол судьбы: деньги для него сильнее клятв и уверений. Однако на руку и сердце Хадичи претендует и богатый казанский домовладелец Габденнасыр, злопамятный, коварный и двуличный человек, готовый на любую подлость. Образу самой Хадичи в романе отведено сравнительно мало места, хотя произведение и названо ее именем: ведь герои борются не за красоту или ум девушки, а за её богатство. Автор показывает, что в условиях того времени Хадича — не хозяйка своей собственной судьбы: кому из героев достанутся её деньги, тому и она будет принадлежать, и родительской воле она не противится. Показывая Хадичу безвольной, автор как бы бросает вызов современной ему действительности, тому обществу, которое обрекло женщин на бесправие. Более подробно очерчен образ Зулейхи, целеустремленной девушки, готовой на

решительные поступки во имя воплощения своей цели — найти образованного, искреннего, справедливого и любящего спутника жизни. Тайком покинув родительский кров, Зулейха в поисках своего возлюбленного приезжает в чужой, незнакомый ей до этого город. Однако ее надежды не оправдались, и, осознавая, что она покинута и обманута, девушка отваживается на крайний шаг — самоубийство. Считая себя главной виновницей случившегося, она пишет последнее, предсмертное письмо родителям и просит прощения за свой опрометчивый поступок. Автор дает читателю возможность понять, что Зулейха стала жертвой бесчеловечных отношений в буржуазном обществе. В гибели Зулейхи обвиняют Мусу, он оказывается под следствием, а Габденнасыр, пользуясь случаем, лжесвидетельствует в суде, чтобы обвинить и устранить «конкурента». Значительную помощь ему оказывает видный казанский адвокат Андреев. Однако опытный сыщик Шубин, после того как по просьбе брата Мусы начинается новое следствие, подозревает Габденнасыра, следит за ним и, найдя в его комнате обрывки записки с адресом Зулейхи, отправляется в Крым, на родину девушки, где находит ее предсмертное письмо. Поездка Шубина в Крым и обнаружение письма Зулейхи — кульминационная точка романа. Заканчивается роман оправданием и освобождением Мусы и самоубийством Габденнасыра.

Таким образом, сюжет романа дается на основе динамически развивающихся ситуаций. С этой стороны роман «Тысячи, или Красавица Хадича» — вполне завершенное художественное произведение. В нем имеются все элементы, способствующие развитию сюжета (экспозиция, завязка, система образов, кульминация и эпилог).

Роман З. Бигеева был подвергнут критике, но неудача не сломила молодого писателя; он продолжил свои опыты в области художественной литературы. Спустя три года выходит еще одно крупное прозаическое произведение Бигеева — «Великие грехи» («Гонаһе кэбаир»), которое дало возможность говорить об авторе как о зрелом, сформировавшемся писателе.

На выход нового романа откликнулась газета «Тарджеман», которая устами ее редактора Исмаила Гаспринского отмечала, что «это произведение наряду с произведениями Каюма Насыри должно быть причислено к плодам нового литературного направления, как по языку, так и по содержанию». Второй роман З. Бигеева продолжил традиции критического реализма в татарской литературе.

В 1893 году Захир Бигеев совершил путешествие по Закаспию и Средней Азии и свои впечатления об увиденном облек в форму путевых заметок под заглавием «Мавәраэннәһердә сәяхәт» («Путешествие в Транс-Оксанию (Мавераннахр)»), которые увидели свет лишь после смерти писателя, в 1908 году. В качестве предисловия его младший брат — выдающийся татарский философ и богослов Муса Бигеев — написал биографический очерк о своем старшем брате и редактировал издание книги.

Книга З. Бигеева «Путешествие в Транс-Оксанию» написана в художественно-публицистическом стиле. Ничто не укрылось от зоркого взгляда писателя: пристани и станции, реки и моря, деревни и города, люди, населявшие край. З. Бигеев, описывая ту или иную местность, дает ее краткую, но емкую историческую, экономико-географическую характеристику. Из этого произведения можно увидеть то, что автор был хорошо знаком с историей как России, так и Средней Азии. Так, в предисловии к книге Захир Бигеев дал негативную оценку владычеству Чингисхана в Средней Азии: «В 1220 году Чингисхан поджигает Бухару. Большой цветущий город от рук варваров превращается в руины. Тысячи людей были убиты этими извергами, а остальные были проданы в рабство в разные страны. На следующий год стотысячным войском он напал на Самарканд и сжег этот блестящий, цветущий своей архитектурой город до основания».

Описывая возникшие в результате кровопролитных войн руины, трагедии людей, автор резко осуждает войны, ибо они приносят только гибель цивилизациям. В то же время писатель изображает расцвет человеческого общества в результате мирного, созидательного труда. З. Бигеев доказывает, что тюркские народы способны создать такие державы, такие цивилизации, аналогов которым нет в мире. Он подчеркивает значимость и важность развития среднеазиатской культуры и для мусульман России. Писатель подчеркивал, что уровень образования мусульман, живущих в России, зависел от расцвета науки и культуры в Транс-Оксании.

Как известно, одной из целей путешествия З. Бигеева в Транс-Оксанию являлось получение там более углубленного образования. Но знакомство с богословами и высшими духовными лицами оставило у него горький осадок. Писатель воочию увидел их невежество, бескультурье, самодовольство.

Автор приводит здесь слова бухарского муфтия и ишана: «Все мирское — пустое, бесполезное. Ничто не вечно, приходит конец, исчезновение любой радости и земному наслаждению». З. Бигеев с иронией добавляет: «Этим человеком, являвшимся вождем тысяч мюридов, наставником сотен шакирдов, был один из бухарских муфтиев».

Очень огорчало писателя ухудшавшееся из года в год положение шакирдов медресе. Оно заключалось в ухудшении не столько системы обучения, сколько материального положения учащихся: даже комнаты медресе стали объектом наживы баев и наставников. С горечью он пишет об этом: «В настоящее время медресе стали собственностью людей с деньгами. Жизнь более десяти тысяч шакирдов там тратится бесполезно, время попусту убивается. Есть ли еще на свете положение хуже этого?»

Будучи в Самарканде, З. Бигеев посетил могилу выдающегося узбекского ученого XIV века — Улугбека. В своей книге писатель посвятил ему проникновенные строки «Мирза Улугбек хазрят внес большой вклад в развитие знаний и науки, особенно в математику и астрономию. Ему удалось решить четыре-пять

математических проблем. Систематизировал знания о Луне, Солнце и звездах. Открыл в своем доме медресе не только для мусульман, но и для представителей других конфессий».

Пристальное внимание во время своего путешествия по Средней Азии писатель-гуманист уделял положению женщины. Его не могло оставить равнодушным бесправие женщины, которой распоряжались как вещью. С возмущением пишет З. Бигеев о невозможности для женщин получать соответствующее образование и воспитание. И здесь же он сравнивает положение туркменских женщин. «Туркменские женщины, — пишет З. Бигеев, — не будучи похожими ни на одну из мусульманских наций, сидят за столом наравне с мужчинами. Лица их открыты. В туркменском доме женщина — самый работящий член семьи. У туркмен одна женщина может выставить на продажу на базаре ковер ручной отделки стоимостью до тысячи рублей. То, что не может производить европейская фабрика, туркменская женщина выполняет вручную». Здесь же писатель-гуманист говорит о правилах и обычаях, принижающих роль женщины в обществе, чему также способствовали и религиозные установки местного духовенства.

«Путешествие в Транс-Оксанию», как отмечают современные литературоведы, это огромный личный успех писателя, выдающееся произведение жанра «путешествие» в истории татарской литературы. Оно проникнуто размышлениями о судьбах татарского народа, о его будущем.

Позиция автора-просветителя выражена предельно ясно как стремление к просвещению татар, чтобы занять достойное место в рамках российского государства, принадлежность к которому воспринимается им как объективный фактор.

Материалы, касающиеся Захира Бигеева, содержатся в дневниках известного казанского миссионера Евфимия Александровича Малова (1835 — 1918), который вел их на протяжении почти всей своей жизни.

В письме Е. Малову З. Бигеев пишет: «В 1887 г., после того как я написал «Өлүф, яки Гүзәл кыз Хәдичә» («Тысячи, или Красавица Хадича»), я написал еще роман под названием «Катыйлэ хатын» («Женщина-убийца»), но по цензурному недозволению этот роман остался ненапечатанным. В прошлом, 1890 г. я написал и напечатал в Казани роман свой под названием «Гонаһе кэбаир» («Великие грехи»). Вероятно, Вы этот роман мой прочитали...». Это говорит о том, что исчезнувший роман «Катыйлэ» З. Бигеева был написан не в 1890 — 1891 гг., а раньше, между 1887 г. и 1890 г.

Или вот что Е.А. Малов пишет в своем дневнике: «22 сентября 1896 г. [...] я увиделся с мухаммеданином из Ростова-на-Дону Магомет-Захиром Бигиевым, муллой. Он передал, что по некоторым делам ездил в Уфу в Оренбургское мухаммеданское собрание, а возвращаясь оттуда, вздумал побывать в Казани и повидаться со мной, так как он был давно со мною знаком и не раз писал мне из своего Ростова-на-Дону. В настоящее время он передал мне, что совершил

он путешествие в Ташкент и Бухару, описал это путешествие и намерен издать в Казани».

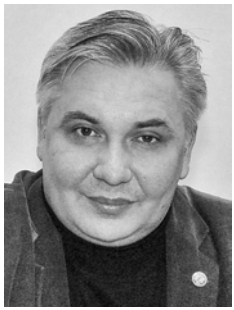
Это достоверные факты кропотливого изучения биографии писателя-гуманиста и религиозного деятеля.

Мухаммад-Захир Бигеев скончался в Ростове в 1902 году.

Отсутствие точных данных о том, как он закончил свои последние дни, породило множество самых разнообразных слухов. Одни утверждали, что татарский писатель покончил жизнь самоубийством или что его убила жена. Есть версия о том, что он был убит черносотенцами, а они обвинили в убийстве его жену, после чего она уехала в Польшу. Недавно появилась информация о том, что у писателя был сын Мухаммад-Шакир Бигеев, крупный домовладелец доходных домов в Казани, Мекке и Стамбуле, но эта информация не подтверждается родственниками Бигеевых. Мало еще информации о службе Мухаммад-Захира в качестве муллы Войска Донского и в городской мечети г. Ростова-на-Дону.

Историческая память о Мухаммаде-Захире Бигееве сохраняется не только в Кикино, Каменке, Пензе, но и в Казани, Альметьевске и других городах в названиях улиц и библиотек. Очень хотелось бы, чтобы к наследию Мухаммада-Захира Бигеева (1870 — 1902) обращались не только историки, литераторы и религиозные деятели, но и его земляки.

Виталий СОКОЛОВ



САМЫЙ ЖИЗНЕЛЮБИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

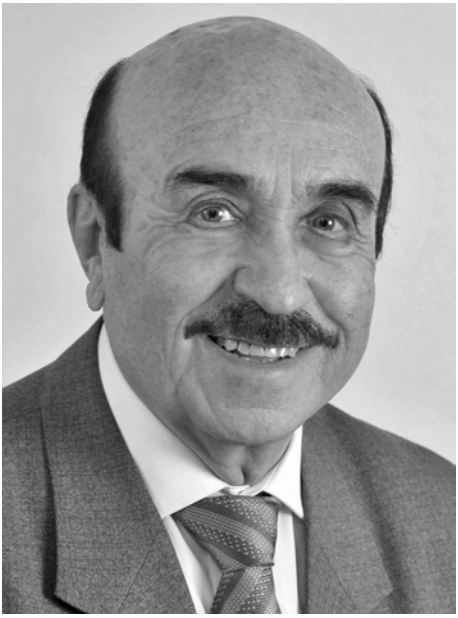
Памяти Николая Никифоровича Шевкуненко

Все мы были уверены, что его очередной, 85-летний юбилей отметим скромным, но веселым застольем, и будут поздравления, официальные и не очень, и будут нескончаемые рассказы юбиляра о разнообразных случаях из его долгой жизни — уж на это он был мастер, каких поискать... Да и в самом деле, все мои знакомые, кто видел Николая Никифоровича впервые, на вопрос о его возрасте задумывались: «Ну, лет 60... Неужели 65?» И крайне удивлялись, узнав, что ветерану пензенской сцены идёт уже девятый десяток. Он был бодр, подвижен, энергичен, общителен — словом, жизнелюбив в высшей степени. И вдруг сгорел в одночасье, меньше чем за год. Онкология — дело такое...

Но до сих пор странно, что он уже не постучится в дверь кабинета, не войдет и, упорно отказываясь присесть («Я еще не устал, да и какие мои годы!»), не заведет разговор о прошлом, о настоящем, о будущем — в будущее он смотрел очень оптимистично, несмотря на свой почтенный возраст. Таким мы все помним его — заслуженного артиста России Николая Никифоровича Шевкуненко, которому 7 октября 2015 года исполнилось бы 85 лет.

Впрочем, сегодня в театре уже нет тех, кто мог бы вспомнить самое начало его творческого пути в Пензе. Ибо прибыл он сюда в 1957 году, на несколько лет раньше, чем ныне здравствующие долгожители театра — Анатолий Сергеевич Гуляев и Генрих Дмитриевич Вавилов, пришедшие в самом начале шестидесятых. Стоял декабрь, на редкость морозный, и Николай Шевкуненко, сойдя на перрон с поезда, спросил у кого-то из прохожих, как доехать до театра. А тот рассмеялся: «У нас туда ничего не едет!» — и показал ему дорогу — ходу-то от вокзала до театра десять минут, «по диагонали иди». Был понедельник, традиционный театральный выходной, но в огромных

стеклянных окнах фойе горел свет, виднелись люди — оказывается, по понедельникам там были танцы! Продрогшего нового актера встретил администратор, отвел в буфет, напоил чаем... И вот так у выпускника Брянского театрального училища, уже успевшего послужить на нескольких сценах страны — в родном Брянске, в Астрахани, в Орле, начался роман с Пензой — роман, который с небольшими перерывами продлился 57 лет.



Николай Никифорович Шевкуненко

Любой актер — это прежде всего его роли. Ими Николай Никифорович обделен не был, в Пензенском драмтеатре он сыграл в 109 спектаклях (это по моим подсчетам, а у краеведа Игоря Сергеевича Шишкина, возможно, будет другая цифра). Были у него роли, о которых мечтает каждый артист, были работы в ныне забытых пьесах, были главные, второстепенные и эпизодические, в спектаклях классических и современных — но зрители их запоминали.

Любопытный факт: в начале 1970-х в Пензу приехал Михаил Угаров — тогда старшеклассник, а ныне известный московский драматург, один из лидеров «новой драмы» и руководитель скандального «Театра.DOC». Его отец был назначен первым директором нашего культпросветучилища, и юный Михаил, оставшись в новом городе без старых друзей, вынужден был занимать время чтением книг и посещением театра. По его собственным словам, первым спектаклем, на который он попал, оказались булгаковские «Дни Турбиных» с Людмилой Лозицкой в роли Елены и Николаем Шевкуненко в роли полковника Алексея Турбина. И спектакль Михаилу Угарову так понравился, что с этого времени театр стал его главным увлечением и впоследствии — делом всей жизни. Так что Николай Никифорович в какой-то степени оказал воздействие на дальнейшие судьбы российского театра. (Во благо российскому театру это случилось или нет — это, правда, уже другой вопрос.)

В репертуарном листе Шевкуненко — Транио в «Укрощении строптивой» Шекспира и принц Фарнезе в «Дон Карлосе» Шиллера, Мика Ставинский в «Барабанщице» Салынского и дворецкий Фиппс в «Идеальном муже» Уайльда, дон

Николай Шевкуненко в спектакле «Четверо под одной крышей» (1960)

Фернандо в «Дуэнье» Шеридана и Николай в пьесе Розова «В день свадьбы», уже упомянутый булгаковский Алексей Турбин и шеф полиции Пантера-Браун в брехтовской «Трехгрошовой опере»... А вот уже роли, в которых я его сам видел: интеллигентный архивариус Шарлемань в «Драконе» Шварца, одинокий профессор Окаемов в «Машеньке» Афиногенова, суровый Сила Ерофеич Грознов в «Наливных яблоках» Островского, мудрый фермер Карри в «Продавце дождя» Ричарда Нэша... Я хочу вспомнить о трех из поздних актерских работ Николая Никифоровича.

Первая и весьма неожиданная — это Барон, Скупой рыцарь из пушкинских «Маленьких трагедий», вышедших в начале 1999-го. Спектакль в постановке совсем еще молодой Ольги Субботиной в год 200-летия Пушкина приняли весьма неоднозначно: кто-то публично громил его, а кто-то был в восторге от режиссерского решения. Осовремененная или, вернее, вневременная трактовка классики тогда для пензенской публики была внове (да и сейчас нельзя сказать, чтобы к ней особо привыкли). Но это было стильно, это было актуально, и одной из самых мощных сцен в спектакле стал тот огромный монолог, когда по тексту Барон спускается в подвал навестить свои сундуки с золотом.

«...так я / Весь день минуты ждал, когда сойду / В подвал мой тайный, к верным сундукам. / Счастливый день! могу сегодня я / В шестой сундук (в сундук еще неполный) / Горсть золота накопленного всыпать...»

Не было сундуков, была решетчатая железная клетка, в которой стоял стальной сейф в рост человека. И Барон — Шевкуненко — в какой-то затрапезной куртке, с шарфом на шее, в вязаной шапке, в перчатках с обрезанными пальцами — открывал этот сейф, обозревал его внутренность, а потом в экстазе карабкался по решетке куда-то вверх:

«Я царствую!.. Какой волшебный блеск! / Послушна мне, сильна моя держава; / В ней счастие, в ней честь моя и слава!»

А потом замирал, судорожно вцепившись в решетку пальцами:

Николай Шевкуненко в роли Алексея Турбина (М. Булгаков, «Дни Турбиных», 1971)

«О, если б мог от взоров недостойных / Я скрыть подвал! о, если б из могилы / Прийти я мог, сторожевою тенью / Сидеть на сундуке и от живых / Сокровища мои хранить, как ныне!..»

Это было по-настоящему страшно. И, как мне казалось тогда, любому человеку сразу должно было стать понятно, о чем писал Пушкин и почему тема эта — вечная. Уж не знаю, насколько прочувствовали это другие. Спектакль сошел с репертуара довольно быстро. Мне лично жаль.

Зато другой спектакль, где Шевкуненко сыграл, на мой взгляд, одну из лучших своих ролей, — «Поминальная молитва» по пьесе Григория Горина, — прожил долго и был невероятно любим публикой. Премьера прошла в декабре 2002 года, в честь 70-летнего юбилея Михаила Яковлевича Каплана, режиссером был Виталий Николаевич Иванов из Малого театра, и в этой постановке что ни актерская работа была — то шедевр: и сам Михаил Каплан — Тевье-молочник, и Галина Репная — Голда, и Сергей Казаков — Менахем-Мендл, и Александр Нехороших, а позже Генрих Вавилов — Степан-плотник... А Шевкуненко играл мясника Лейзер-Вольфа, первого богача в деревне Анатовке, и вначале этот персонаж особой симпатии не вызывал — как, впрочем, в любой истории, когда молодую девушку хотят выдать замуж за богатого старика.

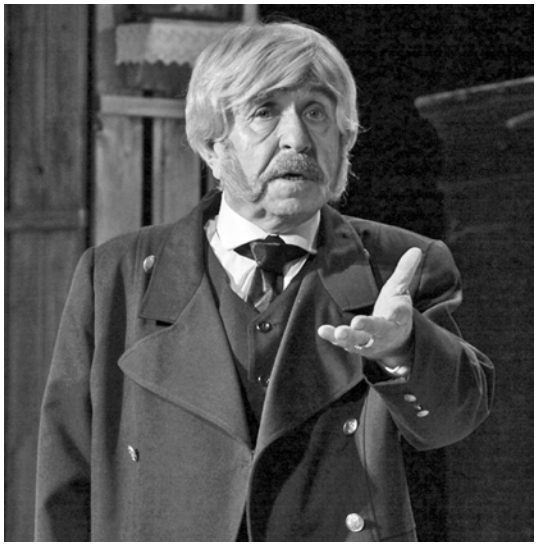
Николай Шевкуненко в роли Барона (А. Пушкин, «Маленькие трагедии», 1999)

Хотя уже первая сцена в трактире, когда Лейзер — Шевкуненко встречался с Тевье — Капланом, чтобы посвататься к его дочери Цейтл, а тот был уверен, что мясник хочет сторговать у него бурую корову, вызывала у зрителей приступы смеха, но смех этот был не сатирического свойства, а вполне доброжелательный и сочувственный. Да и грусть на минуту прошибала, когда Лейзер исповедовался: *«...я человек простой, но обеспеченный. Слава богу, в доме все есть, в подвале — тоже... Только в сердце пусто. Приходишь вечером домой, ложишься в чистую постель, гасишь свечу — и такое одиночество... У меня подушка к утру сырая...»*

По ходу спектакля зрительские симпатии к герою Шевкуненко всё росли и росли (по сюжету он, отвергнутый жених, все-таки великодушно дарил молодым на свадьбе швейную машинку, чтобы избраннику Цейтл, бедному портному Мотлу, было чем зарабатывать на жизнь), но истинный катарсис наступал к финалу. Как вы помните, заканчивается пьеса тем, что всем евреям из Анатовки предписано отправляться за черту оседлости, и Лейзер-Вольф отбывает к родственникам в Америку, в Нью-Йорк. *«Говорят, там хорошо»*, — произносила, прощаясь с ним, несостоявшаяся невеста Цейтл (на премьере ее играла Татьяна Городецкая, а позже — Лидия Стаханова, Наталья Старовойт, и в новой версии, восстановленной после пожара, — Альбина Смелова), а Лейзер-Вольф философски замечал: *«Хорошо, Цейтл, где нас нет. А поскольку мы теперь везде...»* — и зал вновь хохотал. И после финальной своей реплики: *«Эх! Холера на их голову! Кому это нужно, чтоб Лейзер из Анатовки говорил «гуд бай»?»* — Шевкуненко, в широкополой шляпе, в длиннополом пальто с белым шарфом

и с чемоданом в руках, уходил, пританцовывая, под неизменные аплодисменты зрителей. А если аплодисментов почему-то не было, то очень огорчался. Но такое случалось чрезвычайно редко.

Предпоследняя роль Николая Никифоровича — это адвокат Герасим Порфирьич Маргаритов в спектакле по пьесе Островского «Поздняя любовь» в постановке Юрия Александрова. В этом персонаже сплелись самые разные людские чувства и качества: отцовская любовь и профессиональная честь, доверчивость и принципиальность, надежда и отчаяние. Потрясающей была сцена, когда Маргаритов в исполнении Шевкуненко узнавал о предательстве собственной дочери, похитившей у него ценный денежный документ ради любимого человека, — его голос, сперва тихий, потом отчаянно взлетал почти до крика: *«Дочь моя, ты ли это говоришь? Ты не могла сохранить, уберечь чужого, что нам не принадлежит, что доверили твоему отцу, надеясь на его честность? Я ничего не понимаю...»*



Николай Шевкуненко в роли Маргаритова (А. Островский, «Поздняя любовь», 2011)

Впрочем, в финале всё разъяснялось самым благоприятным образом, Маргаритов благословлял влюбленных и даже отплясывал кадриль. Правда, сплясать у Николая Никифоровича получалось не каждый раз — возраст давал себя знать. Однако в спектакле, который играли в честь 55-летия его службы на пензенской сцене, он, будучи уже 82-летним, добровольно и честно выполнил все фигуры танца, и никто не знает, каких усилий ему это стоило.

Впрочем, сценой не исчерпывалась небывало насыщенная жизнь заслуженного артиста. Когда он заходил поговорить, то увлеченно рассказывал о том, как только что побывал на спецгашении почтовых конвертов по случаю какого-нибудь важного пензенского события, или о новых юбилейных монетах, а то специально приносил показать старые документы — о назначении его директором Пензенского кукольного театра (да, был и такой факт его биографии в 1965 году) — или приказы об установлении тарифной ставки ему как киноактеру (Николай Шевкуненко с 1983 по 1992 год снялся в двенадцати фильмах,

не самых, правда, известных, но некоторые из них на слуху: «Семен Дежнев», «Дикое поле», «Гроза над Русью», «Очаровательные пришельцы» и т. д.), или рассуждал о переменах, происходивших на глазах у нас в московском театре имени Гоголя, который тогда преобразовывался в «Гоголь-центр», и очень хвалил спектакль бывшего худрука Сергея Яшина «Бешеные деньги», или делился историями, которые на страницах журнала опубликовать невозможно ввиду их чрезмерной фривольности, или вспоминал о войне.

Великая Отечественная всегда была особой темой для Николая Никифоровича. 11-летним мальчишкой он участвовал в Людиновском комсомольском подполье, подробности о котором продолжают открываться в наши дни. В городок Людиново Калужской области Коля Шевкуненко с семьей переехал перед войной, а в 1941-м город оккупировали немецкие войска. И молодежное подполье начало действовать — не хуже знаменитой «Молодой гвардии» в Краснодоне. Еще почти подростки, они расклеивали листовки, таскали у немцев оружие, собирали информацию о передвижении немецких войск. Колю Шевкуненко выследили и вместе с семьей бросили в Жиздринскую тюрьму, откуда направили в концлагерь, да во время перевозки пленных отбили партизаны. А юных подпольщиков, оставшихся в Людинове, схватило и расстреляло гестапо.

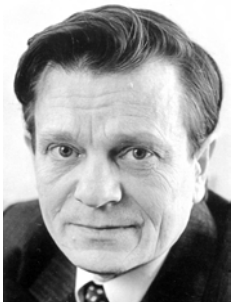
По-хорошему, об этом надо бы писать отдельную статью. Впрочем, подробный рассказ о том, как Николай Шевкуненко вновь побывал в городе своей военной юности, три года назад опубликовала в «Пензенской правде» журналист Марина Сергеева, ушедшая в прошлом году из жизни. Вы можете найти эту статью в одном из июньских номеров газеты под заголовком «На мертвый-живой рассчитайсь...». А от себя добавлю, что День Победы всегда был для Николая Никифоровича самым святым праздником.

В последний раз заслуженный артист России Николай Шевкуненко вышел на сцену 1 марта 2014 года в небольшой комической роли сэра Уилби Нельсона из комедии Рэя Куни «Клинический случай». Потом перенес тяжелую операцию, после которой уже не восстановился.

Он уходил из жизни долго и болезненно. Но держался до последнего. Из театра у него бывали только режиссер Анатолий Гуляев, с которым они дружили с 1960 года, и худрук Сергей Казаков. Потом уже, когда в театре прощались с покойным, Сергей Казаков предположил, что Николай Никифорович так держался за жизнь, потому что хотел дожить до 70-летия Великой Победы, до своего святого праздника. Но — не смог.

Николай Шевкуненко умер 3 марта 2015 года.

Его биография — как и биографии всех наших великих театральных «стариков» — еще ждет своих настоящих исследователей. Это вопрос времени. А пока просто будем хранить память о Николае Никифоровиче Шевкуненко — жизнелюбивом, многогранном и очень талантливом человеке. Ему, напомню, исполнилось бы сейчас 85 лет...



Александр МАРЫНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

К выходу книги Н. Степного «Записки ополченца»

Три года назад при подготовке сборника афоризмов и изречений «Симфония разума наровчатцев» я, к своему удивлению, обнаружил, что в наших местных библиотеках, архивах и музеях не оказалось книг наровчатского писателя Н.А. Афиногенова, публиковавшего свои рассказы, очерки, повести и романы под псевдонимом Н. Степной. Ничего не нашел я об этом авторе и в Интернете, если не считать объявления о продаже маленькой брошюрки нашего земляка за несколько тысяч рублей. Пензенская и Наровчатская энциклопедии, книга О.М. Савина «Пенза литературная» тоже весьма скупо сообщали о Степном: год рождения — 1878-й, год смерти — 1947-й, да еще то, что он участник Русско-японской и Первой мировой войн, а в конце заметок названы несколько произведений Николая Александровича. Вот, в сущности, и вся информация.

В одну из командировок в Москву записался в Российскую государственную библиотеку (бывшая библиотека имени Ленина), чтобы посмотреть, нет ли там книг нашего земляка. Оказалось, тридцать пять раз издавались произведения писателя в нашей стране за первую четверть века его творческой биографии, причем довольно приличными по тому времени тиражами — в общей сложности 700 тысяч экземпляров!

Некоторые произведения Н. Степного — «Сказки степи», «Семья», «Перевал», «Записки ополченца» — переводились на венгерский, французский, немецкий и японский языки. Роман «Семья» (1919 г.) занял первое место во Всероссийском конкурсе писательского мастерства, был отмечен соответствующей премией. Другой его роман — «Перевал» — Международный институт интеллектуального сотрудничества зачислил второй книгой среди самых выдающихся произведений, вышедших на русском языке в 1924 году. А «Записки о войне» М. Горький публиковал даже в редактируемой им

газете «Новая жизнь». Те же «Сказки степи» нашего земляка переиздавались до 1929 года семь раз…

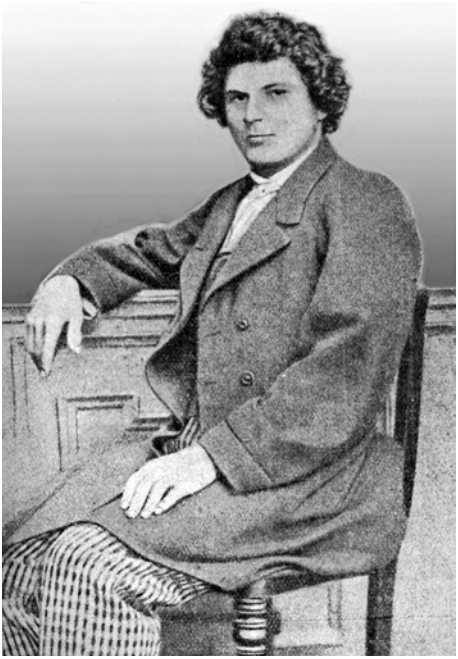
К этому времени Н. Степной занял достойное место в ряду писателей новой пролетарской, крестьянской литературы. О его произведениях писали газеты и журналы, автор получал сотни писем от благодарных читателей из самых разных уголков страны. Этому в немалой степени способствовал и весьма подвижный, кочевой образ жизни писателя. «В силу непоседливости, — отмечал он в журнале «Поволжье» в 1923 году, — у меня нет никакой обстановки, семьи. Есть чемодан, набитый рукописями, да накидка от дождя, да пальто одно на все четыре времени года. А если бывает пишущая машинка для переписки материала, то это для меня целое богатство <…> Мать снабдила меня восточной пассивностью. Отец — непоседливостью, кипучестью. И в этой скале колебаний от низкого до высокого бьется пульс моей жизни»…

И действительно, куда только не бросала его судьба, каких только испытаний не пережил Степной… Дорога через всю страну на Русско-японскую войну в качестве железнодорожного сапера, потом, спустя несколько лет, участие в Первой мировой войне. В составе русского экспедиционного корпуса он был отправлен рядовым на французский фронт через Архангельск по Северному ледовитому и Атлантическому океанам. Как делегат съезда Советов от русских войск добирался в революционный Петроград через Англию, Норвегию, Швецию. Был свидетелем исторической ночи октября 1917 года, когда брали Зимний дворец. В Гражданскую войну казачий атаман Дутов, заняв Оренбург, приговорил редактора газеты Н. Степного к расстрелу, давал за его голову десять тысяч рублей. Чудом удалось ему спастись. Можно упомянуть, как факты биографии писателя, год царской тюрьмы, приговор к другому сроку за атеистическую публикацию в печати, не приведенный к исполнению только по амнистии по случаю царского Манифеста.

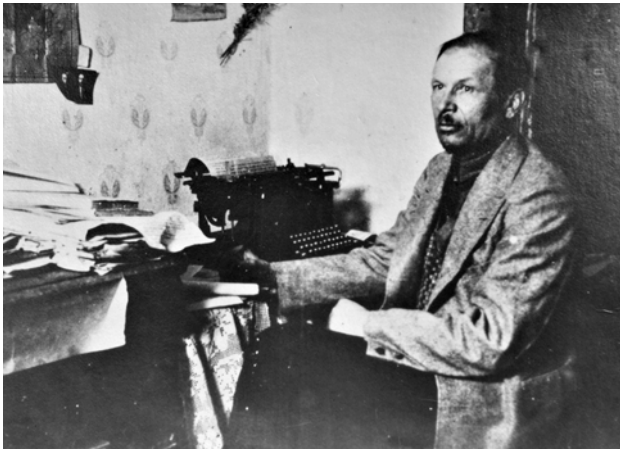
Много путешествовал наш земляк и по России. Наблюдал жизнь киргизов, узбеков, калмыков, башкир, татар, чувашей, мордвы. Омск, Ташкент, Оренбург,

Самара, Томск, Петроград, Москва — вот далеко не полный перечень городов, где учился, работал и публиковал свои произведения Н. Степной. Впечатлений от увиденного и услышанного им хватило бы не на одну жизнь. И до всего писателю было дело, он использовал любую возможность для того, чтобы зафиксировать жизнь как она есть.

В самом конце двадцатых годов (1927 — 1929 гг.) столичное издательство Всероссийского Союза творчества крестьянских писателей выпустило в свет десятитомное собрание сочинений нашего земляка. Издание было приурочено к 25-летию творческой деятельности Н. Степного на литературной ниве. Книги небольшого формата, насчитывающие от двухсот до четырехсот страниц каждая, включили в себя пять романов (один незаконченный), повести, рассказы, воспоминания о встречах с Лениным, Толстым, Горьким, Есениным, Неверовым... Наверняка общался писатель до революции, а может, и в первые недели новой власти и со своим земляком Куприным, но ко времени выхода в свет десятитомника Степного тот был уже несколько лет в эмиграции,



Н.А. Афиногенов (Н. Степной) за рабочим столом: 1900-е гг. (вверху) и 1930-е гг. (внизу).



Н.А. Афиногенов с сыном, будущим драматургом А.Н. Афиногеновым

нелестно отзывался там о советской власти, и о нем нельзя было упоминать в печати в положительном плане.

Надо ли говорить, с каким интересом читал я эти небольшие книжки в московской библиотеке, как жалел о том, что командировка моя подходит к концу и не успеваю прочесть всё собрание сочинений нашего земляка, и тем более — многочисленные публикации о нем в газетах и журналах того времени. Около семи десятков афоризмов и изречений Степного все же удалось мне выписать в блокнот. Встали они в моем сборнике рядом с цитатами Куприна и, думается, неплохо дополнили картину мудрых мыслей наровчатцев.

По дороге домой не давал покоя вопрос: почему пензяки, столько сделавшие и делающие для увековечения памяти своих именитых земляков, исключили из этого списка Н.А. Степного? Его имя — и по уровню таланта, и по невероятно насыщенной событиями биографии — можно без какой-либо натяжки ставить рядом с лучшими людьми Сурского края. Почему, упоминая фамилии наших писателей-земляков советского периода А. Малышкина, Ф. Гладкова, мы забываем Н. Степного? Почему, наконец, нет у нас ни одной книги этого писателя, если не считать маленькой брошюрки «степных сказок» в запасниках Литературного музея? Так не должно быть.

С этими вопросами обратился к председателю правления общественной организации «Наровчатское землячество» Валентину Михайловичу Журавлеву. Известно, что землячество только за последние полтора десятка лет выпустило или оказало содействие в издании полусотни книг, в том числе и собрания сочинений А.И. Куприна в одиннадцати томах, двух энциклопедий, разного рода сборников — поэтических, краеведческих и пр., издает даже свою газету «Родной край», спонсирует литературный конкурс «Гранатовый браслет», Купринские литературные праздники. Недавно вот много сил и средств положило на открытие в Наровчате памятника Куприну. Может, говорю, найдется у землячества возможность выпустить на первых порах хотя бы небольшой том про-

изведений Н. Степного, ведь после Куприна он, без преувеличения, второй по величине писатель, родина которого — Наровчат...

— Ну что ж, подбирайте материал для книги, деньги на ее издание попробуем найти, хоть и кризис сейчас, — поддержал предложение В. Журавлев.

Поскольку по межбиблиотечному абонементу книги 20-х — 30-х годов Российская государственная библиотека в другие города не высылает, стали искать издания писателя в библиотеках соседних областей. И там такая же картина, что и в Пензе. В лучшем случае — в каталогах книги Н. Степного есть, а в фондах — они отсутствуют. Видимо, в свое время поступило указание сверху — вычистить фонды библиотек от сочинений Степного. Уж очень правдиво рисовал он картины голодомора в Поволжье («Перевал»), неудачи и промахи новой власти в переустройстве жизни, особенно на местах («Семья», «Коммуна», «Молодое»). Есть основание полагать и то, что в тридцатые годы мог пострадать наш земляк от своей неуемной страсти говорить правду в лицо любому, искать справедливость там, где она должна быть и где ее не оказывалось. Скорее всего, именно по этим причинам имя Степного было вычеркнуто на несколько десятилетий из литературного и научного обихода. Мне так пока и не удалось выяснить, что оставил после себя писатель за почти два десятка лет после изданного в двадцатые годы десятитомного собрания сочинений.

...Поиск наш все же увенчался успехом. В Саратове, в научной библиотеке государственного университета, редакционно-издательскому центру «Добродея» удалось найти три произведения писателя — «Сказки степи», «Записки ополченца» и «Семья». Их и поместили в книгу, назвав ее «Записками ополченца». Том в пятьсот с лишним страниц и тиражом в тысячу экземпляров доставлен в Пензу. Редактору издания О. Казаковой удалось найти также немало интересных фактов из биографии писателя, которые помещены в конце книги.

Хочется надеяться, что в Год литературы, объявленный в нашей стране, а также в год недавно отмеченного 100-летия с начала Первой мировой войны («Записки ополченца» как раз об этом) издание книги Н. Степного будет хорошим подарком пензенскому читателю от Наровчатского землячества. Сделано большое, доброе дело. В Пензу возвращается незаслуженно забытое имя писателя-патриота, вся жизнь которого была нацелена на поиск путей к счастью простого человека-труженика.

«Ничто не проходит бесследно... Каждая мысль, хотя раз в ком-нибудь мелькнувшая, — ценность мира...» — сказано в одном из произведений Н. Степного. Пусть этот сборник будет еще одним подтверждением справедливости изречения нашего земляка, подтолкнет к более основательному изучению литературного наследия самобытного наровчатского писателя.

Копии фотографий из фонда
Пензенского объединения литературных музеев
(оригиналы хранятся в РГАЛИ, г. Москва).

Мария БЕЛКОВА

ЧУДЕСА С ОШИБКАМИ

Сказочка

Замок стоял в самом центре страны. Выглядел он очень красиво и даже уютно: построенный для мирных целей, он был украшен галереями, окна были достаточно большими, центральная башня возносилась над жилыми этажами в окружении нескольких меньших башенок. Замок был окружен пышным садом, отделенным от внешнего мира узорной оградой. Принадлежало это великолепие волшебнику Вилайфу, правителю страны.

Сейчас была в разгаре весна, и сад оделся розово-белыми тонами, а кое-где ярко горели цветы особых деревьев, похожих на сосны и покрытых красными цветками, напоминавшими цветы гибискуса. Кустарники и травы старались не отстать и тоже цвели, делая сад еще прекрасней.

В саду гулял маленький мальчик. Няня устала и задремала на скамеечке, а он не стал ее будить и пошел тихонько дальше. Он был очень любопытен и даже в хорошо знакомом саду находил что-то новое. Он рассматривал цветы, то приседая к траве, то вставая на цыпочки и дотягиваясь до ветвей деревьев, наблюдал за насекомыми и птицами, которые садились на ветках и пели. По траве мальчик двигался осторожно, стараясь ее не затоптать, не сорвал ни одного цветка и не спугнул ни одно насекомое: он знал, что они заняты важными делами и нельзя им мешать, кроме того, боль и страх они чувствуют так же, как и он, и любой человек. На стене замка висели большие часы, и мальчик часто подходил, чтобы взглянуть на них, а потом на солнце — так он учился определять время, чтобы потом суметь его узнать, если часов рядом не окажется. Тяжелые стрелки передвигались медленно, и не всегда мальчик понимал, сколько времени они показывают, к тому же он приходил через разные промежутки времени и удивлялся, что солнце то заметно убегает вперед, то стоит на месте.

К полудню в саду стало жарко, и мальчик — звали его Авиш — решил пойти посмотреть, чем занят дедушка. Поскольку Авиш был внуком Вилайфа, правителя страны, то его дедушка часто бывал занят государственными делами, но свободное время они проводили вместе, всегда находя интересные и полезные занятия.

Авиш зашел через открытую дверь с террасы в гостиную. Дедушкино любимое кресло пустовало, значит, он еще не пришел из кабинета. Авиш поднялся на второй этаж, прошел по коридору и подошел к двери дедушкиного кабинета — единственного помещения в замке, куда ему запрещалось входить. Обычно дверь была плотно закрыта, но сейчас осталась маленькая щелка. Авиш приоткрыл ее чуть пошире и сразу увидел дедушку. Прямо возле двери стоял письменный стол со стопками бумаг и книгами, за которым сидел в кресле волшебник и спал, прислонившись к высокой спинке. За его спиной возвышался книжный шкаф; другой, тоже заполненный книгами, стоял напротив стола, около двери. Рядом с ним пристроился комод с разными приборами. В противоположной от двери стене было два окна, выходивших на галерею, между ними стол с колбами, пробирками и прочими необходимыми для приготовления зелий вещами. Между этим столом и комодом стояло небольшое кресло. Угол комнаты рядом с окном оставался пустым.

Мальчик внимательно осмотрелся. В душе его боролись привычка слушаться старших (ведь ему запрещали здесь находиться) и любопытство, и оно все-таки пересилило. Авиш еще раз огляделся и подошел по мягкому ковру к ближайшему шкафу. Читать он любил, поэтому книги заинтересовали его сильнее, чем все остальное.

Взяв с полки привлекшую его внимание книгу, мальчик взглянул на название, но оно было написано причудливым шрифтом, и прочитать его Авиш не смог. Он открыл книгу наобум и начал читать. Поскольку читал он еще не очень хорошо, то делал это вслух, а некоторые слова прочитывал неправильно. Стараясь читать тихо, чтобы не разбудить дедушку, он попытался понять, что же он читает, но безуспешно. За окном поднялась метель, вызванная заклинанием, но Авиш этого не заметил. Он закрыл книгу, поставил на полку и взял следующую. Ее название тоже было трудным и длинным, так что мальчик мельком на него глянул, открыл где-то посередине и начал читать. Дедушкин письменный стол, на который Авиш из-за неправильного слова направил заклинание, слегка повертелся, боязливо отбежал в пустой угол и стал жалобно тянуть укоротившуюся из-за еще одной ошибки в заклинании ножку.

«Странный у дедушки кабинет, — подумал мальчик, — вещи сами двигаются…»

Он вернул книгу на место и, подумав, выбрал следующую, в малиновой обложке. На название даже смотреть было бесполезно, поэтому Авиш начал читать очередное заклинание, надеясь, что тут все окажется понятным и интересным. Некоторые слова он опять прочитал неправильно…

За тридесять земель, в сорокапятом царстве (оно было сорок пятым по счету, а вовсе не имело сорок пяток, как некоторые могли подумать) от ювелира Златиса султану Караффату только что принесли сундук с украшениями. Покрытый резными узорами сундук двое стражников внесли в комнату султана и поставили на маленький круглый стол с резными ножками, красовавшийся в центре комнаты. Стражи замерли по бокам, а султан, довольно улыбаясь и потирая руки, подошел к столику и стал рассматривать сундук. Придворные выглядывали у него из-за спины. Султан протянул руку, чтобы открыть сундук, и в это мгновение сундук исчез, попросту растаяв в воздухе. Караффат в недоумении ощупал стол, заглянул под него, поднял голову, изучая потолок в поисках пропажи, и с тихим стоном хлопнулся в обморок. То есть хлопнуться ему не дали придворные, которые подхватили султана, уложили на пышную кровать под высоким балдахином и стали усиленно обмахивать опахалом, пытаясь понять, куда же девался сундук. Пропажа султана материализовалась в пустом кресле у окна в кабинете волшебника, и Авиш с недоумением на нее посмотрел.

«У дедушки очень странный кабинет, — подумал он опять, — вещи сами откуда-то появляются…»

И мальчик, поставив книгу на место, дотянулся до еще одной.

Откуда-то вылезла муха и стала летать по комнате, чуя сладкие ароматы, которыми благоухал Авиш. Мальчик несколько раз отмахнулся от нее, муха обиделась и полетела обследовать сундук и колбы на столе. Мальчик прочитал спокойно почти все заклинание, когда муха решила, что от него пахнет интереснее, и снова подлетела. Авиш, отгоняя ее, махнул рукой в сторону дедушки, дочитал заклинание, и в кресле, где только что сидел волшебник, оказался большой пушистый кот дымчато-белого окраса. Кот спал, а мальчик смотрел на него и ничего не понимал: откуда взялся кот и куда делся дедушка? Что-то ему подсказывало, что дедушка никуда не девался… Авиш взглянул на заглавие книги, которую держал в руках, напрягся и разобрал первое слово: «Превращения». Поняв, что наделал, мальчик сел на ковер, испуганно глядя на кота, и задумался. Ему хотелось плакать, но Авиш знал, что это бесполезно. Что сделать, придумать он никак не мог…

Давняя знакомая Вилайфа, волшебница Фая, жила недалеко от замка и сразу заметила поднявшуюся ни с того ни с сего в середине весны метель. Вилайф всю жизнь занимался налаживанием погоды и допустить такое безобразие не мог. Чтобы выяснить, что случилось, Фая вскочила верхом на своего крылатого быка и помчалась в замок. Остановившись около галереи, опоясывающей второй этаж, волшебница спрыгнула с быка и отпустила его приземляться самостоятельно, открыла дверь, выходящую в пустой угол кабинета, и протиснулась в щель, потому что изнутри мешал стол.

— Что случилось? — поинтересовалась Фая у сидевшего на полу Авиша, с которым была хорошо знакома. — Где дедушка?

— Вон…

Фая проследила взгляд мальчика, узрела кота и нахмурилась. Однако погодное заклинание, хотя и было слабым, могло принести значительный вред ближайшим к замку областям, на которые хватило его действия, и в первую очередь надо было отменить его. Волшебница пробежала взглядом полки, но книг с погодными заклинаниями было слишком много.

— Какие ты еще книги брал?

Авиш внимательно посмотрел на полки и снял три книги, которые читал. Фая взяла их, присела, разложив на ковре перед собой, и взяла единственную, которая относилась к погоде. По оглавлению она нашла нужное заклинание, прочитала его, и метель, которая и без того слабела, прекратилась окончательно. Фая нашла еще одно заклинание, позволяющее устранить последствия, и прочитала его тоже. Потом она взяла другую книгу, оглянулась на жавшийся в углу стол, нашла и прочитала нужное заклинание. Стол облегченно вздохнул, становясь, как порядочные столы, на все четыре ножки, вернулся на место и замер. Фая занялась превращением кота обратно, но это заклинание было одним из самых сложных, и ей пришлось обратиться к Авишу:

— Прочитай вот это слово.

Запомнив, как он произносит некоторые ключевые слова заклинания, Фая прочитала обратное заклинание, и в кресле снова вместо кота появился волшебник. Он открыл глаза и удивился, увидев в кабинете внука и Фаю.

— Привет, — бросила она. — Подожди с расспросами!

Оставалось последнее дело — сундук. Волшебница склонилась, изучая его причудливые узоры, явно свидетельствующие, что его сделали в одном из восточных счетных царств. К счастью, ювелир сделал на нем надпись: «От ювелира Златиса Светлому и Великому султану Караффату». Благодаря этой надписи Фая вставила в заклинание отправки точный адрес. Султан, едва очнувшись и открыв глаза, увидел появившийся на столе сундук, взвился с кровати и небывалым прыжком оказался рядом с ним. Таким счастливым придворные его никогда не видели.

Закончив с делами, Фая повернулась к Вилайфу.

— Я так понимаю, этому молодому человеку нельзя здесь находиться? — спросила она, видя, как строго дед смотрит на внука.

— Нельзя, — подтвердил он. — Мы потом об этом поговорим.

У ворот раздался звон колокольчика — вернулись родители и бабушка Авиша, ездившие за покупками.

— Мне пора, — сказала Фая, вышла на галерею и свистнула.

Приученный бык тотчас подлетел к ней, она села верхом и поехала домой.

За ужином попало и дедушке, и внуку: одному за то, что плохо закрыл дверь; другому — что нарушил запрет. Метель помешала купить все, что было запланировано, и Авиш чувствовал себя очень виноватым. Вилайф, глядя на внука, весь вечер о чем-то думал, а на следующий день начал учить его волшебству, и теперь Авиш, которому давно этого хотелось, читал заклинания под присмотром опытного волшебника.

Марина СТАВСКАЯ

СМЕРТЬ-ГОРА

Почти подлинная история, похожая на сказку

Посвящается моей бабушке Валентине Анфимовой.

Смерть-гора — самая высокая точка Карелии, место силы Воттоваара. Об этом месте до сей поры ходят жуткие легенды, описывающие жертвоприношения и обряды черной магии древних племен...

I

... Помню, как долго готовилась эта экспедиция. Кирилл Борисович еще за несколько месяцев объявил нам о предстоящей поездке на Воттоваару. Все сомневались до последнего момента — очень необычным казалось это путешествие. И, когда стало ясно, что оно состоится, я сразу заявила о своем желании участвовать.

С нами ехал известный в научных кругах Герасимов, профессор геологии, член экспертного совета НИИ геологии Москвы и давний друг Кирилла Борисовича. Он не хотел афишировать свое участие в таком мероприятии. Но отказаться не смог — возможность вдохнуть сладко-пряный запах карельского леса появляется не каждый день.

Паранормальное — это несерьезно, говорят в высших научных кругах, чего не отрицает и профессор Герасимов. Однако нам предстоял поход на известное место силы. И об этом судачили уже не в одном только институте, а на уровне самого академического жюри.

Всю четырехчасовую дорогу невозможно было оторвать взгляд от окна. Краски неба, которые мы видели на заре зарождающегося дня, походили на акварельные разводы самых сочных цветов, которые только нашел у себя Художник. В леса, раскинувшиеся в километрах от трассы, так и просится душа, ее тянет туда, словно магнитом. Она знает, что жизнь в этих тихих одноэтажных деревушках другая, простая. Тщетно мы пытаемся обжулить ее огнями большого города.

По обе стороны от дороги раскинулись большие поля. Скоро они уступят место нехоженым полескам, а еще три часа в дороге — и сплошная лесная тень уже не выпустит нас из своих душистых объятий. Я чувствовала живительный запах соснового бора и радовалась возможностям, которые таила в себе эта поездка.

На седане или «Ладе» добраться на Воттоваару невозможно. После того как трасса заканчивается, дорога превращается в сплошное препятствие. Зато медленная езда по ухабинам позволяет насладиться особым микрокосмосом леса. Солнечный свет выделяет легкие звездочки пуха, аккуратно проникает сквозь хвою и листву прямо к светящимся изнутри зеленым травинкам, в которых прячутся миллионы живых существ.

Каждый из нас немного, но верил в необычайность места, куда мы отправились. За время подготовки все успели начитаться о чудесах, происходящих здесь, а теперь придется дать им научное объяснение.

Благодаря моим знакомствам в уфологическом центре у нас появилась всевозможная техника для исследования электроволновых и магнитных излучений, сверхчувствительные сенсоры, инфракрасные термометры, лазерные детекторы и в придачу специалист, умеющий этим пользоваться.

О горе издавна ходят легенды. Воттоваара считалась священным местом языческих племен, населявших эту территорию много веков назад. Название ее дословно переводится как «лес, куда не следует ходить». Коренное население считает, что на горе язычники древности приносили кровавые жертвы своим богам, совершали обряды темной магии. В наше время с людьми здесь происходят загадочные события, рационально объяснить которые не получается.

Огромные каменные глыбы покоятся тут друг на друге, будто кто-то с ювелирной точностью уложил их, следуя загадочному замыслу. Сейчас есть техника, способная передвигать так многотонные плиты, но каким образом это происходило много веков назад, ученые не знают до сих пор. Один из самых интересных для исследования объектов на горе — резервуар прямоугольной формы, располагающийся на вершине. Его края идеально обтесаны резаком и отшлифованы, что невозможно было выполнить в условиях развития той древней цивилизации.

На самом подступе к горе дорога превратилась в ухабистую глиномесь, из которой местами били ключи грунтовых вод. Пришлось оставить все машины, кроме одной. Лучше всех справилась русская «Нива», она заехала дальше американских внедорожников и почти забралась на плато. Мы в несколько заходов завезли на возвышенность оборудование из остальных машин.

Сумерки, наполненные непривычной тишиной, спустились быстро. Накрытый сытым туристическим ужином раскладной стол выделялся белым квадратом среди разноцветных панцирей палаток. Крупногабаритная техника и генератор находились в отдельном брезентовом доме. Я уже разливала по кружкам чай, как вдруг меня отвлек звук мотора.

— Это, наверное, с проверкой приехали, — пояснил Кирилл Борисович.

— Вечер добрый, экспедиция! Что же вы ночью-то в наши края загостили?

— Здравствуйте! — профессор потянулся для рукопожатия. — Кирилл Селезнев, геолог, у нас есть разрешение и все необходимые бумаги.

— Верю, меня о вас предупредили. Давненько не было никого. Вы чувствуйте себя как дома, это только для порядку, проверьки эти. Не страшно вам тут?

— Не жалуемся. А может, мы еще не разобрались, — профессор сделал паузу, чтобы достать из папки необходимые документы. — Вы как раз к ужину. Не откажите, присоединяйтесь к нам. Витя! Неси… того-этого-самого.

— Ого! Уже? — спросил вдалеке Витя.

— Давай-давай, неси. А то не успеем, — с улыбкой сказал профессор.

Пластиковые стаканчики с вишневой наливкой благородного рубинового цвета раздали всем желающим. От участкового и его напарника, давно привыкших к полудиким местам, сразу стало как-то тепло на душе. После тоста за знакомство наше настроение улучшилось.

Участковый попробовал блин с печеночным паштетом.

— Я, конечно, много чего знаю, — сладко причмокнул он. — Знаю вот, например, валун этот, да? Это сейд называется. Как он залез на такую верхотуру — никому неизвестно. Как будто его туда положили. Но кто и каким образом, это и есть загадка. Сейчас-то такой техники нет, а тогда что это могло быть? Очень любят Воттоваару *а*кстросенсы там всякие. Помните, передача-то?

Мы закивали головами.

— Вам бы с Захаром познакомиться. Он расскажет такое, что волосы дыбом повстают.

Пахло костром. Вечерняя свежесть и чистый до сладости воздух сильно клонил в сон тех, кто привык ложиться за полночь. Я была рада, что Леша, уфолог, на чьих плечах лежала большая часть работы с техникой, наконец почувствовал себя лучше. В среде академических ученых он вел себя неуверенно, ходил как белая ворона и не знал, с кем, кроме заинтересованного во всем Кирилла Борисовича, поговорить. Но с появлением участкового его лицо оживилось.

— Говорят, что обычный человек, ежели сюда один придет, то может умереть со страху. Особенно ночью. Был тут такой. Напился самогонки и свалился с камня, насмерть расшибся. Мозги потом по всей поляне собирали. Ну, это единицы. Кто трезвенный, говорит, прямо тянет к краю подойти, как будто что-то давит, толкает. Находиться здесь долго сил нет. А кто подготовленный идет — лучше переносит. Все колдуны эти, так вообще за милую душу тут сидят. Иногда, бывает, на сходках вижу их. Смотрю, улыбаются. Деревья все в узлы позакручивались, а они улыбаются.

— А как же вы тут? — спросил Леша.

— Да я как-то попривык, что ли. Работа такая. Я тут долго не задерживаюсь и на ночь не остаюсь.

— А почему так с деревьями происходит? Что по этому поводу говорят?

— Никто ж не знает. Так и говорят: энергетика плохая. В этом вся соль. Тут и НТВ приезжали, только они попроще вашего были. У вас техники, как будто на целый месяц.

— Всего-то на три дня, — гордо заметил Кирилл Борисович.

— В общем, не советую здесь задерживаться. Ну ладно. Поедем мы, жена дома заждалась. Вам советую укутаться потеплее, холодно будет. Завтра, как договорились, пришлю к вам старого Захара. Он расскажет кое-что, — участковый чуть помедлил. — А профессор вон тот, — он указал на Герасимова, — пусть тоже послушает. Гляжу, забыл он, что изучает природу. Железки одни на уме, приборы. Вы почувствуйте место. Подружитесь с ним и побеседуйте, если хотите что-то понять. Это вам больше даст, чем самый современный измеритель.

Герасимов курил в стороне и сделал вид, что не обратил внимания на слова, сказанные в его адрес. Все разошлись по палаткам, только Кирилл Борисович и Леша остались у костра. Они о чем-то тихо с энтузиазмом переговаривались.

Прохладные сумерки, спустившиеся на плато, укутали лагерь синеватой темнотой. Ни пения птиц, ни нежной трескотни цикад мы не слышали. Эта до жути непривычная на природе густая тишина наводила ужас, долго не давала покинуть друг друга и пожелать спокойной ночи.

Я всегда чувствовала, что необычные места, древние города и раскопки — вот что влекло Кирилла Борисовича по-настоящему. Наш профессор никому так и не сказал, где хочет опубликовать результаты. По масштабу мероприятия было понятно, что готовится не менее чем статья для «Вестника». А вдруг это будет начало крупного исследования? Всем хотелось увидеть свое имя в списке сотрудников или хотя бы в благодарностях.

Знаменитый серьезнейший подход Кирилла Борисовича был причиной, по которой его не хотело терять ни НИИ, ни все научное сообщество. Поэтому, чем бы он там ни занимался, сильно волноваться за профессора не приходится.

Весь следующий день прошел в работе. Мы делали замеры и вели полевые записи. После первых измерений стало ясно, что приборы ведут себя, по меньшей мере, странно. Место реагировало на каждую мысль и движение, словно живое существо. Леша заметил это, когда ходил с дозиметром. Иногда показания резко подскакивали, затем надолго снова приходили в норму. Леша вспомнил, что первый раз дозиметр «запищал», когда он впервые подумал о том, что хорошо бы увидеть отклонения от нормы. И тут же место ему ответило: а вот тебе, пожалуйста. Каждый раз, когда он подходил к валуну, который ему «приглянулся», прибор снова «пищал», а потом затихал надолго, давая послушать мертвую тяжелую тишину этого места.

Мы также замерили уровень радиоактивного излучения. И у подножия, и на вершине он оказался в норме. Оставшаяся половина дня ушла на то, чтобы

сверить геомагнитные показатели и понять, что мы ни на йоту не приблизились к решению загадки.

Герасимов с небольшой группой студентов ушел из лагеря. Они вернулись только к вечеру, когда солнце уже село. Последние несколько часов Герасимов вообще не выходил на связь, его мобильный телефон был недоступен.

Мы волновались. Почему самая скептически настроенная группа ушла так надолго? Когда пропавший профессор и его команда вернулись в лагерь, их отчет шокировал всех присутствующих.

— Я беру свои слова назад, — не успев перевести дух, начал Герасимов, — здесь творится какая-то чертовщина. Мы внезапно наткнулись на камень в форме сферы. Такого вы не еще видели! Он идеальной формы! А потом Вова ушел дальше по тропинке. Он обнаружил еще каменные бассейны правильной формы, похожие на тот, который есть в северо-восточной части горы. Когда мы направились к нему, я вдруг почувствовал себя плохо, как будто что-то давило на голову. Я ничего не сказал, но Володя... да, Вова, объясни...

— Я заметил, что мое самочувствие изменилось. Профессор сказал, что он не может дальше идти, ему стало плохо. Я почувствовал, что мне как будто тисками сдавило голову. Это симптом кровоизлияния в мозг. Страшно.

— И странно, — продолжал профессор. — Но вскоре это прошло. Позже у бассейнов мы увидели... Я даже не знаю, как это описать. Мы встретили какое-то существо, что ли. Только оно не было похоже на живое, оно было как будто из воздуха, почти невидимое. Ребята снимали на камеру.

— Вряд ли там что-то заметно. Оно двигалось очень быстро.

— Но тогда, может быть, посмотрим на большом мониторе?

Мы достали компьютер и подключили Толину зеркалку к нему. Изображение, снятое без стабилизатора, сильно дрожало. Камера запечатлела сначала каменные стены бассейна. Нам показалось, что воздух немного искажен, но, когда фотоаппарат дернулся в сторону деревьев, всем стало видно: дрожащий сгусток переместился именно туда.

— Что это было? — спросила я.

— Оно двигалось по земле, иногда приседало или пряталось. Заметьте, очертания человеческие...

— Хм, на мой взгляд, на записи почти ничего не видно, — резонно заметил профессор Кирилл Борисович. Но трое с круглыми от испуга и азарта глазами не хотели отступать. Их настрой поразил нас.

— Это было какое-то существо, причем голодное, оно наблюдало! Охотилось, следило! Такое было ощущение.

— Точно.

— Давайте закроем эту тему из репертуара кружка научной фантастики, — сказал профессор. — Доказательства должны быть посерьезнее, чем эта запись, на которой почти ничего не видно. Мы не можем приобщить ее к мате-

риалам исследования. И, Миш, — сказал он, обращаясь к Герасимову, — я тебе верю. Я же говорил тебе: прогуляешься — не пожалеешь!

— Ну ничего себе прогулочка!

На минуту все замолчали. Видно было, как раздражен и взволнован Кирилл Борисович.

— А у вас какие результаты? — спросил Герасимов, неожиданно проявляющий все больший интерес к исследованию.

— Противоречивые, прямо скажем. Например, есть большое искажение геомагнитного поля. Но оно есть в любом месте, которое окрестили аномальным. Только нигде больше деревья в узлы не заплетаются.

— И еще Леша нашел поляну смеха, — добавила я.

— Что?

— Если засидеться там — накатывает эйфория, становится хорошо, как будто ты неделю был на море.

— Правда? Хотелось бы испытать на себе. Это можно как-то объяснить?

— Думаю, там из-под земли бьют энергетические ключи, которые перекрещиваются в нескольких «колодцах». Это именно живительная кинетическая сила, и она никуда не уходит с поляны, накапливаясь там сотнями лет.

— Значит, тут можно испытать как положительное, так и отрицательное воздействие!

— Несомненно, это так, — несколько ребят-студентов, побывавших там, подтвердили сказанное.

— Попробуйте завтра, пока не уехали. Я покажу вам, где она находится.

— Ну, если только это не опасно. Хватит с нас этих воздействий... Жуть какая-то, — сказал Герасимов.

После разговора все разбрелись по своим делам. Кирилл Борисович отсоединил заряжающийся компьютер и решил поработать в своей палатке.

Этот был самый короткий день в моей жизни, он пролетел так быстро, как будто кто-то ускорил ход времени. Вечером, лежа в палатке, я вдруг услышала чей-то голос. Он позвал профессора по имени-отчеству. Я выглянула через закрытое сеткой окошечко палатки и увидела рядом с кострищем рослого старика с бородой до самого пояса. Он был одет в коричневую куртку, всю протертую и заношенную, на ногах его были ботинки для горного туризма, а волосы, столь же длинные, как и борода, покоились на плечах.

Старик внимательно и долго смотрел на меня, а потом громко, на весь лагерь, приветливо поздоровался.

Я вышла из палатки и направилась к кострищу.

— А вы, наверное, Захар? — преодолевая смущение и страх перед незнакомцем, спросила я.

— Да. Смотрю, вы основательно места изучаете.

— К сожалению, мы здесь только на три дня.

— Ну, это уже кое-что.

Я почувствовала, какой силой обладает этот пожилой мужчина. От него исходило исполинское спокойствие. Благодать лесной жизни сделала из него мудрого и уравновешенного человека, у которого было чему поучиться.

— Я живу в деревне. Но здесь на весну, лето и осень остаюсь в своей сторожке. Там, в лесу, — и он указал в направлении, в котором зашло солнце.

Захар уже усаживался на бревно, когда вышел профессор в теплом балахоне и ярком зеленом пуховом жилете. Старик сразу же привстал, чтобы поприветствовать его.

— Добрый вечер! — профессор протянул руку для рукопожатия. — Очень рад, что вы зашли!

— Ну что вы, я сам почти изъявил желание.

Приятно было видеть, что два человека сразу нашли общий язык и так тепло улыбаются друг другу. Пока они говорили о погоде и других беспричинно необходимых вещах, мы с Лешей подбрасывали в огонь ветки, и он разгорался с новой силой. Из-за спины я услышала голос Герасимова:

— Здравствуйте! Очень хотел увидеть вас! Видите ли, я был, если можно так выразиться, Фомой неверующим, — обратился он к Захару. — Но после того, что с нами сегодня приключилось, хотелось бы задать вам очень серьезные вопросы.

Постепенно остальные тоже стали выбираться из палаток. Они несли кто пенки, кто одеяла, чтобы устроиться у костра, садились рядом в ожидании истории. По лицу старого лесничего было видно, что он не ожидал такого ажиотажа. Видя, сколько собралось людей, Захар перешел сразу к делу, как только все уселись поудобнее:

— Я расскажу вам то, что произошло в этих краях задолго до вашего появления. Слухами земля полнится. Кое-что из них — правда, а что-то, конечно, ложь. Но то, о чем я вам сегодня поведаю, мне передал мой предшественник, — Захар огладил длинную седую бороду. — Тогда он был такой же старый, как и я сейчас. А зачем такому старому человеку врать?

II

— Говорят, что еще до войны здесь жили два человека, которых боялись как огня. Они водили дружбу с настоящим русским колдуном. Он творил ужасное зло, прикасался к самой тьме. А был с виду человеком обычным, ходил среди нас с вами.

Жуткое было время. На пороге война. Все в близлежащей деревне знают: раз в год он точно приедет. Черное пальто его и всегда неизменный черный шарф сразу выдавали его как человека нездешнего. Но чужестранцем назвать его не поворачивался язык, он говорил с людьми в деревне на хорошем русском и всегда был без сопровождения.

Чем занимались эти богомерзкие сатанисты, люди поняли, когда нашли могилы. Трупов было не меньше десяти, но ни одного обращения в милицию

за эти годы о пропавших не поступило. Словно что-то защищало их от правосудия. Дела замяли, записали, что умершими были дезертиры и бомжи.

Лесник рассказал мне самую последнюю историю. Он видел всё собственными глазами, но, слава Богу, остался жив. Он просил никому не рассказывать, боялся мести колдунов. Он умер лет 30 назад.

Главного звали Мартин. Зарабатывал он очень большие деньги. Искал богатых людей, отбившихся от семьи, жаждущих приключений. Есть такая порода путешественников — богачи, которым надоело всё и вся. Их уже не интересовало ни накопление капитала, ни молодые любовницы, а жизнь в партии стала невыносимой из-за вражески-свободного мировоззрения.

Мартин нашел свою последнюю жертву в гостинице в Петрозаводске и повез сюда. Эта история никогда не должна была увидеть свет. И сейчас вы поймете почему.

Действия колдунов на Смерть-горе стоили для простых смертных очень дорого. Лесник говорил, что они платили Мартину огромные деньги за то, чтобы увидеть некое существо, которое здесь обитает.

— Вот касательно существа у меня и был к вам вопрос, — бесцеремонно вставил профессор Герасимов. — Мы сегодня что-то видели…

— Если вы остались в живых, значит, это было не то, — лесник внимательно посмотрел на собравшихся. — Послушайте, что здесь происходило.

— За то, что Мартин отвозил «клиентов» к Смерть-горе, аккурат где вы сейчас оставили свой транспорт, он забирал деньги, на которые можно было бы построить небольшую виллу в Болгарии или где-нибудь еще в теплых краях.

Федя, предыдущий лесник — кстати, вот скоро уж 30 лет, как он в землице сырой лежит, — заметил Мартина у подножья горы. С ним был «клиент» и еще три человека из наших мест, один из них которых — совсем еще ребенок, ученичок подмастерья.

Мартин платил этим ребятам гонорары, они ему беспрекословно подчинялись. Ученик тот бедненький навязался со взрослыми, чтобы посмотреть на чудовище. Не знаю, почему его тоже пустили, дело-то совсем не детское, для этого нужно долго готовиться.

Захар задумчиво смотрел в костер. Он не сводил взгляда с дрожащих огненных ресничек и внимательно вслушивался в размеренный треск углей. Медленным движением он достал из кармана сигарету. Прикурив от горящей головни, которую взял из костра, сразу с силой отбросил ее в сторону. Та упала на траву. Тени вокруг нее на миг расступились, приобретая очертания маленьких глазастых зверят, роющихся в темноте.

— Ученики — это самое начало пути. Они могут годами прислуживать старшим, добиваясь благосклонности. Некоторым везет, они выбивают знания с самого начала, таких любят. А кого-то только шпыняют, наказывают, сильно бьют. Вот и мальчишка этот был весь задерганный, разговаривал тонко, как девочка, боязливо опускал лицо, пряча только что вздувшийся синяк.

Рисунок Ф. Самарина

«Клиент» не стал возражать, пусть и мальчик идет. Он будет помогать мужчине готовиться к обряду. Все происходило вон у того бассейна рядом с амфитеатром.

«С этого момента, пожалуйста, поподробнее» — общая невыраженная вербально мысль соединила слушателей. Все они были там сегодня днем.

А у меня был наготове вопрос, откуда Захар так хорошо знает, как заведено у колдунов, но я еще размышляла, стоит ли его задавать.

— Делают они свои сатанинские приготовления: кто-то читает заклинание, кто-то костерок с дурманящими травами разводит. Кто-то сидит и ждет, потому что ничего еще не умеет. «Клиент» и ученик сидели прямо на краю бассейна. И тут Мартин начал звать чудовище…

— Откуда всё известно в таких подробностях? — спросил аспирант.

— Тот, кто мне это рассказал, все видел сам. Он заметил незнакомых людей в своем лесу и решил проследить за ними. Отважился узнать, что они замышляют, и тоже увидел монстра. Он рассказывал, что, когда чудовище появилось, всю поляну заволокло холодом, как будто кто-то открыл гигантскую морозильную камеру.

— А кто это был? Или что это было? — спросила я.

— А был это, золотая моя, самый настоящий вампир. Не тот, кого вы видите в фильмах. Не сказочный юноша с аристократическими манерами, а зло во плоти, мертвец, оживший из могилы. Он услышал заклинания на древнем языке, обещавшие ему свежую кровь, и пришел на поляну за жертвой.

У меня по коже поползли мурашки. Страх стал почти осязаем.

— Не может этого быть. Это же полная чушь! — воскликнул Герасимов.

— Я вас предупреждал: не поверите, — усмехнулся Захар.

— Что здесь смешного?

— А кто такой этот Мартин? Он еще жив?

— Кто он такой… да сам черт в обличье человека. Может, и живет до сих пор, превращается в такого же кровососа. Не знаю, он был тогда уже не молод. Важно не кто он есть на самом деле, а то, что это не сказки. Тела этого и не только этого мужчины нашли уже истлевшими. В заключении написано: «Мужчины, личности и места жительства установить не удалось, без документов». Примерно так. А у них разодранные животы, переломанные все кости ребер, оторванные руки и ноги.

— До такой степени?

Все слушали молча, с опаской глядя на незнакомого старика, рассказывающего из ряда вон выходящие вещи.

— Констатировали, что их убил какой-нибудь забредший сюда волк. Только волки тут не водятся.

— Ага, и тела обычно не хоронят.

— Именно. Можете дело поднять, там есть описания увечий. Вы подумайте, у какого волка хватит сил оторвать ногу. А в упырей наша полиция не верит.

— Гм! Вы сами видели эти следственные заключения? — голосом, полным раздражения, спросил Герасимов. — Вы хотите, чтобы мы поверили в эту фантазию?

— Конечно, видел. По долгу службы. А верить или нет, дело ваше.

— Опишите его, пожалуйста, — попросил Леша.

Захар казался чуть выбитым из колеи враждебным недоверием Герасимова, но, чуть помедля, ответил:

— Это мертвец, который сотни лет лежит в земле. Он воняет, он в лохмотьях, его глазницы, губы и уши давно сгнили, поэтому оскал кажется клыкастой пастью, а нос — заостренным, как у летучей мыши. Вампир есть тело, внутри которого живет неупокоенный дух, не желающий расставаться со своим проклятым существованием. Он, обладая нечеловеческой силой, разрывает своей жертве живот, пьет кровь, лакомится внутренностями. Иногда отрывает конечности и высасывает кровь из вен до последней капли. И, как рассказывал лесничий, он не ходит по земле, а как бы парит в воздухе, летает с места на место. Фух! И уже там! Фух! И здесь!

— После того как он напьется, — продолжал Захар, — то наливается кровью, разбухает и, успокаиваясь, засыпает. Если раскопать такого вскоре после охоты, то может показаться, будто там лежит еще живой человек. Но найти его могилу так и не удалось. Это был последний случай, когда Мартин будил здесь упыря. Затем все затихло. А место до сих пор, видите, нехорошее. Плохо здесь и зверю, и человеку. Но это давно уже так. Очень давно. А вампир этот древний. Он летал здесь, даже не ложась в землю, а только прячась в тени деревьев от солнечного света. Кровь и трупы оставляли прямо на камнях, а бассейн был полностью наполнен кровью. И людей, и животных сотнями для него убивали. Теперь это все позади. Обычный лес. С первого взгляда.

— Вы говорили, что тогда погибло двое мужчин, — переспросил Кирилл Борисович.

— Да. В ту ночь двое. Ученика решили тоже скормить упырю. Скорее всего, он надоел учителю.

— Какой ужас.

Воцарилось молчание. Затем Захар прервал наши размышления и обратился к Кириллу Борисовичу:

— А вы впервые здесь?

— Да, и впечатлен, — поспешил ответить ученый. — Хотел бы продолжить исследования. Конечно, эта история удивительна, но ее никак не привяжешь к научному описанию явлений, происходящих здесь.

— Есть много задокументированной информации. Вам достаточно поднять архивы.

— И даже следственное заключение, о котором вы говорили?

— Почему нет? Это будет нетрудно для академика.

Кирилл Борисович облокотился на колени и смотрел на темные кроны деревьев, освещенные блеском выросшей луны. Профессор не произносил ни

слова еще долгое время, пока студенты продолжали задавать Захару свои вопросы о природе этих мест, о том, что заинтересовало их, удивило и взволновало. Захар слушал радостные нетерпеливые голоса, смутно осознавая, что разговор с ним стоил для молодых людей и девушек большего, чем все эти эксперименты.

Профессор поднялся со своего места и прогулочным шагом двинулся вдоль палаток. Герасимов, закуривая на ходу, догнал его. Они поравнялись на уже не освещенном костром пространстве за лагерем. Профессор заговорил первым:

— Я хочу продолжать исследования. Хочу уйти.

— Боже, Кирилл, о чем ты говоришь, — Герасимов держал сигарету в левой руке. Дотрагиваясь до своей холеной бороды с красивой густой проседью, он смотрел на него с высоты своего роста. — Зачем тебе это нужно? Ты подумай, что ты делаешь!

— Нет, Миша. Я давно был занят не тем. Я хочу оставить свою прежнюю жизнь.

— Я просто не верю своим ушам! Ты должен все равно остаться на кафедре. Можешь делать все что угодно, только не оставляй должность. Сохрани свой статус в институте, тебя прекрасно поймут!

— Ты думаешь?

— Почему нет? Если это тебе интересно. Каждый сам волен выбирать свой путь. Тем более все эти… феномены… до известной степени имеют место быть. На таком поприще нужен серьезный специалист, а не охотники за привидениями! Самое важное, что к тебе прислушаются. А я всегда поддержу тебя, — и профессора обменялись теплыми рукопожатиями.

Тем временем старый лесник решил, что рассказал сегодня достаточно, достал из кармана ключ зажигания и завел свою машину, стоявшую неподалеку, с автозапуска. Затем он обратился к слушавшим его студентам и сказал на прощание:

— На самом-то деле все по-другому… Сказочки сказочками, а и сказка сто раз бывает переписана. А правда… У нас ведь с ней иной-то раз… не долго думая: взял боженьку за ноженьку, да и об пол!.. Счастливо оставаться.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ЗОЛОТО И МЕДЬ

Интонация стихотворений Геннадия Ёмкина

Блаженны алчущие и жаждущие правды;
ибо они насытятся.
Мф. 5, 6

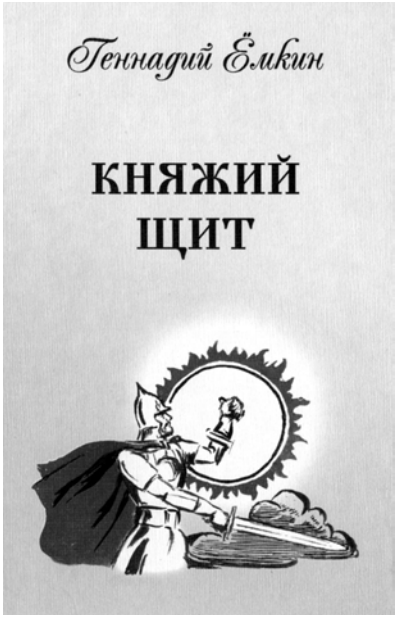
И на просторах всей земли
Луга туманами дышали.
А из ночного дети шли
И в поводу коней держали.
Геннадий Ёмкин

Когда заходит речь о том или ином поэте, в сознании возникает легкий смысловой и чувственный абрис мира, в котором действуют его лирический герой и все другие персонажи, светлые и темные. Всплывают оттиски предметов, наполняющих строки стихотворений автора. И, словно электрические контакты, в соприкосновении с действительностью искрят нравственные постулаты, сшивающие токопроводящими жилами мысли и переживания художника, его негодование и благородный сердечный порыв.

Примерно так читатель воспринимает литературное факсимиле поэта. Четкость и оригинальность этого творческого отпечатка у каждого пишущего своя. Так же, как и таящаяся в словах непостижимая сила, способная развернуть очерк индивидуального художественного мира в собственно поэтический космос — до конца необъяснимый и неисчерпаемый по определению.

Геннадий Ёмкин живет в городе Сарове Нижегородской области. Эти места связаны с именем великого русского святого Серафима Саровского, а также с историей создания советского сверхоружия — ядерной и водородной бомб. Парадоксальное сочетание этих двух смыслов, прикрепленных не только к земле, но и к воз-

духу, воде и самому Небу, непременно должно было отразиться в поэтических строках автора, обладающего твердой мужской волей, ясным образным мышлением и обостренным чувством справедливости.



Однако отражение это на деле оказалось совершенно не буквальным. Оно соединило в себе духовные устремления поэта к святости и простоте, искренности и верной любви — с его внутренней стойкостью воина, родовой памятью, способностью к поступку, который обеспечивает истинность произнесенного и написанного лирического слова.

В биографической справке Геннадия Ёмкина обычно подчеркиваются скупые вехи: служба в Афганистане и три сборника стихотворений. Между тем он не стал певцом военной темы (как, скажем, Виктор Верстаков), не превратился в лирика-трибуна, не пошел по чисто литературной тропе, наполняя стихотворные этюды пейзажем, характерностью, бытом. Сокровенный человек в нем переплавил все пережитое, соединил с древними интуициями, с православным подвижничеством и жертвенностью и явил перед читателем художника глубокого, страстного, истинно русского, способного сопрягать наглядное с метафизикой бытия. А упомянутый литературный антураж оказался включен в его поэтический мир на общих правах — в свою очередь, помогая поэту высказываться широко, не возноситься над ближним и не забалтывать высокие слова.

В 2010-м была издана книга Ёмкина «Княжий щит», за последние годы написаны и опубликованы многие стихотворения, в которых образ автора проявился по-новому. Кажется, он вместе с воздухом полей и лесов способен теперь охватить куда более широкие пространства. Вместе с тем взгляд его стал острее, слух отчетливей — лица современников, их говор и чаяния в стихах поэта приобрели ту проникновенную убедительность, которой отличаются персонажи на полотнах художников-передвижников.

В жестокий век, в глухие времена
Я память сохранил о лучших годах.
Тогда сияло солнце в русских водах!
Тогда сияло слово в письменах!

Я жизнь принёс, Отчизна! Не отринь.
Она для тех, кто говорит не всуе,
Она для тех, кто истины взыскует
И не хулит отеческих святынь.

А вот душа.
Её возьмите те,
Кто на краю, потерян и страдает.
Пускай она свечою тонкой тает,
Но светит всем, кто брошен в темноте.

Вот кровь моя.
Возьмите, Времена!
Я кровно перед Родиной в ответе.
Быть может, ей напишут наши дети
Святые на знамёнах имена.

Вот кровь, душа, и жизнь моя, и память.
Возьмите всё! Мне нечего добавить.

Ёмкин говорит все то, что может встретиться в разных вариациях и у других поэтов. Словарный состав этой вещи не оригинален, но вот что существенно: в каком-то ином стихотворении может отсутствовать один из обозначенных смыслов, сочетание их окажется непохожим, даже порядок произнесения будет не тот. И исчезнет иерархия, в соответствии с которой устроена внутренняя жизнь автора, пропадет почерк и интонация. А ведь именно они определяют духовные черты художника и помогают собеседнику уяснить, что за человек находится перед ним, что стоит за его речами. Потому-то процитированные стихи представляются как бы авторизацией поэта, образно говоря, его личностным «дактилоскопическим» оттиском.

В поэтическом письме Геннадия Ёмкина есть едва уловимая «негладкость» стихотворной строки. Она присутствует в его произведениях всегда и характеризует «художественное произношение» автора. Было бы неправильно видеть в этом некую умственность ёмкинского слога в ущерб музыке. Перед нами — та черта, которая делит мысль и поющий звук в авторской пропорции. Это фонетический облик поэта, его не повторимая никем другим способность говорить и петь с ясным сознанием того, где уместна сухая речь, а где — летящее слово, соприкасающееся с песней. Подобный литературный язык продиктован как горькой думой автора об изнанке жизни, так и его упрямой верой в красоту мира, изначальную чистоту сердца, в любовь, что движет солнце и светила.

И еще — в непостижимый и многострадальный русский народ...

У Ёмкина правда мужицкая намного ближе словам Спасителя, нежели государственные уложения. И разбойные имена подчас содержат в себе зерно Христовой Истины, втиснутой в рамки земной свободы и справедливости. Разумеется, это — «относительная правда». Однако — живая и народная, т.е. межличностная, общая и древняя.

Когда набатный колокол гудел,
Тогда, крестясь на хаты и иконы,
Он брал топор.
Раскачивались троны,
Когда мужик вставал за свой удел!

...И дым, и лязг, и ржание коней!
По хатам вой и плач и шёпот бабий.
Сошлися правды.
Царская — сильней.
Мужицкая — правее и кровавей...

О том набатный колокол гудел,
Когда, рванув исподнюю рубаху,
Мужик за правду восходил на плаху,
За волю, за землицу, за удел.

И, кланяясь последний раз кресту,
Калеченый уже, кричал народу:
— Мужик — Рассеи царь и воевода! —
И ближе был, чем оные, Христу.

Бунтарь на лобном месте кланяется в последний раз кресту. А значит — не отъединяет себя от небесного смысла, воспринимая воплотившегося Бога как Царя обездоленных.

Стихи Геннадия Ёмкина отличаются удивительно чистой интонацией, которая характеризует автора еще и как человека. У читателя не возникает ни малейшего сомнения в том, о чем плачет и за что вступается поэт. Едва заметная дистанция, которой литература отделена от собственно жизни, здесь отсутствует. Напротив, стихотворные строки сращены с жизнью настолько плотно, что иные отвлеченные суждения в таком контексте никак не утрачивают видимых корневых нитей, которые связывают интеллектуальное пространство с реальным, теплым и кровяным, учащенно дышащим: «Родина — понятие конкретное, // А не поэтическая блажь!» В стихотворении, посвященном «Иванам, не помнящим родства», портрет беспамятного человека с мелкой душой замечательно точен:

Я вчера оплакивал родню,
Родину оплакивал и совесть.
А сегодня лыблюсь и стою,
Ни об чем таком не беспокоясь.

Между тем конфликт-противостояние ума и души, столь свойственный поэтическому творчеству, высвечивается и в ёмкинских стихах. Разум дает имя звездам, однако на самом-то деле звезды хранят наивного человека, т. е. подчинение тут совсем другое: «Усни, могучее сознанье! // Душа внимает небесам» («В лесу осеннем»). Отдавая первенство чувству, интуиции, поэт не боится быть по-житейски простым. Говоря о набатном колоколе, он безыскусно роняет, будто речь идет о каком-то знакомом человеке: «сколько у него родни, а смотри — не зазнается». Это свойство поэта очеловечивать окружающий мир отчетливо обозначил еще Блок, и с тех давних пор оно стало приметой русской лиры. Именно потому отечественная муза, останавливая свой взгляд на чем-то мимолетном, видит нечто значимое, а порой — и знаковое, сокровенное.

В мартовской луже чешет грудку сизый голубь, мимо спешат прохожие, «а я отчего-то встал. // Голубь... — подумал, — все же... // Ишь, как заворковал!» Природа и небеса, уставшая душа и яркий весенний свет, поселяющий в сердце надежду, — здесь многое сосредоточено в образе, выхваченном из повседневности острым зрением художника. В сюжетах Ёмкина любовь к земному миру отличается нежностью, но роль неба значительнее: удаленная от мирской суеты и тягот инстанция будто придает человеку духовную форму, держит его нравственные контуры, дабы он не потерял собственных живых очертаний, не превратился в грязь или чудовище.

Ужели поздно песни петь
И позднее аукать счастье,
А это золото и медь —
И есть последнее причастье?

Ну что же, ветви всех берез
Меня оплачут, слава Богу.
А небо высушит дорогу
И лица, мокрые от слез...

Даже единственный полет к земле срубленного дерева, «бронзового чуда», происходит «не отводя от неба глаз»...

В проникновенном стихотворении «Не плачь» внутренний взор автора сосредоточен на той черте, где сердце еще откликается на родные голоса, «но смутный впереди покров мне приоткрыт неотвратимо». Пространство духа, в котором царят верность, мужество, справедливость и товарищество, между

тем лишено знакомых штрихов отчего края — мимолетных и щемящих душу своей беззащитностью: «там… солнце холодно и мглисто».

О, там другие времена!
Другие звезды и объятья!
И там другие стремена
Ушедшие готовят братья.

Тонкий метафизический мир у Ёмкина очень часто не высвечивается как подложка действительности, но словно бы накладывается на реальную картину с некоторым сдвигом — дабы произошло сопоставление здешнего и надмирного. Эти два чувства — тяга к небу и нежность ко всему земному — отличительная черта ёмкинской лирики. В какой-то степени тут наглядна сама природа человека — двусоставная: телесная и душевная. Не становясь воителем тонких пространств окончательно, лирический герой продолжает быть ратником зримых сражений, одухотворенным и ранимым. Кажется, он стремится выполнить собственную человеческую миссию: пройти жизненный путь и приуготовить себя к последующему бытию.

Этот несколько абстрактный тезис в стихах Ёмкина воплощен с удивительной рельефностью. Люди и земля противоречивы, но достойны понимания и сочувствия, жалости, негодования и какой-то широкой, необъяснимой во всех своих мотивах любви. Высокий мир придает смысл душевным терзаниям, самим своим существованием он вживляет в сердце состояние непрекращающегося диалога. Для одних такой диалог звучит постоянно, для других — по обстоятельствам, а то и никогда. В стихотворениях Геннадия Ёмкина диалог земли и неба оказывается фундаментом, на котором выстроено художественное здание его поэтики.

Заметим, в отличие от многих стихотворцев эгалитарной эпохи, испытывающих нужду только в слушателе, истинному поэту нужен еще и собеседник — в какой-то степени собрат по мирскому пути. Речь идет о собеседнике «провиденциальном», в котором объединены знание о земной почве и прозрения духа. И в этом контексте Ёмкин следует классической линии русской поэзии, которая была четко обозначена век тому назад Мандельштамом[1].

Когда иду под шумным сводом сосен,
Я не могу избавиться от чувства,
Что светлый мир порой настолько грозен,
Насколько сердцу во Вселенной пусто.

Я видел, как деревья умирают,
Я к смерти многих даже был причастен.
Я видел то, как люди выбирают
Красивых самых, режут их на части.

[1] О.Э. Мандельштам. О собеседнике. 1913.

Скажите мне, что этот мир не грозен,
Что он храним любовью во Вселенной;
И я скажу:
— Я видел слезы сосен,
Я слышал плач березы убиенной.

Три фигуры образуют круг, где идет напряженный разговор, ни на минуту не прекращающийся: реальный поэт — небо, звучащее в его душе, — собеседник, к которому обращены стихи и который своими словами может пересказать волю небес и чаяния простолюдина. И читателю становятся понятными и близкими «земные бр***а***тушки» — сподвижники Степана Разина, «полуангелы в армяках», вспоминающие на облаках прежнюю волюшку. И старичок-домовой из народных поверий, что «зевнет мохнатым ртом», глянет на лампадку, стоящую перед иконой, «и покрестится потом». И полет молчаливого ворона, ожидающего героя у последней черты, где будет разделено «поровну все, что было в судьбе»: тело — мрачной птице, «остальное» — запредельным князьям. И страстные слова измученного сердца, обращенные к Создателю: «…Архангелов! Архангелов на землю // Пришли с мечом и праведным огнем!»

Древняя Русь, пронизанная чувством рода и окружающих стихий, у Ёмкина соседствует с Русью Святой, неотделимой от нравственного закона и от самого имени Христа-Спасителя. В этом нет сердечной неразборчивости, напротив — перед нами воплощение народного стремления обрести полноту собственной истории — как событийно-хронологической, так и чувственной, когда спасение души не противоречит пониманию и восприятию природы, в которую телесно вписан русский человек. Потому-то в ёмкинских стихах и народная поэзия находит свое очередное яркое воплощение, отблескивает ритмом и интонацией, образными приемами и характеристиками героев.

То ли выдались ночи сол***о***вьи,
То ли что-то другое не в счет,
Но Наталья идет в обнове
И коса по плечу течет.

В сарафане — таких не сыщешь!
Изумруды в глазах — до дна!
Есть другие, наверно, тыщи,
Но такая идет одна!

Ах, Наташенька, свет Наталья!
Не тебя ль заждалась заря
Там, где к речке сбегает тальник,
Соловьями заговоря?

Ах, Наташенька, свет Наталья!
Что задумалась на пути?
А один-то, один — охальник,
Ой, как свищет! Иди, иди…

Для того-то и ночи сол***о***вьи,
Чтобы с милым до ***у***тра быть.
Оттого и трава шелковей,
Чтобы косыньку распустить.

У Ёмкина бытовая, разговорная речь сопутствует высоким понятиям и приближает отвлеченное к повседневности. Тем не менее его стихи по-мужски очень сдержанны. В них нет бабьего нытья, скуки, перебирания предметов внешнего мира в попытке избыть одиночество и скрытый страх перед смертью — равно как и заупокойных мотивов, связанных с тяжкой долей России и распространившихся в минувшие десятилетия подобно эпидемии. Называя себя наследником древних «канувших племен», лирический герой признается: «Я в небесах еще не вижу знака, // что русский дух к забвенью обречен».

Притом автор с состраданием наблюдает за странным худым стариком, который «стучит ногою деревянной куда-то к свалке городской». Рядом с иными отверженными калеками, никому не нужный «в чреве атомного века», он умрет — как уснет. «Исчезнет русский человек», — с горечью роняет поэт, повторяя древний вопль многострадального Иова: «И не доносится до неба, // Как в землю он ногой стучит».

Наблюдая роковое движение событий, словно евангельский апостол, он признается: «слезами не омоешь это время…»

И в небесах архангеловы трубы
Еще молчат. Но им известен срок.

В стихах Геннадия Ёмкина лирический герой кажется то провидцем, то хранителем минувшего, однако он совсем не похож на харизматического мудреца. В них много живой теплоты, мягкой улыбки, пейзажных примет, трепетания сердца от радости, печали, гнева, любви, скорби. И еще — долгая дума о родной земле, о русском человеке в его подвиге и слабости.

Образ песнопевца, возникающий перед глазами читателя, удивительно демократичен, в нем нет «цеховых» примет литературной богемы. И такая близость его каждому искреннему человеку, наделенному поэтическим слухом, перетекает в стихи, у которых нет тематических границ. Ведь их создатель — как ты и я, только он хранит и раздает слова.

Жил человек. Свободный словно ветер.
Хранил слова и снова раздавал.
И в них он вечно будет жить на свете,
Его Господь на то поцеловал.

Олег ПУГАЧЁВ

«ЛЕРМОНТОВ. МОСКОВСКИЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА»

Рецензия на книгу С.А. Бойко*.

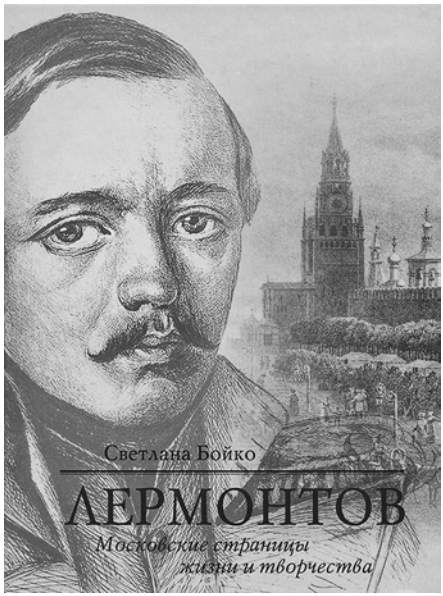
Юбилейный, уже прошедший Лермонтовский год получил естественное продолжение в Год литературы. При обилии изданий, посвященных жизни и творчеству великого поэта, трудно выбрать те сравнительно немногие, которые отличались бы от всего потока литературы двумя главными свойствами: служили более углубленному восприятию, пониманию лермонтовского творчества и носили бы на себе печать истинного интереса к биографии и художественному наследию поэта. Одной из таких замечательных книг является работа Светланы Андреевны Бойко — старшего научного сотрудника Государственного Литературного музея, члена Московского филиала Межрегионального Лермонтовского общества.

Жизнь исследовательницы давно и прочно связана с историей русской классической литературы и, конечно, с именем Лермонтова. С.А. Бойко известна в кругу лермонтоведов как добросовестный исследователь, чьи музееведческий, историко-литературный и персонологический подходы опираются на научно обоснованную методологию. Тем не менее книга о лермонтовской Москве читается захватывающе, она не обременена излишней специальной терминологией и не уводит читателя далеко от заглавной темы.

Книжные страницы, их содержание передают авторскую любовь к поэту, «печалование» о трудной и трагичной его судьбе, радость о счастливых днях и годах... Это сопереживание поэту наполняет книгу особыми приметами душевной близости, теплоты... так и кажется, что вот опустился на землю тихий московский зимний вечер и засветились московские окна девятнадцатого, лермонтовского века. Хотя... какой он был стремительно-недолгий, этот лермонтов-

* Бойко С.А. «Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества». М.: Планета, 2014. 176 с. Илл.

ский век! И все же: так плотно сидят его события на оси времени. Москва, «спаленная пожаром» наполеоновского нашествия, еще только отстраивается заново, а в ней, в ночь, скорее всего, со 2 на 3 октября 1814 года (по старому стилю), родился знаменитый, великий наш поэт, воспевший ее подвиг в своих бессмертных строках.



Автору удается всесторонний показ той роли, которую сыграла древняя столица в жизни М.Ю. Лермонтова. Урбанизм мегаполиса столь же беспощаден, как беспощадно-антиэстетично само это словосочетание: урбанизация отрывается от собственно города и стремится быть хозяйкой всего — времени, людских судеб. Каменные, бетонные джунгли с их пестрыми рекламами и гулом машин поглотили и дом генерал-майора Толя, в котором родился будущий поэт, и Красные Ворота, украшавшие площадь перед ним, и церковь Трех святителей, в которой младенец получил крещение... И только прекрасные иллюстрации, помещенные в книге, переносят нас в давний мир, и среди них — рисунок Д.М. Струкова (1856), на котором, по счастью, виден угол генеральского дома. А вот в доме Феклы Ивановны Черновой, «купецкой жены, вдовы», расположенном на Малой Молчановке, Лермонтов прожил не два, а три года, что установила Светлана Бойко, опираясь на архивные документы. В начальный период московского пребывания бабушки и внука — с 1827 по 1829 гг. — кровом им служил деревянный флигель домовладелицы Е.Я. Костомаровой, «гвардии прапорщицы».

Архивные документы, приводимые С.А. Бойко, в том числе и впервые, воскрешают картины московского быта в их мельчайших деталях. А это так важно для того, чтобы ярче представить условия, в которых зарождался и вызревал новый гений русской литературы.

Мы знаем, как ревностно относится каждый музей М.Ю. Лермонтова к тому, что связывает данное место с конкретными произведениями знаменитого поэта, и все же трудно упрекнуть автора за следующий пассаж, ибо здесь предполагается то, что вполне может быть истиной: «... семейная ситуация, нашедшая воплощение в юношеской драме Лермонтова (т. е. «Люди и страсти» — **О. П.**), произошла именно в Москве, а не в Тарханах...» — замечает автор

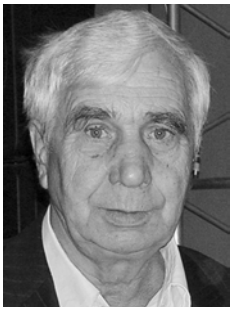
по поводу спора бабушки и отца молодого барина о том, где же Юрию продолжать свое обучение — в Германии или Франции... или... оставаться в своем отечестве, а значит, рядом с бабушкой... С.А. Бойко кропотливо сопоставляет устоявшиеся датировки московских лет и дней Лермонтова с известными и новыми архивными документами, что позволяет ей внести серьезные уточнения в лермонтовиану прошлых лет, причем не только в летопись жизни и творчества, но и в персонологию, и в иконографию (см. в «Приложении» главы «И еще о М.А. Щербатовой», «Судьба портрета М.М. Лермонтовой», «Автор юбилейного портрета», «О первом офицерском портрете М.Ю. Лермонтова»).

Надо сказать, что, как водится в науке, многие лермонтоведческие вопросы представлены как проблемы, что открывает перспективу поиска, намечая тенденцию будущих исследовательских шагов. Особый интерес вызывает авторская гипотеза о роковой роли «друга-врага» в судьбе поэта. Речь идет о Марии Лопухиной, старшей сестре возлюбленной поэта — Варвары Александровны Лопухиной, в замужестве — Бахметевой. Гипотеза, предложенная исследовательницей, психологически убедительна, но как жаль (если мы решимся) расставаться со сложившимися представлениями и как опасно бросить тень на человека, который случайно оказался в фокусе фактов и догадок, что нами воспринимаются как убедительные или даже неопровержимые... Тем не менее важная «проблемная» страница в биографии и творчестве поэта оказывается грамотно расшифрованной, с привлечением произведений молодого гения, носящих явно биографический характер, с опорой и на житейское знание особенностей женского сердца. Но более всего в данном эпизоде восхищает способность Лермонтова пользоваться правом прощать, признаваемым им самим «святым».

Прекрасные иллюстрации и оформление книги привносят дополнительное впечатление эстетической подлинности воссоздаваемых Светланой Бойко московских страниц жизни и творчества М.Ю. Лермонтова.

Мы не упомянули в этой рецензии ни о Середниково, ни о других местах Подмосковья, а между тем и они не обойдены вниманием исследовательницы. Но особенно поражает читателя тот широкий круг знакомых, родственников, друзей, который был близок Лермонтову в Москве. И почти о каждой персоне из лермонтовского окружения С.А. Бойко сумела отыскать и дать читателю интересные сведения, — так и кажется, что это все было не два века назад, а совсем недавно, вчера.

Нам остается поздравить автора с удачной книгой и пожелать читателям плодотворного знакомства с этой добросовестной работой.



Эдуард АНАШКИН

СЛОВА, ПОДАРЕННЫЕ ВЕТРУ

О новой книге В. Дорошиной

В России так повелось: не жалуют тех, кто бросает слова на ветер. Но ведь нет правил без исключений! Потому я решил рассказать о новой книге поэтессы, члена Союза писателей России Веры Дорошиной. Её поэтическая книга называется «Слова на ветру». Автор словно побуждает внимательного читателя открыть новые смыслы этого устойчивого словосочетания. Если задуматься: кто такие поэты, как не люди, бросающие слова (а вместе с ними порой и свою судьбу) на ветер? Но ветер, в свою очередь, поднимает слова к небу, делает слова летящими и крылатыми, словно соловьи:

Ты скажи, соловей, из какого столетья
Залетел в эту майскую ночь?
Знаешь ты, не сумею посметь я
Свой житейский удел превозмочь,
Сколько ты ни зови и ни лей свои трели
О прекрасной любви. Мой покой
Унеси. И пускай на пределе
Мое сердце забьется. Тоской
Напои меня всласть,
Всклень наполни печалью,
Чья высокая власть мне важней
Мирных снов голубыми ночами.
Не молчи, не молчи, соловей!

Подобно соловью, отдающему свои песни ветру и людям, поэтесса Вера Дорошина щедро и безоглядно дарит нам вырванные из глубин своей души слова, облечённые в стихотворения. Ведь эти слова кому-то очень нужны — как песня соловья, как журчание ручья, шум леса...

Творческая биография Веры Дорошиной пока умещается в один абзац. Родилась в 1979 году в Пензе. Там же окончила отделение журналистики филологического факультета Государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Является автором шести книг: «Начало дня» (1997 г.), «По ниточке» (1998 г.), «Прогулки с ветром» (1998 г.) и др. Печаталась в коллективных литературных сборниках. Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет». Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова... Между тем читаешь стихи этой молодой женщины — и понимаешь, что она много перечувствовала и пережила. И потому заслужила то священное право поэта — бросать слова на ветер, который является посланником неба. А именно небо и является главным адресатом многих стихов поэтессы:

Небо гораздо ближе,
Нежели мне казалось.
Вижу — вот оно движется,
Став твоими глазами.
В нём пролетают птицы,
Солнца зрачков тают.
С синью его слиться —
Таинство из таинств.
Настежь открыт космос.
В лёгких иссяк воздух.
Час — забывать, кто мы.
Час — целовать звёзды.

Бросающая слова на ветер, целующая звёзды Вера Дорошина не забывает при этом, что она русский поэт на русской земле. И это для неё не красивая абстракция, а конкретика, которая держит поэта корнями в родной земле, помогая ему расти ввысь. Но не та конкретика, что сегодня воплотилась в цифры и экономические понятия. И не та, которую мы ранее называли бытом, а сегод-

ня и вовсе можно назвать её бытовухой. А та конкретность, которая относится к таким бытийным понятиям, как творчество, ответственность земного человека перед небесными заветами.

Лети! Листай свои страницы
В огромной книге бытия.
Я улыбнусь, когда приснится,
Что в их сюжет вплетаюсь я.
Пусть не собьётся сердце с курса
И крылья на полёт легки,
Прислушайся к биенью пульса
Держащей этот мир руки.

Как бы ни был огромен мир, лежащий у наших ног, но держит его рука человека, в данном случае — рука хрупкой молодой женщины, которая способна чувствовать и запечатлеть в крылатых словах апокалипсическое ощущение близкой бездны, к которой человечество так опасно приблизилось. И даже порой не замечает этой гибельной близости:

...И жадно напрягаешь слух,
Внимая безымянной бездне...

Апокалипсические ноты очень сильны в этой книге. Сейчас, в связи с геополитическими событиями последних лет, многие из нас живут ожиданием конца света. И, конечно, поэт живёт не в безвоздушном пространстве, и эти ощущения проходят через его сердце:

Томится бледный конь конца,
Обуреваем жаждой бега.

Но в книге «Слова на ветру», несмотря на апокалипсические интонации, очень сильна уверенность, что человеческое в человеке всё-таки восторжествует:

Я проживаю имя «человек»,
Я прохожу сквозь пытку узнаванья —
Сквозь первый белый, обреченный снег,
Сквозь горько обретаемое знанье.
Вальсируя на замерших весах
Скользящего изменчивого мира,
Я постигаю первородный страх
И радость бытия — чумного пира...

Наша жизнь сегодня во многом похожа на пир по время чумы. Фактически идёт третья мировая война, гибнут люди, но мы видим, что мир живёт так, словно ничего этого не происходит, занятый котировками курсов валют, новинками моды, политическими игрищами…Что это, как не пир во время чумы? И что может противопоставить этому поэт, вооружённый только словом? Пустить слова на ветер, словно белых небесных посланцев мира — голубей? А может, выпустить слова, сопряжённые в земные военные обоймы, словно пули? В стихотворении «Два мира» поэтесса на разные чаши весов положила мир небесный и мир земной, уютный мирок.

Один — исчадье логики железной —
Уютный застрахованный мирок.
Другой — большой и вроде бесполезный,
И ничего не накопивший впрок.
Один, как клетка золотая, тесен.
Другой пугающе распахнут и широк.
И мечется душа от мягких кресел
До полной метафизики дорог,
Из плоскости слепых горизонталей
В безмерное пространство чёрных дыр.
И путь её до горечи фатален.
В попытках обрести единый мир —
Жизнь космоса с земной уравновесить
И вещное как вещее понять —
До бесконечности с очей своих завесы
Ей предстоит срывать, срывать, срывать…

Закрытый мир маленького земного мирка, закрывшегося от дорог мира небесного — огромного, раскинувшегося за пределами стен, придуманных человеком для спокойствия и удобства. Горизонталь, близкая и понятная маленькому мирку, не случайно предстаёт в этом стихотворении как «слепая», потому что она, говоря в простоте, за земными деревьями небесного леса не видит. Потому что она, как правило, не способна подняться до высот той «вертикали», которую одни из нас называют Богом, другие — космосом, третьи — вселенской отзывчивостью русской души. Вера Дорошина не даёт читателю готовых рецептов, она верит в читателей, в нас с вами. Верит в способность человека сорвать завесы с очей и принять непростой наш мир, где слиты воедино земное с небесным.

Александр ЕРЁМЕНКО

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ШЕСТОГО ЛУННОГО МЕСЯЦА В ПЕНЗЕ

Храм на вершине горы.
На горной вершине
Ночую в покинутом храме.
К мерцающим звездам
Могу прикоснуться рукой.
Боюсь разговаривать громко:
Земными словами
Я жителей неба
Не смею тревожить покой.
Ли Бо

Поднебесная

Поднебесная — теперь так называют Китай только поэты. Но было время, когда страна официально носила имя «Поднебесная империя» (Тянь-Ся).

Древние китайцы считали, что в мире было пять сторон света: юг, север, восток, запад и Центр. Именно над Центром находился вход на небо, и здесь был расположен поднебесный Китай, который имел с небом прямую духовную и физическую связь.

Поэтому Великое Небо почиталось китайцами как символ Божественного, чистого начала. На этом были основаны и вера, и обряды, и традиции. Вся же огромная страна, руководимая Небом, называлась Поднебесной империей.

Тянь-куан цзе

В шестой день шестого лунного месяца по лунному календарю в Китае празднуется Тянь-куан цзе, или «Чествование Небес». Поэтому этот праздник не имеет фиксированной даты. Число «шесть» в китайской астрологии имеет особый смысл. Оно считается центральным числом и олицетворяет счастливое исполнение и достижение поставленных целей.

«Панда — символ Китая». Рисунок Анастасии Виноградовой (9 лет, г. Иваново)

«Китаянка и Великая китайская стена». Рисунок Риты Салварян (10 лет, г. Кропоткин)

«Статуя Будды». Рисунок Инны Зотовой (13 лет, г. Барнаул)

Все члены семьи собираются в этот день за столом, для которого готовятся специальные блюда — пампушки. В атмосфере благовоний читаются молитвы главному китайскому богу — Небу. Сейчас этот праздник не является официальным в Китае.

Древние традиции Тянь-куан цзе бережно передаются из поколения в поколение. В этот день принято мыться, стирать одежду, купать домашних животных.

Китай — Россия: Мосты дружбы

В этом году шестой день шестого лунного месяца по лунному календарю пришелся на 21 июля. Именно в этот день в областной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова в Пензе открылась выставка рисунков финалистов и победителей Первого российско-китайского конкурса детского и юношеского художественного творчества «Китай — Россия: Мосты дружбы», проходившего в рамках годов российско-китайской дружбы и молодёжных обменов (2014 — 2015). Более четырех тысяч работ было представлено на суд жюри. А 15 марта 2015 года жюри назвало имена трех победителей конкурса.

Конкурс был организован межпарламентской группой дружбы «Россия — Китай», Комитетом Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, китайским телеканалом CNTV, интернет-порталом «Юный художник», альманахом «Путешествие по России», российским каналом «Карусель».

Конкурс содействует сближению двух государств и вносит свой вклад в дело укрепления российско-китайских культурных связей. Это важный шаг на пути к взаимопониманию наших народов, история отношений которых насчитывает не одно столетие.

Спасибо всем ребятам, принявшим участие в конкурсе, в том числе и детям из Пензенской области, — все они очень постарались. Рисунки поразили воображение своей масштабностью, очаровали красотой, отличным знанием географии и истории, традиций и обычаев. Мы теперь знаем, как живут на своей родине представители самой многочисленной нации Земли, лучше понимаем эту загадочную страну с богатейшей культурой.

Хотелось бы привести слова одного из членов жюри, главного редактора телеканала «Карусель» Татьяны Цываревой: «На мой взгляд, умение дружить, как и умение рисовать, — это искусство. Работы, которые представлены на конкурс, рассказывают о том, что у настоящей дружбы нет границ!»

Что ж, можем с уверенностью утверждать, что Россия и Китай построили новый мост дружбы!

Сурский мост дружбы

Пенза стала первым городом в России, где прошла демонстрация этих рисунков. И это не случайно. Пензенская область имеет давние дружественные связи с китайской провинцией Сычуань.

В конкурсе приняли участие более 60 детей из Пензенской области.

Наиболее активные участники из Пензы и Городища приглашены сегодня на открытие этой выставки. Их работы также представлены в экспозиции выставки.

Почетными дипломами Первого российско-китайского конкурса детского и юношеского художественного творчества «Китай — Россия: Мосты дружбы» награждены ученики и преподаватели лицея архитектуры и дизайна № 3 (г. Пенза) и Городищенской детской школы искусств (г. Городище).

Ученики: Арус Акобян (19 лет), г. Городище; Полина Ванякина (14 лет), г. Пенза; Кристина Геристовская (14 лет), г. Городище; Даниил Жучков (11 лет), г. Городище; Светлана Земскова (14 лет), г. Городище; Надежда Мохначева (15 лет), г. Пенза; Арина Окроева (13 лет), г. Городище; Екатерина Процышина (14 лет), г. Городище; Кристина Сафронова (14 лет), г. Пенза; Виктория Соколова (15 лет), г. Пенза; Валерия Спиридонова (13 лет), г. Пенза; Марина Якубовская (13 лет), г. Городище.

Преподаватели: Людмила Петровна Климанкова, Городищенская детская школа искусств; Елена Юрьевна Малкина, лицей архитектуры и дизайна № 3 г. Пензы; Кристина Андреевна Мумренкова, Городищенская детская школа искусств.

Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Надеемся, что конкурс побудил у многих желание еще больше узнать историю и культуру Китая, наполниться мудростью великих философов — Конфуция, Лао-цзы и Чжуан Чжоу.

Приглашаем всех в областную библиотеку имени М.Ю. Лермонтова совершить небольшое путешествие в Китай, а помогут в этом участники Первого российско-китайского конкурса детского и юношеского художественного творчества «Китай — Россия: Мосты дружбы». Выставка продлится до 18 августа. Потом она переедет в Губернаторский дом.

А чтобы путешествие удалось в полной мере, изучите внимательно каждый рисунок и описание к нему — они лучше всяких путеводителей!

Каждый рисунок снабжен QR-кодом, по которому вы можете быстро перейти на страничку художника.

Все работы участников, победителей и призеров Первого российско-китайского конкурса детского и юношеского художественного творчества «Китай — Россия. Мосты дружбы» можно увидеть на сайте: http://youpainter.ru.

От имени организаторов Первого российско-китайского конкурса детского и юношеского художественного творчества «Китай — Россия: Мосты дружбы» хочу поблагодарить Екатерину Аксёнову, Кирилла Застрожного, Марину Осипову, Марину Семернину, Евгения Шилова, Людмилу Цыганову за всяческое содействие в организации выставки рисунков в городе Пензе, а также Ирину Каравайкину, Софию и Нику Мухтаровых за веселый урок китайского языка на торжественном открытии.

Не теряя мгновенья,
вдохновим же себя усердьем,
Ибо годы и луны
человека не станут ждать!

Тао Юаньмин

ПЕСНИ АННЫ СКОРОБОГАТЬКО

У МАЛЕНЬКОЙ ЗВЕЗДЫ

Проигрыш:
A E F#m D E
A E F#m E
A

A D A
У маленькой звезды
A F#m
И сил совсем немножко,
Hm D
Она не пошатнет
E
Ночного неба твердь.
C#m D
Упав к твоим ногам,
F#m
Поместится в ладошках,
Hm D
Но рук твоих тепла
E A
Ей хватит, чтоб взлететь!

A D A
У маленькой звезды
A F#m
Тяжелая работа:

```
   Hm              D
Маячить в темноте
              E
Крупинкой серебра,
  C#m           D
Пока в ее судьбе
              E        A
Не встретится хоть кто-то,
    F#m             H
Избравший для себя
            D        E
Нелегкий путь добра.

    A       D        A
У маленькой звезды
  C#m       D
Особое свечение —
 F#m          H
Она не греет рук,
          D     E
Но душу обожжет!
    C#m             D
И в этом главный смысл
          F#m
Её предназначения:
    Hm            D
Пылающий внутри
         E        A
Дорогу сам найдет...
```

Проигрыш

РОМАШКОВЫЙ РАССВЕТ

Примечание: аккорды прописаны в тональности G, но играются с каподастром на втором ладу, то есть в тональности A

Проигрыш: G Hm Am D

```
      G                    Hm
Рассвет в ромашковых полях...
    C                  G
С улыбкой мудрого японца
```

F#m H
Я встречу ласковое солнце,
Em Hm
Я встречу ласковое солнце
Am H7 C
Там, где не властны смерть и страх,
Am D G
Не властны смерть и страх!

Проигрыш

Я буду слушать пенье птиц,
Купаться в волнах трав душистых…
В душе светло, а в мыслях чисто,
В душе светло, а в мыслях чисто —
Таков «закон счастливых лиц»,
Закон счастливых лиц…

Растреплет чёлку ветерок,
На кудри косы расплетая;
Ромашки знать не будут края,
Ромашки знать не будут края,
Подняв бутоны на Восток,
Бутоны на Восток,

H Em
Навстречу Солнцу… Смерти нет,
C D G
Пока Его сияет Лотос!
F#m H
И мы вольны, отбросив гордость,
Em Hm
И мы вольны, отбросив гордость,
Am H7 C
Нырнуть в ромашковый рассвет…
Am D G
В ромашковый рассвет!

Проигрыш 2 раза

РУССКОЕ ПОЛЕ

Em Am Em
Широко же ты, Русское поле…
Em Am D G
Даже ветер не помнит границ!
Am H7 Em
Разрезвился, счастливый, на воле,
Am H7 Em E
Под крылом улетающих птиц,
Am H7 C
Разрезвился, счастливый, на воле,
Am H7 Em
Под крылом улетающих птиц,

Обметая рубахою крыши
Ослеплённого солнцем села,
Где меж листьев редеющих вишен
Золотые горят купола.

Век смотреть на них — не насмотреться,
Уходить — да никак не уйти:
Среди трав позабытое сердце
Отзывается эхом в груди.

H7 E
Отзывается эхом в груди…

ПЕСНИ-ДРУЗЬЯ

Эта песня посвящается клубу «Поющие поэты» — в частности, тёмным февральским субботним вечерам, проведённым в редакции журнала «Сура» рядом с добрыми друзьями!

Проигрыш: Em C Am H7 — 2 раза

1
Em
В тесной компании,
Hm
С кружкою чайною

```
   Dm       E        A
Дружески песни поются.
   Am                    Em
Луна, будто жёлтое блюдце,
    C
Смотрит
  F#         H
Меж фонарей.

   Em
Стужа февральская —
    Hm
Время затаскивать
    Dm    E             A
Старые кости в берлоги
     Am                Em
И кутать озябшие ноги,
 C
Только
    F#    H       Em
Вместе — теплей.

Припев:
  A                  Em
Песни любимые, песни-друзья,
    A                   C                  F#
Старые, новые — кто разберётся?
                       H              Em
Мы споём над планетой Земля
           G
Новое звонкое солнце!
  C         D                        G  C Am H7 Em
Мы воспоём над планетой Земля...

2
Пусть гитаристы
Опытной кистью
Струны сжимают в аккорды!
Легко и немножечко гордо
Лягут
Строки в куплет.
```

И добровольно
Звон колокольный
Свыкнется с маленькой щелью —
Он проскользнёт в нашу келью
Смыслом,
Что не допет.

Припев:
Песни любимые, песни-друзья,
Старые, новые — кто разберётся?
Мы споём над планетой Земля
Новое звонкое солнце!
C D G C Am
Мы воспоём над планетой Земля
H7 Em C Am H7
Новое звонкое солнце…

Проигрыш 1 раз

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Эта песня посвящается ежегодному пензенскому фестивалю «Хорошие люди»!

Проигрыш: C D A — 2 раза

1
A E
Молва разбрелась по свету —
D A
Но нам ничего не жаль!
D A
Хорошие люди едут,
G E
Едут на фестиваль,

D E
Чтоб с песней душа взлетела,
F#m
Чтоб стало в мире светлей,
D E
Чтоб новые счастья сделать,

A E F#m
А может, новых людей…
D E A
И парочку новых людей!

2
А помнишь, как «рвали яйца»[1]
И «бабий» вершили «бунт»?[2]
Гитарой стирали пальцы,
Торгуясь за лиха фунт…

«Бесплатные обнимашки»[3]
И новый уютный дом![4]
Поднимем же дружно чашки,
Как будто бы над костром,
Как будто бы над костром!

Проигрыш 2 раза

3
Хорошие люди — это
Внушительная семья.
И строг наш бессменный мэтр
У солнечного руля,

Что зиждется на афише —
Прохожий, не прозевай!
Друзей не бывает лишних,
Всех ласково встретит май…
Всех ласково встретит май!

Проигрыш 4 раза

---

[1] В 2015 году накануне Пасхи в рамках сбора пожертвований на проведение фестиваля «Хорошие люди» была организована акция «Оторви яйцо — помоги хорошим людям». Волонтеры расклеили по городу объявления с соответствующими надписями, изображениями пасхальных яиц и номерами карт, на которые принимались пожертвования.

[2] «Бабий бунт» — один из концертов серии «Хорошие люди. Межсезонье», приуроченный к 8 Марта. Своё яркое название получил за исключительно женский состав выступающих.

[3] Одна из акций, организованных волонтёрами творческого объединения «Хорошие люди».

[4] Речь идёт о временной штаб-квартире, где собирались организаторы с волонтёрами и, собственно, создавался сам фестиваль.

4
Молва разбрелась по свету —
Но нам ничего не жаль!
Хорошие люди едут,
Едут на фестиваль,

Чтоб с песней душа взлетела,
Чтоб стало в мире светлей,
Чтоб новые счастья сделать,
А может — новых людей…
И парочку новых людей!

Роман ДАВЫДОВ

РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

С Евгением Барановским я познакомился 40 лет назад. Тогда, в 1975-м, я приступил к работе в Кузнецком музыкальном училище, а Евгений Анатольевич был отцом юного и одаренного Андрея, изучавшего основы классической гармонии.

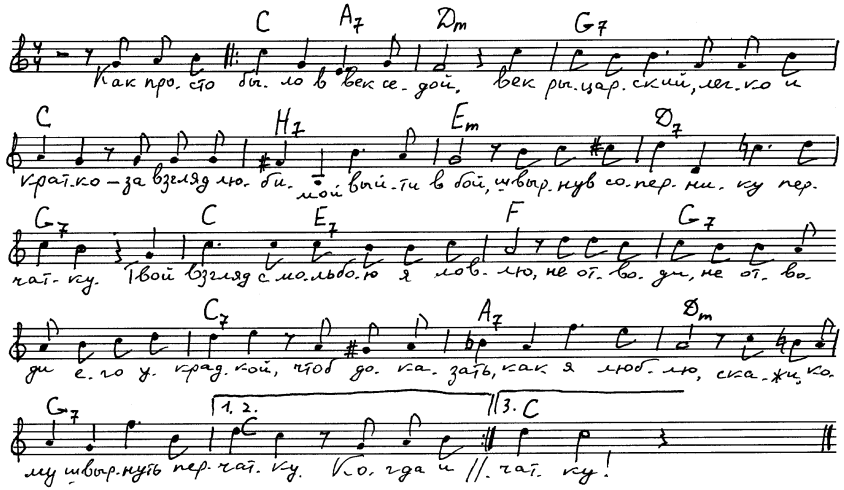
А теперь перенесемся в год 1950-й. Тогда областная газета «Сталинское знамя» (так в то время называлась «Пензенская правда») опубликовала песню пятнадцатилетнего Жени Барановского, одного из наиболее перспективных воспитанников Кузнецкой музыкальной школы. Все прочили ему большое композиторское будущее. Однако продолжать музыкальное образование Евгений не стал, тем более что в его городе среднее специальное заведение — музыкальное училище — открылось только в 1969-м.

Он поступил в Пензенский сельскохозяйственный институт (ныне академию) и там проявил свои творческие и административные способности: возглавил факультетскую, а потом и вузовскую самодеятельность, которая сейчас широко известна в Пензе.

Вернувшись после защиты диплома в Кузнецк, Евгений Барановский пишет музыку для местного драмтеатра (был такой когда-то в его городе), для артистов областной филармонии. В течение целых тридцати лет (1970 — 2000) Евгений Анатольевич являлся главным режиссером массовых праздничных мероприятий в Кузнецке. Он создал студию классической музыки, возглавил хор ветеранов войны и труда «Легенда». Этими коллективами Барановский руководит и поныне.

А теперь слово поэту Ларисе Яшиной. «Наш тандем с Евгением Анатольевичем начался с песни «Неласковая родина», — вспоминает она. — Позже возникли песни «Рябина», «В Тарханах», «Поздняя любовь». Он точно слышит и пишет ту мелодию, которая заложена в моих стихах и звучит во мне».

А еще Барановский был очень дружен с ныне покойным кузнецким поэтом Василием Завьяловым. Наиболее ярким результатом их взаимодействия оказалась песня «Вечное желание». Не забудется душевное исполнение этой мелодии Анатолием Шуватовым, обогащенное аккомпанементом пианиста Александра Ломизова. Публикуемая же сегодня песня была предназначена для другого талантливого вокалиста, Анатолия Постнова. Стихи вручил композитору сам автор — Владимир Застрожный, поэт, режиссер, занимавший в Пензе то же место, что Евгений Барановский в Кузнецке. Владимир Кириллович фактически опекал Барановского как своего младшего собрата. А в начале 2015 года в телепередаче «Моя мелодия», приуроченной к 80-летию заслуженного работника культуры Е.А. Барановского, песня прозвучала в авторском исполнении.



РЫЦАРСКИЙ РОМАНС

Стихи Владимира Застрожного
Музыка Евгения Барановского

1. Как просто было в век седой,
Век рыцарский, легко и кратко —
За взгляд любимой выйти в бой,
Швырнув сопернику перчатку.
Твой взгляд с мольбою я ловлю,
Не отводи, не отводи его украдкой,
Чтоб доказать, как я люблю,
Скажи, кому швырнуть перчатку.

2. Когда идешь ты не спеша,
Торопишься ли на работу,
Хожу я рядом чуть дыша,
Напоминая Дон Кихота.
Пусть рыцарей давно уж нет,
Все шпаги отданы, все отданы в музеи,
По-рыцарски даю обет
Я современной Дульсинее.

3. Ты только мне махни рукой,
Коль жизнь сожмет суровой хваткой.
Здесь рядом верный рыцарь твой,
И на руке его перчатка.
Твой взгляд с мольбою я ловлю,
Не отводи, не отводи его украдкой,
Чтоб доказать, как я люблю,
Скажи, кому швырнуть перчатку!

АЛЕКСЕЕВ Арсений Евгеньевич. Родился в 1971 г. в Пензе. 25 лет жил в Рязани, а недавно вернулся на родину. По образованию врач, кандидат медицинских наук. Печатался в «Вечерней Рязани», «Рязанских ведомостях». Неоднократно публиковался в сборниках международного общества медиков-литераторов, журнале «Поляна» (Москва). Сотрудничал с региональной телерадиокомпанией «Ока», где выступал со своими песнями и стихами. В «Суре» публикуется впервые.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостиный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БЕЛКОВА Мария Васильевна. Родилась в 1990 г. в г. Кузнецке Пензенской области. Окончила Кузнецкий педагогический колледж, пензенский филиал Современной гуманитарной академии. Живет в Кузнецке. В «Суре» публикуется впервые.

БУЯНОВ Николай Анатольевич. Родился в 1967 г. в Пензе. Окончил ПГПИ. Печатался в Москве, Петербурге, Ставрополе, в журналах «Сура», «Южная звезда», «Странник», «Искатель», «Уральский следопыт». Автор книг «Медиум», «Наблюдатель», «Опрокинутый купол», «Клятва на мече», «Призванный хранить» и других. Лауреат премий «Хрустальный парус» (1997), за лучший дебют от издательства «ЭКСМО» (1999) и Губернаторской премии (2004). Член Союза писателей России.

ВОЛОСЮК Иван. Родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области в семье шахтёра. Окончил русское отделение филологического факультета Донецкого национального университета.

Автор шести сборников стихотворений. Публиковался в журналах «Знамя», «Воздух», «Юность», «Литературная учёба», «©оюз писателей», «Крещатик», «Слово/Word». Участник 12 Форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья (Липки, 2012 г.). Живёт в Донецке. В «Суре» публикуется впервые.

ГУРКИН Ибрагим Хамзеевич. Родился в 1956 г. в с. Кочалейка Каменского района, выпускник Кочалейской восьмилетней и Головинщинской средней школ. В 1974 — 1979 годы — студент факультета иностранных языков Пензенского педагогического института имени В.Г. Белинского, выпускник исторического факультета того же вуза (1987 г.). Педагог более чем с тридцатилетним стажем, член Союза краеведов РФ. Перу Гуркина И.Х. принадлежат четыре книги и более 50 публикаций в районной и областной печати. Краевед И.Х. Гуркин принимает активное участие в региональных, всероссийских и международных научных конференциях, на которых выступает с докладами по актуальным вопросам истории нашей малой родины — пензенского края. Награжден знаком «Отличник народного просвещения». Живет в г. Каменке Пензенской области.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

ДОРОШИНА Вера Анатольевна. Родилась в 1979 г. в Пензе. Окончила факультет русского языка и литературы (отделение журналистики) ПГПУ. Поэт, журналист, литературный критик. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, дипломант Всероссийского фестиваля им. А.С. Пушкина «С веком наравне», литературной премии им. А.И. Куприна, премии журнала «Сура». Автор девяти сборников стихотворений. Член Союза писателей России.

ЕГОРЦЕВА Оксана. Член ЛитО авторов Донбасса «Стражи весны», председатель городского отделения Конгресса литераторов Украины. Автор книги «Багряная осень». Живёт в г. Горловке. В «Суре» публикуется впервые.

ЕРЁМЕНКО Александр Алексеевич. Родился в 1961 году в Пензе. В 1978 году окончил школу № 53. В 1985 году окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «физика». До 1996 года работал по профилю в различных НИИ. С 1997 года начал работу журналистом. Сначала в научно-популярных изданиях «Наука и жизнь», «Знание — Сила», «Техника — молодежи», потом перешел на работу в издательство журнала «Путешествие по свету». С 2008 года возглавляет редакцию и издательство журнала «Путешествие по России». Ведет проекты «Неизвестный Солженицын», «Автопутешествия по России», «Юный художник». Является членом Союза журналистов России и Русского географического общества, работает специальным внештатным корреспондентом Совета Федерации РФ и Государственной Думы РФ.

ЁМКИН Геннадий Максимович. Родился в 1961 г. в г. Арзамасе-16 (ныне Саров). Окончил Арзамасский педагогический институт. Служил в Туркмении, Афганистане, на Дальнем Востоке. Преподавал в школе. Работал инструктором по спорту, лаборантом, техником, инженером, кочегаром, дворником, таксистом, плиточником. Был частным предпринимателем. Член Союза писателей России с 2007 г. Автор четырех поэтических сборников, публикаций во многих изданиях России. Его стихи печатались в журналах Казахстана, Болгарии, Беларуси, Германии. Лауреат премии альманаха «Арина» (Нижний Новгород), журнала «Русское Эхо» (Самара), нижегородской писательской организации за лучшую поэтическую книгу 2014 года. Живет в г. Сарове Нижегородской области. В «Суре» публикуется впервые.

ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич. Родился в 1954 г. в городе Легница в Польше. Живет в Воронеже. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В настоящее время — ответственный секретарь и заведующий отделом культуры, искусства и современных проблем журнала «Подъем». Литературный и театральный критик, публицист, автор статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Автор публикаций в журналах «Детская литература», «Подъем», «Сура», «Наш современник», «Русское эхо», альманахе «Теплый стан», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Завтра». Лауреат премии журнала «Подъем» «Русская речь» (2004), премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Член Союза писателей России.

МАРЫНОВ Александр Иванович. Родился в 1947 году в Пензенской области. Окончил филфак Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского. Более тридцати лет работал в районных и областных газетах Саратовской и Пензенской областей. Последние 18 лет — до ухода на пенсию — был главным редактором АНО «Редакция газеты “Наша Пенза”». Публиковался в различных сборниках, журналах. За цикл газетных публикаций «Белорусские встречи» (2010 г.) удостоен Благодарности от Союзного государства России и Белоруссии. В качестве автора, редактора-составителя издал несколько книг, в том числе сборники афоризмов «Симфония разума наровчатцев», «Смело верь тому, что вечно», три книги памяти «Живите с улыбкой», «Уроки жизни», «Считаю себя пензяком». Член Союза журналистов с 1982 года.

НЕЧИПОРУК Иван. Член правления Межрегионального СП и исполкома Международного сообщества писательских союзов. Член СП России, смотритель литобъединения «Стражи весны». Живёт в г. Горловке. В «Суре» публикуется впервые.

ПОЛЯКОВА Виктория. Автор трёх поэтических книг. Работает научным сотрудником в Музее миниатюрной книги. Заместитель смотрителя литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны», член Межрегионального союза писателей и горловского литобъединения «Забой». Лауреат донецкой областной литературной премии им. Г. Кривды. Живёт в г. Горловке. В «Суре» публикуется впервые.

ПУГАЧЕВ Олег Сергеевич. Родился в 1953 году в г. Жигулевске Куйбышевской области. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского по специальности «русский язык и литература», Уральский государственный университет им. А.М. Горького (философский факультет), аспирантуру и докторантуру-стажировку в МГУ им. М.В. Ломоносова. Доктор философских наук, профессор, автор исследований по этике, истории философии, краеведению. В настоящее время — заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы».

РАССАДИН Константин Фёдорович. Родился в 1948 году в селе Улыбовка Саратовской области. Воспитывался в детском доме. В 1972 году по комсомольской путёвке приехал на строительство Волжского автомобильного завода в Тольятти. Автор книг «Дом мое-

го детства», «Не люблю тишину», «Часы откровения», «В начале была проза», «Телега», «Галина», «Вечерняя тишь», «Избранное», двухтомного собрания сочинений. Дипломант Всесоюзного конкурса имени Николая Островского, лауреат Всероссийской литературной премии имени Михаила Алексеева. Основатель и руководитель Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации Союза писателей России. Редактор литературного альманаха «Стрежень» тольяттинских писателей, в котором наряду с местными авторами публикуются литераторы со всех необъятных просторов России. Член Союза писателей России. В «Суре» публикуется впервые.

РОДИНА Елена Борисовна. Старший научный сотрудник Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы». Окончила исторический факультет Киргизского государственного университета. Автор публикаций о М.Ю. Лермонтове и музее-заповеднике в книге «Знаменитые русские усадьбы», в журналах «Жизнь в усадьбе», «Русский язык за рубежом», «Музей», «Мир музея».

СКОРОБОГАТЬКО Анна Александровна. Родилась в 1991 г. в г. Пензе. Окончила ПГУ. Публиковалась в красноярской газете «Мастерская души» и электронной газете «Беседы у Камина». В 2009 г. являлась одним из редакторов газеты «Беседы у Камина». Лауреат международного фестиваля «Мир бардов» (Самара, 2015).

СОКОЛОВ Виталий Германович. Родился в 1968 г. в Пензе. Окончил факультет вычислительной техники Пензенского политехнического института. Работал инженером-математиком в Пензенском научно-учебном центре, в ПО «Завод имени Фрунзе». Многолетний участник театральной студии «Росток». В 2007 — 2009 гг. — зав. литературной частью Пензенского ТЮЗа. С 2010 г. — зав. литературно-драматургической частью Пензенского драматического театра. Автор нескольких пьес, а также более чем 20 циклов стихов к песням для спектаклей Пензенского драматического театра и Пензенского ТЮЗа. Пьеса «Воспоминания об Онегине» опубликована в Москве. Публиковал критические статьи в общероссийской газете «Культура», журнале «Страстной бульвар, 10», пензенских СМИ.

СТАВСКАЯ (ВЕДЬМАШКИНА) Марина Александровна. Журналист, публикации в газетах и журналах г. Пензы («Пензенская правда», «Аиф», глянец «Fashion Collection» и др.).

СТРУКОВА Марина Васильевна. Родилась в посёлке Романовка Саратовской области. Окончила Гуманитарный университет, Высшие литературные курсы (семинар Ю. Кузнецова). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «День литературы», «Волга», в «Независимой газете» и других. Лауреат и дипломант литературных конкурсов им. Н. Некрасова, Ю. Кузнецова, С. Есенина, «Эврика», «Нонконформизм». В «Суре» публикуется впервые.

СУХОВ Валерий Алексеевич. Родился в 1958 году в селе Архангельском Городищенского района Пензенской области. В 1980 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 г. в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъем», «Русское эхо», «Странник», «Молодая гвардия», «Нижегородская провинция», «Простор», в «Литературной газете». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2009), международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» (2010), лауреат премии конкурса «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» (2011). Член Союза писателей России. Член общественного совета журнала «Сура».

ТИХОНОВ Александр Александрович. Родился в 1990 г. в посёлке Большеречье Омской области. Живёт в г. Тара. Работает заведующим научно-краеведческим центром районной библиотеки. Стихи и проза публиковались в различных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Омска и других городов. Победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов. Лауреат Всероссийского литературного фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2015), Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2015) за дебютную книгу стихов «Облачный парус» (Омск, 2014). В «Суре» публикуется впервые.

ФЕЛЬДМАН Павел Артемович. Родился в 1949 г. в с. Варваровка Каменского района Пензенской области. Окончил Пензенский

государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского. 45 лет проработал в школе, 40 лет из них директором. Заслуженный учитель РФ (1995 г.), член Союза краеведов России. Автор 45 книг, брошюр и более 100 статей. К наиболее значимым его произведениям относятся «Каменка (с древнейших времен...)» (К. 1995 г.), «Энциклопедический словарь г. Каменка и Каменский район от «А» до «Я» (П. 1998 г.), «Гордость земли каменской» (П. 1999 г.), «Каменка. Памятная книга» (П. 2000 г.), «Каменцы в годы Великой Отечественной войны (1941 — 1945)» (П. 2000 г.), «Муса Бигеев — выдающийся энциклопедист» (П. 2013 г., совместно с И.Х. Гуркиным). П.А. Фельдман — создатель программы «Каменкаведение» и первого в России районного энциклопедического словаря. Живет в г. Каменке Пензенской области.

ЧЕБАЛИНА (ЛЫЧАГИНА) Елена Геннадьевна. Родилась в 1984 г. в Баку. Окончила факультет вычислительной техники ПГУ и магистратуру по направлению «Экономика» Всемирного технологического института (ВТУ). Автор книг «Шахматы» (2004) и «Веретено» (2015). Автор публикаций в книгах «Молодая пензенская поэзия» (2007), «Дом на четыре окна» (2008), в коллективных сборниках «Я стихи выпускаю в небо», «Реванш», альманахах «Берега», «Четверги». Лауреат премии губернатора Пензенской области (2012), Всероссийского открытого поэтического фестиваля «Мцыри» (2007), областного конкурса им. А.И. Куприна «Гранатовый браслет» (2005), дипломант Всероссийского поэтического конкурса в рамках Пушкинского молодёжного фестиваля искусств «С веком наравне» (2004 г., 2005 г.), по итогам которого стихи были опубликованы в журнале «Современники». Участник поэтических клубов «Берега» и «Поющие поэты» при журнале «Сура». Лауреат литературной премии журнала «Сура» «Под Лермонтовской звездой». Председатель правления регионального отделения Союза писателей России.

Учредитель и издатель:
ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА, А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ, Ю.В. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ, В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Р е д а к ц и я:
Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Федор САМАРИН — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (**http://liblermont.ru**)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор), lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), fedor.samarin2011@yandex.ru (редактор отдела прозы), ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 24.08.2015 года. Подписано в печать 24.09.2015 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.
Заказ № 1454. Цена договорная. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ОАО «ИПК «Пензенская правда».
Адрес: 440026, г. Пенза, ул. К. Маркса, 16.